

ТРИ КАПЕЛЬКИ ВОДЫ: ЗАМЕТКИ НЕКИТАИСТА О КИТАЕ

Владимир Попов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие: как Восточная Азия опровергла теорию роста

Тигр прыгнул

«Хайер»

«Пусть Китай, как и великая Янцзы, всегда движется только вперед!»

Традиции

Жизнеспособность

Экономика – почему Россия не Китай

История

Институты и демократия

Опасности

Политика

Куда смотрит восточная голова российского орла

Мораль

Издательство «Дело»

Москва, 2002 г.

ТРИ КАПЕЛЬКИ ВОДЫ: ЗАМЕТКИ НЕКИТАИСТА О КИТАЕ

Владимир Попов

Аннотация

Это брошюра, написанная в публицистическом жанре - без таблиц, графиков, расчетов и ссылок на литературу, о современном Китае, в основном об экономике (примерно половина текста), но также и о культуре, истории, религии, политике. Главный вопрос, обсуждаемый в работе, почему Китаю (а раньше - другим странам Восточной Азии, основанным на китайской культуре – Японии, Корее, Тайваню, странам ЮВА) удалось во второй половине 20 века стать единственным крупным регионом, сократившим разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Чисто экономические факторы – открытость экономики, сильные институты, макроэкономическая стабильность, экспортно-ориентированная промышленная политика, видимо, лишь отчасти объясняют восточноазиатский, и в частности китайский, головокружительный успех. Не меньшее значение, видимо, имеют и неэкономические, культурно-исторические факторы, хотя какие именно – не вполне ясно. Как говорится в работе, «секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не поняв, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли».

THREE DROPS OF WATER: NOTES ON CHINA BY A NON-SINOLOGIST

VLADIMIR POPOV

Summary

This brochure presents an extended essay about China, not a presentation of research results, and contains no tables, charts, calculations or references. Half of the text is devoted to economics in China, while the remaining half presents summaries of Chinese politics, culture, history, and religion. The major question discussed is how China – and other countries based on Chinese culture, such as Japan, Korea, Taiwan, and Southeast Asian states – unlike other developing economies managed to bridge the gap in the level of economic development with the West during the second half of the 20th century. Economic factors, such as openness, liberalization, strong institutions, macroeconomic stability, and export-oriented industrial strategy, provide most probably merely a partial explanation of rapid growth. No less important were the historical and cultural factors, although it is not exactly clear how they operated. As argued in this essay, “the secret of the East Asian economic miracle probably cannot be revealed without understanding why there were no religious wars in China, or why in Chinese characters denoting words connected with water one can still see three stylized drops.”

Во многих китайских словах, связанных с водой, есть сокращенный остаток иероглифа, обозначающего воду, и напоминающий три капельки воды.

Предисловие: как Восточная Азия опровергла теорию роста

Я никогда раньше не писал о Китае. В основном писал экономические статьи и книги, доводилось писать и публицистику, но не о Китае, а все больше про нашу и мировую экономику. Очень сомневался, писать о Китае или нет. Все-таки я не китаист, языка хорошо не знаю, китайской историей и культурой никогда специально не занимался. А школа китаистов у нас сильная, одна из сильнейших в мире, и подступиться к китаистам, не зная ни одного китайского стихотворения на языке оригинала, практически невозможно.

И все-таки я решился – и вот почему. Китаисты живут в основном древностями, литературой, философией и историей. Их убеждать в величии китайской культуры не надо, они сами кого-хочешь в этом убедят, для них отставание Китая от Запада в последние два столетия – не более чем завитушка в поступательном развитии великой цивилизации. Причинами этого отставания они не слишком интересуются, да и отставанием это не считают – для них важнее величие духа, а не материальное богатство. Экономисты же, похоже, за деревьями не видят леса: хотя они и интересуются причинами быстрого восточноазиатского роста в последние годы, они не воспринимают его как беспрецедентный и не особенно обращают внимание на длительное отставание Восточной Азии в предшествующий период – в 1600-1950гг.

Между тем, рост действительно беспрецедентный, не имеющий аналогов в мировой экономической истории. Китаю (а раньше - другим странам Восточной Азии, основанным на китайской культуре – Японии, Корею, Тайваню, странам ЮВА) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7-10% и поддерживать эти темпы роста в течение нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй

половине 20 века стала по сути единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Одно время, в 50-е – 70-е годы, казалось, что СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращают разрыв с Западом. Но затем их модель импортзамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке – после долгового кризиса начала 80-х годов, в СССР и Восточной Европе – в 90-е годы, когда они пережили падение производства, сравнимое только с «великой депрессией» 30-х годов.

Собственно говоря, именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые – Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад, в мире пока нет. Два последних случая можно списать на малые масштабы – это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаз. Тем более теперь, когда по стопам этих стран идет Китай с пятой частью мирового населения. Вдобавок ко всему, не только темпы экономического роста в Восточной Азии были выше, чем в остальном мире, но и социальное неравенство было ниже, чем в схожих по уровню развития странах, преступность – ниже, продолжительность жизни – выше.

Либеральные экономисты (неоклассики) объясняют успех Восточной Азии рыночными реформами – дерегулированием экономики, низкими налогами и относительно небольшим, но эффективным правительством, стремительным вовлечением в мировую торговлю. По их мнению, восточноазиатские «тигры» и «драконы», наконец-то, показали всему миру, на что способна рыночная экономика со стабильной валютой, открытая внешнему миру и освобожденная от бюрократических пут.

Экономисты более левого толка – от кейнсианцев до дирижистов – говорят, что открытых дерегулированных экономик в мире полно, от Аргентины до Зимбабве,

однако большинство из них высокими темпами роста мир особенно не удивляли. Они указывают на либерализацию и открытие экономики в Китае в середине XIX века, после опиумных войн, в Африке и Латинской Америке в 80-е годы XX века, в бывшем соцлагере в 90-е годы (исключая Китай и Вьетнам – не правда ли, примечательные исключения?), после которых темпы роста упали, а не возросли. Наконец, они обращают внимание на сильную промышленную политику, проводившуюся практически во всех восточноазиатских странах: хотя госрасходы в этом регионе и вправду были относительно невелики, вмешательство бюрократии в хозяйственную жизнь здесь малым не назовешь. Рынок, конечно, играл свою роль в распределении ресурсов, но только после утверждения стратегических направлений правительственными чиновниками.

В 1993г. Всемирный банк опубликовал исследование «Восточноазиатское чудо: экономический рост и правительственная политика», в котором проанализировал факторы стремительного экономического роста в 1965-90гг. 8 восточноазиатских стран – Гонконга, Индонезии, Малайзии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Таиланда и Японии. Выводы оказались неоднозначными. Все экономисты признали в качестве составляющих успеха политику, направленную на создание стабильной макроэкономической среды (низкая инфляция), стимулирование сбережений и государственных вложений в образование и инфраструктуру, привлечение иностранных инвестиций, поддержку надежной банковской системы.

Но вот, что касается промышленной политики – создания особых преференций для развития отдельных отраслей обрабатывающей промышленности через тарифную защиту, госсубсидии, госзаказы, госкредиты и т.п., – здесь особого единства не наблюдалось. В лучшем случае можно говорить о том, что Всемирный банк частично и нехотя признал, что экспортно-ориентированная промышленная политика, благоприятствующая сильным конкурентоспособным отраслям, которые и так поднимаются вверх силами рынка, может быть эффективной. То есть если правительство подталкивает структурную перестройку в том направлении, в котором она уже и так идет, то промышленная политика «может быть» полезной. Может

быть, но не обязательно будет – не дано бюрократам знать лучше, чем рынку, какие отрасли в будущем будут преуспевать, а какие обречены на вымирание. И если они угадали один раз, это не значит, что угадают второй.

В 1994г. Пол Кругман – один из самых известных американских экономистов, основываясь на новых расчетах факторов экономического роста в Восточной Азии, произведенных Элвином Янгом, заключил, что тайны восточноазиатского роста не существует. Здесь не обойтись без пояснений. В классической теории экономического роста факторы роста делятся на экстенсивные (увеличение вложений ресурсов – труда, капитала, земли) и интенсивные (технический прогресс в широком смысле этого слова – все нововведения, ведущие к повышению отдачи этих вложений). Считается, что увеличение вложений одного из факторов без пропорционального увеличения вложений других непременно ведет к снижению отдачи: скажем, увеличение капиталовложений в машины и оборудование без соответствующего увеличения занятости будет давать все меньшие и меньшие приросты выпуска. Поэтому форсировать инвестиции – ускоренно накапливать капитал – не слишком выгодно: произойдет снижение эффективности капиталовложений, так что ускорение роста, если и произойдет, то самое незначительное.

Пример – экономический рост в СССР, который был очень высоким в 50-е годы (8% ежегодно), а потом упал до 2-3% в 80-е из-за перенакопления капитала: доля инвестиций в ВВП в этот период возрастала, и возросла аж до 35%, накопление основных фондов шло высокими темпами, а вот результаты были более, чем скромные. Как говорила Алиса в «Стране чудес», нам приходилось бежать вдвое быстрее, чтобы остаться на том же самом месте. Считается, что советская экономическая динамика – лучшая иллюстрация классической теории роста (модели Солоу): если вклад технического прогресса незначителен, каким он и был у нас, то есть, если рост по преимуществу экстенсивный, то поддерживать высокие темпы роста за счет высоких инвестиций длительное время невозможно, они неизбежно падают, приближаясь к темпам роста населения.

Так вот Пол Кругман доказывал, что восточноазиатский рост был в основном экстенсивным, как и в СССР, из чего следовало, что никакой великой тайны в этом росте нет – если вы готовы направлять свыше трети своего ВВП на инвестиции, ограничивая потребление, то тоже можете так расти, нечего изобретать колесо. Кроме того Кругман предсказывал, что этот рост скоро закончится, как закончился советский рост, потому что по мере истощения резервов рабочей силы из-за полного вовлечения женщин в производство и замедления притока крестьян в города наращивание инвестиций дает все меньшую отдачу, эффективность накопления все более падает. Валютные кризисы 1997г., сразу же после которых темпы роста стран Восточной Азии резко замедлились, казалось бы, подтвердили правоту Кругмана. Для Китая, правда, кризис был, что слону дробина: ВВП продолжал расти, только что темп роста снизился с 9% в 1997г. до 8% в 1998г. и до 7% в 1999г., а в 2000г. вновь возрос до 8%. Но вот в странах ЮВА ВВП в 1998г. упал на 9%; в «4-х тиграх» – Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг – на 3%. Однако...

Однако есть, как минимум, три возражения. Во-первых, то, что экономисты называют экстенсивным ростом, например, ускоренное накопление капитала при слабом росте рабочей силы и отсутствии технического прогресса, вполне может вести к повышению уровня хозяйственного развития – ВВП на душу населения. Если Южная Корея повысила свой ВВП на душу населения с менее 10% от уровня США в 1960г. до 50% в 1995г., то, как говорится, дай бог каждому такое экстенсивное развитие. Пусть потом эффективность накопления падает, пусть даже темпы роста упадут – ведь дело-то уже сделано, страна вырвалась из отсталости. Так что ничего постыдного в «экстенсивном» ускоренном накоплении капитала нет, наоборот, есть загадка – почему одним странам удается поддерживать высокую долю инвестиций в ВВП а другим нет.

Во-вторых, статистические оценки, свидетельствующие о слабом вкладе технического прогресса в восточноазиатский рост, не единственные, есть и другие, показывающие, что этот вклад был примерно таким же, что и в западных странах, и значительно

выше, чем во всех других развивающихся странах. Тогда получается, что Восточная Азия знает не одну, а две великие тайны – не только как поддерживать высокую долю инвестиций в ВВП, но и как обеспечить более высокие темпы технического прогресса, чем в других догоняющих странах.

Кроме того, сама классическая модель роста в 80-е годы подверглась ревизии – главным образом из-за того, что восточноазиатский стремительный рост не укладывался в схему, предусматривающую неперенное снижение эффективности накопления по мере увеличения доли инвестиций в ВВП. И в СССР и в Восточной Азии доля инвестиций в ВВП была высока, только вот результаты были различны: в Советском Союзе нужно было все больше и больше инвестиций, чтобы не падали темпы роста (а они все равно продолжали падать), тогда как в Восточной Азии увеличении инвестиций приводило к ускорению роста.

Поэтому и появились модели так называемого эндогенного роста, в которых технический прогресс сам зависит от накопления физического капитала (машины, сооружения) и человеческого капитала (запас знаний и профессиональных навыков). В общем идея интуитивно вполне понятная, технический прогресс в этих самых машинах и навыках материализуется, чем больше вкладываешь в технологию и образование, тем больше должны быть темпы технического прогресса. Но в экономической теории до середины 80-х годов получалось наоборот, хотя на практике, у кого инвестиций были больше, тот и рос быстрее. А печальная история советского роста, таким образом, получала иную интерпретацию, превращаясь из правила в исключение – все дело в плановом характере экономики, в рыночной среде такое замедление роста при наращивании инвестиций произойти не могло. (Не все так просто, конечно – исключительно высокий рост СССР в 50-е годы вопреки плановой модели и довольно низким инвестициям в такой трактовке необъясним, но это уже другая история.)

Наконец, в-третьих, после кризисов 1997г. Восточная Азия опять, похоже, «принялась за старое» – в Корее, на Тайване, в Китае темпы роста составили в 1999-

2000гг. по 5-11% в год, в странах ЮВА в среднем 3% в 1999г. и 5% в 2000г. В целом темпы роста в Восточной Азии в 2000г. составили 7,3%, а в 2001г., по предварительным оценкам, снизились до 4,6% из-за спада в мировой экономике и террористических актов 11 сентября. Китайская экономика, правда, опять не обнаружила высокой чувствительности к мирохозяйственной конъюнктуре: ее рост в первом полугодии 2001г. составил 8% в годовом исчислении, а во втором – всего лишь на несколько десятых процента меньше.

Экономисты, таким образом, похоже, до сих пор не договорились, «был ли мальчик»: то ли рост в Восточной Азии был исключительным, то ли так, ничего особенного, экстенсивные факторы. А среди тех, кто считает этот рост чудом, тоже согласия нет – то ли это результат рыночной либерализации и открытости, то ли следствие умелого бюрократического управления. И в прогнозах на будущее единства не наблюдается – то ли валютно-финансовые кризисы 1997г. похоронили быстрый рост раз и навсегда и доказали что чуда-то в общем не было, то ли этот рост продолжится в дальнейшем и через несколько десятилетий приведет к превращению стран ЮВА и Китая в экономически развитые страны, как это произошло ранее с Японией, Кореей, Тайванем.

На мой взгляд, последний сценарий более вероятен – Восточная Азия догонит Запад гораздо раньше, чем Россия, а потом, может быть, и перегонит, так что мир скоро сильно изменится в том числе и по этой причине. Но дело даже не в этом, а в том, что если быстрый китайский рост закончится завтра, предмет для обсуждения все равно не исчезнет. Чудо уже состоялось, свершилось на наших глазах, только вот экономисты, похоже, его не слишком заметили. Повторюсь: не было в мире таких прецедентов, никто не рос так быстро как Япония, Корея, Тайвань, страны ЮВА, Китай – какие еще нужны доказательства? Если рост завтра прекратиться, мы будем иметь две загадки вместо одной – надо будет объяснить не только, почему рост был раньше, но и почему он закончился теперь. Как говорил нобелевский лауреат по экономике Роберт Лукас, «если мы знаем, что такое экономическое чудо, мы должны суметь его сотворить»; ну а если не можем сотворить, значит не знаем.

России, размышляющей над тем, как бы побыстрее догнать западные страны, надо смотреть не только на запад, но и на восток: именно там, где восходит солнце, находятся реальные и единственные примеры успешного *догоняющего* развития. Страны Восточной Азии или уже прошли или прямо сейчас проходят за несколько десятилетий, буквально на протяжении жизни одного поколения, путь, который на Западе занял не одно столетие.

Не претендуя на раскрытие тайны восточноазиатского экономического чуда, я хотел бы привлечь внимание к самому факту беспрецедентно быстрого и до сих пор почти во всех смыслах очень успешного китайского развития и рассказать о том, что я увидел в Китае в последние годы и что меня особенно поразило. Эта брошюра не научная, а публицистическая, я только пытаюсь наметить возможные объяснения, причем, скорее не на аналитическом, а на интуитивном уровне. Чисто экономические факторы – открытость экономики, сильные институты, макроэкономическая стабильность, экспортно-ориентированная промышленная политика – лишь отчасти объясняют восточноазиатский, и в частности китайский, головокружительный успех. Не меньшее значение, видимо, имеют и неэкономические, культурно-исторические факторы, хотя, какие именно, не вполне ясно. Секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не понять, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли.

Я признателен многим в Китае, России и Канаде, которые помогли мне написать эту книжку¹, и, в частности, Виле Гдаливичу Гельбрасу, профессору Института стран Азии и Африки при МГУ, знатоку китайской экономики и китайских реформ, который, наверное, уже и не помнит, как отвечал на мои вопросы в Харбине в 1989г., когда я впервые оказался в Китае; Ли Цзинцзе – директору Института Восточной

---

¹ Отрывки из данной книги опубликованы в журнале «Знамя» (№ 10, октябрь 2001г.), в одноименной брошюре, изданной *Российской экономической школой* в 2001г., в журнале «Эксперт» (11 июня 2001г. - <http://archive.expert.ru/expert/01/01-22-82/data/china.htm>) и в «Независимой газете» (30 августа

Европы, России и Средней Азии Китайской Академии общественных наук в Пекине, первому китайцу в моей жизни, с которым я подружился еще будучи в Японии, и который и пробудил во мне интерес к стране; Карлу Макмиллану, профессору Карлтонского университета в Оттаве, терпеливо и доброжелательно выслушивавшему все мои объяснения «китайских загадок» и делившимся со мной воспоминаниями детства о довоенном Шанхае, где он был вместе со служившим там его отцом, офицером ВМС США; Николаю Петровичу Шмелеву, директору Института Европы РАН, Александру Абрамовичу Фридману, проректору Российской экономической школы, и Наталье Борисовне Ивановой, литературному критику и редактору журнала «Знамя», – первым читателям, поддержавшим идею публикации; Илье Сергеевичу Смирнову, специалисту по старинной китайской поэзии, пристрастно прочитавшему рукопись и обнаружившему несметное количество ошибок. Более же всего я обязан Лу Айго, сотруднику Института мировой экономики и политики в Пекине, автору многому научившей меня книги «Китай и мировая экономика с 1840г.»². Если я действительно сумел что-то увидеть и понять в Китае, это заслуга прежде всего имею Лу Айго. Всем спасибо.

2001г. - http://www.ng.ru/economics/2001-08-30/4_plan.html и 5 июня 2001г. - http://www.ng.ru/style/2001-06-05/16_bicycle.html).

² Lu Aiguo. China and the Global Economy Since 1840. MacMillan Press, London, and St. Martin's Press, New York, 2000.

Тигр прыгнул

Канадский профессор объяснял у себя в офисе китайскому аспиранту, как пользоваться телефоном с несметным количеством кнопок и функций. Он старался четко выговаривать слова, чтобы китаец, не слишком хорошо изъяснявшийся по-английски, его понял. – А что, Китай производит телефонные аппараты? – спросил он. Китаец, вежливо кивая, перевернул телефон – там было написано “made in China”. О-о! – сказал канадец и тут же про все забыл: ну производит, и производит, бог с ним, другие дела есть. Между тем, случай очень типичный: те, кому за сорок, и у нас, и на Западе, все еще думают о Китае как о развивающейся стране, которая, да, знаем, в последние годы растет очень быстро, добивается поразительных успехов, догоняет развитые страны и, может быть, даже производит телефоны. Это вполне естественно, так как представить, что за 23 года реформ (1978-2001гг.) реальные доходы возросли без малого в 5 раз без подготовки невозможно, это просто не укладывается в голове. Это не догоняющее развитие, это прыжок из отсталости в современный мир, из XVIII века в XXI в нашей европейской хронологии. Других precedентов такого стремительного роста экономическая история не знает. Другим странам – США, СССР, западноевропейским, – чтобы увеличить реальные подушевые доходы в 5 раз требовалось во все исторические периоды в лучшем случае почти столетие, Китаю понадобилось лишь два десятилетия.

До Китая, как уже говорилось, такие же высокие темпы роста демонстрировала Япония, потом азиатские «драконы» (или «тигры», кому как нравится) – Тайвань, Корея, Сингапур, Гонконг, потом страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). Теперь, когда к «драконам» и «тиграм» присоединился Китай, мы фактически становимся свидетелями вырастания из бедности третьей части населения планеты (Япония, «драконы», ЮВА и Китай) – беспрецедентного сокращения разрыва в уровнях хозяйственного развития между Западом и частью развивающегося мира. С тех пор как Запад вырвался вперед в XVI веке, этот разрыв все время углублялся – вплоть до XXI века – для большинства развивающихся стран. А вот для Восточной Азии с середины XX века стал сокращаться.

В общем выходит, что Восточная Азия, базирующаяся в основном именно на китайской культуре, знает великую тайну, неизвестную другим странам, по крайней мере в том, что касается догоняющего развития. А, может быть, и не только догоняющего. Что если Восточная Азия не только догонит, но и перегонит Запад? Про Японию традиционно говорили, что ее быстрый рост основан, среди прочего, на заимствовании технологии за рубежом, на скупке патентов и лицензий, на копировании достижений других стран, а вот к самостоятельным пионерским технологическим разработкам и нововведениям японская экономика (культура/ментальность/организация – ненужное зачеркнуть) не слишком приспособлена. Но Япония и Корея в 90-е годы тратили на научные исследования и разработки по 2,8% валового внутреннего продукта (ВВП) – больше, чем США (2,6% ВВП), и значительно больше, если не считать военные исследования. Такие массивные вложения в науку должны окупиться, пусть и не сразу, как окупались с лихвой вложения этих стран в образование в 50-е – 60-е годы.

Ну а по телефонам Китай быстро догнал и перегнал Россию: мобильных телефонов на душу населения там в 1998г. было в 4 раза больше, чем у нас – 19 и 5 в расчете на 1000 жителей соответственно. И работали эти телефоны практически везде, на всей территории страны, а не только в крупных городах, как у нас. В середине 2001г. Китай вышел на первое место в мире по общему числу мобильных телефонов, обогнав США, – 121 миллион штук против 120 миллионов в США, или почти 100 на каждую 1000 жителей. У нас в середине 2001г., по оценкам, было порядка 5 миллионов, то есть чуть более 30 в расчете на 1000 жителей.

Данные разнятся, в них много несоответствий, статистика не поспевает за быстрым китайским ростом, многие будут спорить с тем, что китайские реальные доходы выросли в 5 раз за период реформ. Но факт остается фактом, даже если китайская экономика росла средним темпом 8% в год, а не 10%, как свидетельствует официальная статистика, то производство, доходы и потребление в расчете на душу населения увеличивались ежегодно примерно на 7% (8% прироста производства

минус 1% прироста населения), то есть удваивались каждые 10 лет. По официальной китайской статистике получается даже еще быстрее.

Сейчас китайский ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (то есть с учетом того, что китайские цены в среднем в 4-5 раз ниже американских) составляет около 15% от американского уровня, причем при сохранении нынешних темпов роста Китая и США разрыв будет сокращаться вдвое каждые следующие 15 лет, как он и сокращался в 1980-90-е годы: 2015г. – 30%, 2030г. – 60%, в 2045г. – ...нет, так долго высокие темпы роста продержаться не могут, здесь все эксперты единодушны. Весь же китайский ВВП, то есть подушевой, помноженный на почти 1300 миллионов душ, составляет порядка половины от уровня США – здесь Китай пока что делит с Японией второе и третье места, но при сохранении нынешних темпов роста в 2015г. выйдет на первое место. Кстати, при сохранении нынешней политики «один ребенок в семье» численность китайского населения должна стабилизироваться в 2030г. на уровне 1600 миллионов.

Согласно недавно подготовленному ЦРУ-шному прогнозу, замедление темпов роста в Китае должно произойти уже в ближайшее время, так что даже в 2015г. Китай будет немного отставать от США по объему ВВП: США – 14 триллионов долларов, Китай – 12 триллионов, Европейский союз – 14 триллионов, Япония – 4 триллиона, Россия – 1 триллион. В США Китай воспринимается как первый кандидат на замещение СССР в качестве новой сверхдержавы. «Китай почти наверняка станет сверхдержавой в нынешнем столетии и в этом качестве сможет представлять угрозу для Соединенных Штатов», – заявил в августе 2001г., вскоре после инцидента с американским самолетом-шпионом, Пол Вулфовиц, первый замминистра обороны США.

Чтобы представить себе удвоение реальных доходов каждые 10 лет, надо видеть это своими глазами. Это значит, что вы начинали свою трудовую жизнь 20 лет назад с зарплатой в 50 долларов в месяц, а сейчас, когда вам всего только сорок, вы получаете 500 долларов (с поправкой на 3-процентную инфляцию и минимальное

продвижение по службе). Еще десять лет – и вы будете получать около 2500 долларов в месяц, а к моменту ухода на пенсию – 5000 долларов. Многие начинали жизнь бедняками, а заканчивали богачами, но только в Восточной Азии это случалось с основной массой населения целых стран. Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, а теперь вот и Китай. Но в Китае все это разворачивается на глазах моего поколения в десятикратных, стократных масштабах, так что в буквальном смысле слова дух захватывает, когда видишь перемены своими глазами.

Я приехал в Китай впервые в 1989г., через несколько месяцев после кровавого подавления студенческой демонстрации на Тяньаньмэнь. Фотографии разыскиваемых властями студентов в аэропортах и на вокзалах, чернеющие темными окнами по вечерам на Чанъаньцзе, главной пекинской улице, пустые гостиницы, из которых схлынули иностранные инвесторы, и бедность, беспросветная, как казалось тогда, бедность даже в Пекине, не говоря уже о провинции. И это опыт китайской либерализации, который у нас в те перестроечные годы с таким энтузиазмом пропагандировался? Тем большим был шок десять лет спустя...

В Шанхае небоскребов сейчас уже чуть-ли не больше, чем на Манхэттене. К началу 2000г. в Шанхае было 1350 зданий с числом этажей 20 и больше – не десять, не сто, а более тысячи! А ведь 20 лет назад их вообще не было. Как писал недавно канадский журнал, небоскребы растут в Шанхае быстрее, чем в Торонто меняются уличные знаки – и это не преувеличение. Я далек от того, чтобы считать число небоскребов мерой прогресса, но для многих американцев это бесспорный аргумент. «Если весь Китай будет как Шанхай, нам останется только улететь на Луну», – сказал мне американский бизнесмен полушутя-полусерьезно.

На набережной Вайтай, районе колониальной застройки, банки и отели европейской архитектуры – ампирные особняки с сидящими у входа британскими львами и американские «небоскребы» начала века в 16 этажей с толстыми стенами, сужающимися кверху, какие еще можно видеть в чикагском даунтауне. Они

выглядят уже не изысканно, как прежде, а сентиментально-провинциально на фоне нового района Пудун с эффектной телебашней и сверкающими небоскребами, как из «звездных войн» (вкусы у «новых китайцев» порой как у «новых русских», но не все сразу). Или на фоне Жэньминь гуанчан – Народной площади в центре Шанхая с фонтанами и роскошными зданиями шанхайского музея, городского правительства и нового театра западной оперы.

К слову сказать, именно шанхайские предприниматели веками занимали в Китае положение элиты делового мира; они считали себя первыми во всем, нехотя признавая верховенство разве что только бюрократов пекинского императорского двора, да и то лишь в вопросах административного управления. На приморский юг Китая – провинцию Гуандун с центром в Гуанчжоу (Кантон), Шэньчжэнь (самую известную из первых четырех свободных экономических зон) и примыкающий к нему Сянган (Гонконг) – традиционно смотрели, как на родину мелких лавочников, уступающих шанхайским бизнесменам в размахе, энергии и кругозоре. С началом реформ шанхайцы, завидовавшие прежде Гонконгу, получили шанс: «уж если даже эти мелкие кантонские торговцы смогли так разбогатеть при рыночной экономике, представляете, чего мы сможем добиться?» В начале 90-х годов Шанхай выдвинул лозунг – стать финансовой столицей Азии вместо Гонконга. Когда же после возвращения Британией в 1997г. Гонконг снова стал китайским, Пекин посоветовал шанхайским властям лозунг снять: мол, Гонконг теперь снова наш, китайский, не надо подрывать его позиций, становитесь финансовой столицей, но не за счет Гонконга. Чем больше у Азии финансовых столиц, тем лучше, если, конечно, они китайские.

Процветание Гонконга прежде базировалось на посредничестве в торговле между Тайванем и континентальным Китаем; теперь, когда Тайвань, наконец, соглашается налаживать прямые связи с Пекином, минуя Гонконг, у последнего практически не остается конкурентных преимуществ. Обрабатывающая промышленность Гонконга уже почти вся переместилась в соседний Шэньчжэнь. Стоимость жизни и земли в Шанхае значительно ниже, чем в Гонконге, уровень жизни быстро подтягивается к

гонконгскому, да и влияние шанхайских бизнесменов в пекинских коридорах власти побольше, чем у, хоть и богатых, но все же компрадоров из бывшего колониального анклава. В Шанхае и окрестностях уже постоянно проживают 300 тысяч тайваньцев, а в тайваньских книжных магазинах полно пособий-путеводителей о жизни и бизнесе в Шанхае.

Дун Цзянь-хуа (Tung Chee-hwa в старом написании, которое используется в Гонконге, и Dong Jianhua в новом, которое принято в континентальном Китае), глава специального административного района, каким является сейчас Гонконг, родился в Шанхае, но его семья переехала в Гонконг еще до революции, в 1947г. Когда семейная судоходная компания после смерти отца в 1982г. оказалась на грани банкротства, Дун обратился за помощью к правительству Тайваня, но ничего не получил. В 1986г., однако, ему сильно помогло пекинское коммунистическое правительство через государственные банки, так что он уже тогда понял, кто в Азии важнее. Дальновидность Дуна была вознаграждена – он был избран главой района в 1996г., еще при англичанах, и назначен таковым китайским правительством. Под руководством Дуна Гонконг теперь пытается найти свое новое место рядом с вновь поднимающимся Шанхаем. Сам Дун, кстати, говорит не только на кантонском и английском, но и на официальном китайском и шанхайском диалектах – большое преимущество в новых условиях.

Шанхайцы славятся умением договариваться. В 1989г., когда пекинские студенты митинговали на Тяньаньмэнь, в Шанхае студенты тоже заняли главную площадь – Народную. Однако шанхайские лидеры войска не вызывали и смогли договориться со студентами без кровопролития, что резко подняло их общенациональный авторитет и помогло продвинуться в национальную политику. Сегодня именно они руководят страной – председатель Компартии Цзян Цзэминь и премьер-министр Чжу Жунцзы в прошлом были лидерами в Шанхае.

Строительство в Китае буквально везде – 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Приезжающему каждый год в Пекин невозможно не заметить, как меняется город:

старые хутуны – огромные кварталы одноэтажных трущоб без водопровода и канализации (один туалет на целый квартал, из которого вечером автоцистерна-ассенизатор откачивает содержимое) исчезают с такой скоростью, что защитники архитектурных ценностей организовали движение протеста. Про такие же цистерны с неприятным запахом писал, кстати сказать, Владимир Овчинников в «Ветке сакуры»: они циркулировали и по Токио еще и в 1960г., так что мэр японской столицы вынужден был тогда ограничить их передвижение на период токийской олимпиады, чтобы не портить впечатление участникам и гостям. Это было в 1960г., а в 1970г. Япония стала развитой страной с уровнем ВВП на душу населения в 60% от американского (в 1990г. – 80%). До пекинской олимпиады еще 7 лет (2008г.), так что многие хутуны к этому времени, наверное, совсем исчезнут.

Многие, но не все, так как хутуны – памятник не только архитектуры, но и городской планировки. Так раньше строился Пекин во времена династий Юань (1279-1368гг.), Мин (1368-1644гг.) и Цин (1644-1908гг.): в центре дворец императора – Запретный город, а вокруг хутуны – кварталы квадратных домов (с квадратным двором в середине и четыремя домами по сторонам) с воротами и стенами. Дома знати располагались близко к дворцу (чем ближе, тем знатнее), занимали целый квартал и простирались в основном на запад и восток от дворца; к северу и югу располагались хутуны попроще. Главный вход в дом всегда обращен на юг, как вход во дворец Гу Гун на площади Тяньаньмэнь. Строго говоря, хутун (дословно: «хаотичное, или варварское, единство») это переулок между квадратными домами с двором в середине, многие улицы в Пекине до сих пор называются хутунами, хотя старых домов там уже не осталось.

Макеты древнекитайских городов поражают своей геометрически правильной планировкой; фэншуи (буквально: ветер-вода) – учение о том, как должен быть расположен дом на местности и комнаты в доме, чтобы оберечь обитателей от злых духов и обеспечить им гармонию со средой обитания и процветание – раньше было очень популярно в Китае. В современном Китае к фэншуи относятся менее серьезно, несколько насмешливо, часто – как к суеверию и шарлатанству, зато на Западе

школы и фирмы, предлагающие фэншуйские услуги вошли в моду и процветают. В двух американских университетах даже читают курсы по фэншуи, в марте 2002г. в Кельне открывается всемирная конференция по фэншуи. Попробуйте набрать «feng shui» и сделать поиск в интернете – получите несколько сот тысяч сайтов, в основном на Западе.

Так или иначе, хутуны занимают около трети городской территории Пекина, там все еще живет пока порядка половины населения, но они неумолимо поглощаются наступающими новыми кварталами. Чтобы сохранить неповторимую хутунскую городскую планировку, дошедшую до наших дней, в Пекине решено оставить несколько сот самых ценных хутунов полностью или частично (у некоторых хутунов ворота необыкновенной красоты, хотя внутри квартала и нет ничего особенного).

Пока же у пекинского муниципалитета другие заботы – недавно он предписал останавливать строительные работы в городе с 11 вечера до 7 утра на двухнедельный период летних вступительных экзаменов в университеты. Новое поколение единственных в семье детей, о которых родители заботятся, как о «сяо хуан ди» - маленьких императорах, должно высыпаться, чтобы успешно сдать экзамены. Так что на две недели в году ночное строительство прекращается, а в остальные 50 идет полным ходом...

Город Янтай провинции Шаньдун, не центр провинции, а город префектурного значения, что-то вроде нашего Череповца или Харовска Вологодской области, лето 1997г., разгар рабочего дня, просторный главный операционный зал одного из 8 государственных банков. В зале ряды кресел, как в кинотеатре, на которых сидит около сотни человек, напряженно смотрящих на электронное табло, по которому бегут иероглифы и цифры – котировки акций компаний на биржах в Шанхае и Шэньчжэне. Время от времени то один, то другой из сидящих вскакивает, бежит к машине, похожей на банкомат, засовывает туда пластиковую карточку и проворно нажимает кнопки. «Покупают и продают акции, чего здесь непонятного? – объяснил мне мой китайский друг. – А, вы удивляетесь, почему они не на работе? Так это в

основном пенсионеры и рабочие ночных смен». Действительно, чего непонятного? В городе Харовске Вологодской области пенсионеры и рабочие ночных смен вкладывают свои трудовые сбережения в акции – обыкновенное дело.

Да, Китай производит и экспортирует не только телефоны. Бедности и отсталости в Китае хватает и сейчас, но страна-то ведь огромная и неоднородная. В Шанхае уровень жизни составляет уже более 50% от американского, Пекине и Тяньцзине – порядка 30%; в приморских провинциях – Гуандуне (южная провинция Китая, примыкающая к Гонконгу), Чжэцзян и Цзянсу (к югу и северу от Шанхая), Фуцзянь (напротив Тайваня), Ляонин и Шаньдун (к северо-востоку и юго-востоку от Пекина), население каждой из которых приближается или превосходит 100 миллионов человек, ВВП на душу населения – порядка 25% американского уровня.

В дельте Янцзы около Шанхая – Чанцзян саньцзяочжоу – можно видеть трехэтажные крестьянские особняки, сверкающие зеркальными окнами и больше похожие на поселки новых русских. Да, это самый процветающий сельскохозяйственный район Китая, есть и бедные районы, но у нас таких домов на селе нет вообще, у нас в таких домах живут не крестьяне, а преуспевающие менеджеры. А в Китае этот район далеко не единственный – есть еще дельта Чжуцзян (Жемчужной реки) в Гуандуне на юге и богатые сельские районы в провинции Шаньдун на востоке.

У нас ВВП на душу населения составлял в 80-е годы, до рыночных реформ, порядка 30% от американского уровня, хотя по уровню жизни (личного потребления) соотношение было менее благоприятным – примерно 20-25% – из-за высокой доли военных расходов и инвестиций в ВВП. С тех пор мы спустились с 30 до 15% от американского уровня, а Китай поднялся с немногим более 5% в 1978г., накануне реформ, до почти 15% в 2000г., так что ВВП на душу населения у нас сейчас с Китаем примерно одинаковый. Уровень жизни в Китае, может быть, все еще несколько ниже, чем в России, так как 40% китайского ВВП против, грубым счетом, 20% у нас идет на инвестиции, но зато и перспективы роста из-за этого у нас разные. Новые оценки Всемирного банка дают несколько менее благоприятные для Китая и

неправдоподобно более благоприятные для России соотношения (12% и 23% от американского уровня соответственно) – в таких оценках, основанных на трудоемких расчетах паритетов покупательных способностей валют (ППС), всегда есть расхождения, абсолютная точность здесь невозможна, но тенденция к стремительному сокращению разрыва между Китаем и развитыми странами налицо.

В 1999г. Китай запустил свой первый непилотируемый космический корабль, успешно вернувшийся на Землю. В марте 2002 года на ракете «Великий поход» был запущен третий непилотируемый корабль, а в 2003 году в космос на аппарате китайского производства полетит первый китайский «тайконавт», уже проходящий подготовку в подмосковном Звездном городке. Китай, однако, не участвует в нынешнем международном (Россия, США, Европа и Канада) проекте орбитальной станции «Альфа». До конца нынешнего десятилетия Китай планирует вывести на орбиту собственную станцию, для чего разрабатывается новое семейство носителей грузоподъемностью 20 т. В октябре 2001г. глава Национальной космической администрации объявил о планах запуска автоматического зонда к Луне.

«Хайер»

Если вы еще не слышали о «Хайер», то это уже не проблема «Хайер», а ваша личная. Корпорация «Хайер» (“Haier”) из города Циндао провинции Шаньдун, что на одноименном полуострове на востоке Китая напротив Даляня (Дальнего, бывшего российского Порт-Артура) – символ предпринимательского успеха, живая легенда китайского бизнеса. В 1985г. Чжан Жуйминь был назначен директором захудалого обанкротившегося завода холодильников с оборотом всего 35 тысяч долларов в год и 600 рабочих, которым не платили зарплату. Чжану пришлось поначалу отучать рабочих мочиться на пол в заводском цеху и воровать оконные рамы на дрова. Затем он стал устанавливать стандарты качества – теперь уже весь Китай знает как он сам, собственноручно, вместе с виновными в дефектах рабочими разбил кувалдой 76 из 400 бракованных холодильников.

Через 15 лет корпорация «Хайер» стала одним из главных в мире производителей бытовой техники – холодильников, кондиционеров, стиральных машин, микроволновых печей, и т.д. – с продажами около 5 миллиарда долларов (раньше было 3 миллиарда, но за время подготовки рукописи продажи еще подросли – пришлось исправлять) и заводами на трех континентах. У лидеров отрасли – американской «Уёрпул» (“Whirpool”) и шведской «Электролюкс» (“Electrolux”) – продажи под 10 миллиардов долларов, но «Хайер» собирается утроить свои продажи в ближайшее десятилетие и войти в список «Форчун–500». В предыдущие 15 лет своего существования «Хайер» увеличивала продажи средним темпом 83% в год (то есть, утраивала продажи каждые 3 года), так что планы на ближайшее десятилетие легковесными не кажутся.

Сегодня «Хайер» производит, помимо бытовой техники, еще и телевизоры, компьютеры, DVD-плееры, сотовые телефоны и массу других изделий – вплоть до сушилок целебных трав по южнокорейским заказам. У корпорации 26 тысяч занятых, 10 заводов за границей – в Алжире, Индонезии, Иране, Малайзии, Мексике, США, на Филиппинах, дизайнерские и сервисные центры в Европе, США, Японии,

62 дистрибьютера. Продукция «Хайер» продается в 160 странах мира через 30 тысяч магазинов розничной торговли, продается с 1996г. под собственной торговой маркой «Хайер» – довольно редкая до недавнего времени практика в Китае.

В 1999г. лондонская «Файнэншиал таймс» объявила Чжана одним из 26 наиболее уважаемых лидеров бизнеса в мире; из других азиатов в список попали только Хироши Окуда («Тоёта») и Набоюки Идеи («Сони»). В десятке ведущих азиатских транснациональных корпораций «Файнэншиал таймс» поставила «Хайер» на седьмое место – это единственная пока китайская компания в первой десятке.

В Америке «Хайер» известна давно, успех завораживает, тем более успех «красной» государственной корпорации из коммунистического Китая. В Гарвардской школе бизнеса про историю возвышения «Хайер» написан «кейс стади» – будущие капитаны американского бизнеса разбираются, каким образом «Хайер», находящаяся в собственности трудового коллектива, контролируемая городским правительством Циндао и котирующая акции на Шанхайской бирже, совмещается с традиционной мудростью о том, что залог экономического успеха – четкое разграничение прав собственности. Каждый четвертый малогабаритный холодильник (которые используются в основном как минибары в гостиничных номерах) продается в США под маркой «Хайер». В марте 2000г. «Хайер» приобрела небольшой (180 рабочих) завод в США, в городе Камден, штат Южная Каролина – экспортировать продукцию в США с мексиканских и других заводов компании и сейчас выгоднее, так как в Америке очень дорога рабочая сила, но «Хайер» считает, что важнее приобрести имидж американской компании, работающей в Америке для американцев.

Рассказывают, что когда на южнокаролинском заводе компании ввели обычные хайеровские правила, в том числе и запрет на жевательную резинку на рабочем месте, американские рабочие расценили это как посягательство на личную свободу. Тем более, что в английском есть обидное выражение о людях с замедленной реакцией: he can't walk and chew – он не может идти и жевать одновременно. Однако производительность возросла и с запретом пришлось смириться: чего не сделаешь

ради повышения конкурентоспособности! «Хайер» нет еще 20 лет, но уже есть история и традиции, компания заботится о своем имидже. В 2001г. «Хайер» прикупила для своей новой американской штаб-квартиры старое солидное здание банка с коринфскими колонами на Махэттене.

А вслед за «Хайер» идут пока что менее известные и менее крупные многочисленные и амбициозные «минихайеры», среди которых и старые государственные компании, как «Циндао бир» (пиво стали производить в Циндао, еще когда эта территория была немецкой колонией), и новые, как «Конка» (“Konka”) – производитель телевизоров, «Ледженд» (“Legend”) – производитель компьютеров, или «Хуавэй» (“Huawei”) – производитель сотовых телефонов. Еще 10 лет назад китайский экспорт состоял в основном из одежды и обуви, в нем и сейчас эти товары преобладают: Китай, например, производит – страшно выговорить – 5 миллиардов пар обуви в год, каждый второй башмак в мире – китайский, 80% американского импорта обуви идет из Китая, а Индонезия, Вьетнам и другие страны ЮВА жалуются, что не могут выдержать китайской конкуренции. Но это 10 лет назад, это уже история: в Китае у времени иной масштаб, иные темпы, здесь за год происходит то, что в других странах за десять. Сегодня Китай превратился в третьего в мире крупнейшего производителя электроники, после США и Японии. Уже теперь в Китае продается больше сотовых телефонов, чем в любой другой стране мира, а в 2006г. объем китайского рынка компьютеров превысит японский и будет уступать лишь американскому. Только в экспорте программного обеспечения Китай в последние годы поотстал от Индии (1 миллиард долл. и 8 миллиардов соответственно), из-за чего китайцы очень переживают и посылают в индийский Бангалор одну делегацию за другой для изучения опыта.

Китайские компании производят сейчас 43 миллиона телевизоров ежегодно, из них 20 миллионов на экспорт (для справки: в России в лучшие времена, в конце 80-х, производилось около 5 миллионов, а сейчас менее миллиона). Эти телевизоры уже сейчас не уступают по качеству японским и южнокорейским, тогда как цена на них ниже, так что нужны только время и реклама, чтобы мировой потребитель

переключился на более конкурентоспособную китайскую продукцию. Китайский потребитель уже переключился – это видно невооруженным глазом в любом магазине электроники, где десятки китайских моделей телевизоров соседствуют для порядка с несколькими более дорогими японскими и южнокорейскими, которые никто не берет. Как свидетельствуют маркетинговые исследования, 78% китайцев предпочитают отечественную продукцию импортной; даже среди 20% самых богатых домохозяйств, в которых уже есть вся бытовая техника – от посудомоечной машины до DVD-плеера, 50% склонны пользоваться отечественными товарами. В конце 80-х годов только каждая вторая городская семья имела телевизор, сегодня каждая семья имеет 1,2 телевизора в среднем.

Всего за 6 (шесть!) последних лет доля импортных телевизоров на китайском рынке упала с 70% до менее 20%. «Конка», чтобы снабжать американский рынок своими телевизорами, построила заводы в Мексике; «ТСL», другой крупнейший китайский производитель телевизоров, экспортирует их со своих заводов в Китае – 11 миллионов штук в 2000г. Во Вьетнаме, где раньше продавались в основном японские и корейские телевизоры («Сони» и «Самсунг») по средней цене 700 долларов, «ТСL» построила завод в 40 км от Хошимина (Сайгона) и теперь является третьим крупнейшим поставщиком на национальном рынке, продавая к радости вьетнамцев свои высококачественные телевизоры за 400 долларов и все равно получая прибыль.

Дело-то, на самом деле, не столько во Вьетнаме, сколько в остальных странах ЮВА, объединенных в АСЕАН, членом которой Вьетнам является, а Китай нет. В АСЕАН с населением более 500 миллионов уже вводится свободная торговля – даже сейчас пошлины на телевизоры, импортируемые в Индонезию из Китая, значительно выше, чем на такие же телевизоры, произведенные во Вьетнаме (50% против 30%), а со временем торговля в АСЕАН будет совсем беспошлинной, так что снабжать рынок стран ЮВА китайским фирмам выгоднее с заводов в самих этих странах. По этой же причине китайские инвестиции в Малайзии увеличились с 8 млн. долл. в 2000г. до 766 млн. долл. только в первой половине 2001г. Европейский союз в 1999г. был вынужден ввести 45% антидемпинговые пошлины на китайские телевизоры – иначе

Европа конкурировать не могла, но теперь, после вступления Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО), эти пошлины придется отменять.

Кстати, во второй половине 2001г., когда завершался процесс формального принятия Китая в ВТО, против китайских экспортеров было возбуждено 25 антидемпинговых расследований – больше, чем против любой другой страны. А что прикажете делать, если китайский экспорт растет буквально бешеными темпами, в среднем по 15-20% в год вот уже четвертое десятилетие, даже не с начала реформ, а с начала 70-х годов? В 70-е годы экспорт исчислялся несколькими миллиардами долларов, теперь счет пошел на сотни миллиардов: доля Китая в мировом экспорте не доходила и до 1% в 70-е годы, а сейчас превышает 4%... В общем гонка на замещение моделей «Сони» и «Самсунг» на мировых рынках в Китае уже началась и через несколько лет нам придется привыкать к новым «бренд-неймз».

В начале 90-х годов на рынке китайском телефонных станций доминировали западные компании – «Lucent», «Alcatel» и «Siemens». Теперь их продают три китайские компании, которых даже не существовало в 1985г. – уже упоминавшаяся «Хуавэй», производящая также мобильные телефоны, «Датан» («Datang») и «ZTE». Доля «Хуавэй» на этом рынке выросла в 2000г. в 2 раза и достигла 35%. Такой быстрый рост национальных производителей в высокотехнологичных секторах объясняется в немалой степени поддержкой правительства, которое целенаправленно настаивает, чтобы приходящие в Китай иностранные компании делились технологией. Приходится делиться в рамках совместных предприятий, а уж умения обучаться китайцам не занимать. «Capitel Group», другой китайский производитель мобильных телефонов, например, имеет соглашение о производственном сотрудничестве с финской «Нокиа Чайна» («Nokia China»), но одновременно с ней и конкурирует за долю рынка.

На таких же принципах построены контракты с производителями генераторов для гидростанции в Трех ущельях, да и контракты с нами на поставку вооружений, в частности «сушек», составлены аналогичным образом – в 1996г. Китай приобрел лицензию на производство этих истребителей, правда, без права экспорта; в 1999г.

Китай заключил контракт на поставку 50 истребителей СУ-30МК – тоже с правом производства этих истребителей по российской лицензии. В 2000г. сборка первых истребителей начала осуществляться на заводе в Шэньяне (провинция Ляонин), который был построен по российскому проекту. В 2001г. российская корпорация «Аэрокосмическое оборудование» открыла в Китае свое представительство, первоочередной задачей которого является техническое содействие в освоении лицензии и переходе на китайские комплектующие.

Между тем, Китай разработал совместно с Пакистаном и свой истребитель FC-1, призванный составить конкуренцию французским «миражам» и российским «мигам». Производство этих самолетов начнется вскоре на заводе в Чэнду (провинция Сычуань) при техническом содействии Пакистана и России (самолет будет оснащен российскими двигателями РД-93 «Климов»); истребители предназначены в основном для развивающихся стран, которым не по карману покупать американские, европейские и российские машины – предполагается, что они будут стоить 10-15 млн. долл. против 20 млн. за американский «Фантом» F-16 и 23-25 млн. за российский МИГ-29.

Все чаще крупнейшие мировые фирмы не только переносят производство в Китай – этот процесс уже идет два десятилетия, но и переводят туда свои научно-исследовательские подразделения. И неудивительно: зарплата компьютерных инженеров, которых ежегодно десятками тысяч «производят» китайские университеты и квалификация которых не уступает мировой, составляет всего лишь одну треть японской. О Китае теперь говорят как о стране низких зарплат и высоких технологий. Японская «Мацусита» (“Matsushita Electric Industrial Company”) в 2001-2002гг. открыла две исследовательские лаборатории – в Пекине, по разработке мобильных телефонов, и в Сучжоу (провинция Цзянсу, к северу от Шанхая), по разработке бытовой техники (кондиционеров, холодильников, стиральных машин). В этих лабораториях к 2005г. должны работать около 2000 китайских инженеров. «Номура» и «Тошиба» имеют в Китае исследовательские центры по разработке программного обеспечения и электронных чипов соответственно – к 2005г. в каждом

из них должно работать по 1000 компьютерных инженеров. Уже к концу 2000г. 29 ведущих транснациональных компаний, в том числе американские «Ай-Би-Эм» и «Майкрософт», французская «Алкатель» и финская «Нокиа», японские «Мицубиси» и «Тошиба», «Хонда» и «Ямаха» имели исследовательские подразделения в Китае.

Еще один, связанный с предыдущим, принцип правительственной политики поддержки национальных компаний – экспорт. Все производства в Китае, даже те, которые вообще отсутствуют, так что спрос на продукцию удовлетворяется полностью за счет импорта, создаются с прицелом на экспорт. Компаниям как бы говорят: завоевывайте внутренний рынок, вытесняйте с него иностранных конкурентов, но думайте и об экспорте – это главный критерий вашей конкурентоспособности, вы должны переигрывать конкурентов не только на национальном, но и на мировом рынке, где, чтобы преуспеть, надо быть лучше всех, а не только лучше отечественных производителей. А будете экспортировать, будет и поддержка. Уже упоминавшаяся «Хуавэй» только-только стала отвоевывать внутрикитайский рынок у иностранных конкурентов, но уже завалила своей продукцией Юго-Восточную Азию и вложила полмиллиарда долларов в завод в Мексике. А самолеты-истребители FC-1, тоже недавно упоминавшиеся, еще даже и не производятся в Китае, но разрабатывают их с прицелом на мировой рынок.

Да, собственно говоря, поскольку китайская экономика открыта для иностранной конкуренции, чтобы преуспеть даже на национальном рынке, нужно производить более качественную и дешевую продукцию, чем всемирно известные «бренды» мировых лидеров, большинство из которых и экспортирует продукцию в Китай, и имеет там свои предприятия. Китай здесь не оригинален, он идет по стопам Японии, Кореи, Тайваня, которые в 50—60-е годы тоже начинали вытеснять со своего внутреннего рынка иностранных поставщиков одновременно с поощрением экспорта – это и называется экспортной ориентацией в отличие от замещения импорта. Но в Китае процесс разворачивается в десятикратных масштабах: если он дойдет до логического конца, все товары в мире будут китайскими. В отличие от Японии и Кореи 50 лет назад, размер китайского рынка таков, что если компания становится

рыночным лидером внутри страны, она автоматически достигает экономии на масштабах производства, нужной для завоевания мирового рынка.

Сплошь и рядом в последние годы китайские компании теснят конкурентов и на своем национальном рынке, и на мировых рынках. Японская «Мацусита» открыла в Китае первый в стране завод по производству микроволновых печей в 1995г. Два года спустя китайская компания «Галанц» (“Galantz”) наладила свое производство микроволновых печей и стала продавать их за пол-цены «Мацуситы». Последняя вынуждена была свернуть свое производство в Японии и начала снабжать японский рынок со своего завода в Китае: в Китае эту продукцию продать уже трудно – конкурентоспособность, хоть и выше чем в Японии, но не та, что у «Галанца», а в Японии, где к мацуситовскому «бренду» уже привыкли, пока еще можно.

С Тайваня компании переносят свое производство в континентальный Китай – «Компал» (“Compal”), второй крупнейший производитель «лэптопов» на острове, недавно заявил о перемещении на материк вслед за производителями сканнеров и дисководов. Американские «Делл» (“Dell”) и «Интел» (“Intel”) перенесли свое производство с Тайваня в Гонконг. А ведь еще в 70-е годы, когда Китай сменил Тайвань в качестве постоянного члена Совета Безопасности, в здании ООН на Ист-Ривер в Нью-Йорке ходила шутка про ковер, подаренный КНР: если отогнуть краешек, там написано “made in Taiwan”. Ну да ведь и японские товары в США в 50-е годы вызывали насмешки из-за своего низкого качества. Знакомый американец рассказывал мне, как ребенком он, следуя естественному желанию узнать, что внутри, разломал японский игрушечный автомат и выяснил, что ствол сделан из американской же банки из-под «кока-колы». Так когда-то начинался японский промышленный экспорт в США. А теперь? Теперь Япония и Тайвань отступают с рынков под натиском китайской конкуренции.

Почти 80% менеджеров японских компаний, работающих в Китае и опрошенных в 2002г., ответили, что китайские товары не уступают или превосходят по качеству японские. Доля высокотехнологичной продукции в китайском экспорте в Японию

выросла с 5% в 1985г. до 18,5% в 2001г. «На протяжении 4000 лет предшествующей истории Япония была периферийным государством для Китая, за исключением только одного последнего века, – пишет Кеничи Омае, единственный японский гуру менеджмента, как его называют, в изданной в Японии в 2002г. книге «Влияние Китая». – В будущем Япония будет для Китая тем же, чем Канада является для США, Австрия – для Германии и Ирландия – для Британии».

Премьер-министр Сингапура, в котором китайцев три четверти населения, тоже очень беспокоится по поводу наступления китайских товаров. Недавно он призвал отечественный бизнес переключаться с электроники на новые экспортные товары – на нефтехимию, фармацевтику и биотехнологию, поскольку в электронике конкурировать с китайцами уже безнадежно. «Для нас главное требование будущего, – сказал он, – состоит в том, чтобы найти себе (производственную) нишу в мире, который Китай заваливает высококачественными и более дешевыми товарами. Китайская экономика потенциально равняется десяти японским».

Можно, конечно, сказать, как говорили раньше: «Сингапур нам не указ». А можно и подумать, в чем для нас состоит главное требование будущего.

«Пусть Китай, как и великая Янцзы, всегда движется только вперед!»

Рассветной порою город Байди
в пестроцветии облаков;
В Цзинлин, до которого тысяча ли,
в единый день возвращусь.
По берегам обезьяны кричат –
их крик еще не затих,
А легкий челнок уже миновал
горных вершин череду.³

Это одно из самых известных стихотворений Ли Бо, которое знает каждый китаец. Я не преувеличиваю, именно каждый, потому что его учат в школе. Мой знакомый, растолковывавший мне это стихотворение в ресторане провинциального городка, недалеко от места, где оно было написано, подзабыл слово в последней строке, и спросил молоденькую официантку, правильно ли он помнит или нет – та тут же прочла все стихотворение без запинки. А написано оно было, когда Ли Бо 12 столетий назад уплывал из Байдичэна по Янцзы через Три ущелья – промежуток

---

³ Это простое – до прозрачности – стихотворение совершенно органично наполнено намеками, аллюзиями, традиционной поэтической символикой, которые получивший классическое образование читатель «считывал» сразу и вместе с «внешним» содержанием, каковое для него, по существу, было неотделимо от глубинных смыслов. Разумеется, подобный эффект не воспроизводим никаким переводом; впрочем, в современном Китае восхититься этим стихотворением (как и любым другим произведением традиционного искусства, будь то словесность, живопись или каллиграфия) способны только единицы. Сколько бы ни «проходили» это стихотворение в нынешней школе, теперешнее образование не способно восполнить отсутствие классической, длившейся десятилетиями выучки, готовившей знатока, читателя и поэта в одном лице. А нынче и в Китае приходится скучной прозой объяснять, что «пестроцветные облака» – это намек на известный древний сюжет о романе, пережитом во сне князем Чу на горе Ушань с тамошней феей, которая по утру превращалась в облако, а вечером – в дождь; что глагол «возвращусь» обычно имеет смысл «возвратиться домой», хотя Цзинлин – вовсе не родина поэта Ли Бо, но слово это должно подчеркнуть горячность его стремления и быстроту, с которой несется по Янцзы его лодка; что крик обезьян – древний поэтический символ тоски по дому (для северянина, отправленного служить на далекий юг, эти чуждые его слуху звуки напоминали о бесконечном пространстве, отделившим его от родины) и многое, многое другое, почти и не поддающееся объяснению. А еще за всем этим мгновенно всплывали в памяти знатока цитаты из канонических текстов и строки других поэтов, и пространство стихотворения всего в четыре строки расширялось почти беспредельно. Потому в прежние времена комментарии на полях древних текстов были, скорее, маргиналиями знатока для знатоков же и предназначенные; профана такой комментарий вводил еще дальше от понимания стиха. *Перевод и комментарий – И. С. Смирнова.*

реки сказочной красоты протяженностью около 200 км, где могучая, почти самая полноводная в мире река, проходит через горы прежде, чем выйти на равнину.

Необычность пейзажа Трех ущелий в том, огромная и стремительная река закована горами с обеих сторон: есть в мире более широкие реки, как, скажем, наша Волга, но они равнинные, величаво-спокойные, есть и стремительные, горные реки, но они не такие полноводные, а вот Янцзы в районе Трех ущелий и полноводна, и стремительна, и зажата горами. Каньоны, выточенные водой в известковых породах, горы самых причудливых и невероятных форм, но не миниатюрно-игрушечные, как в Гуйлине, в провинции Шэньси, на юге Китая, а величественные и мощные, частью покрытые скрюченными деревьями, частью скалистые, как будто сошедшие с китайских гравюр и картин. Мне раньше, как наверное и многим другим, казалось, что горы с китайских картин ненастоящие, выдуманные, плод игры воображения художника, но вот увидел оригинал и оказалось, что никакой выдумки нет – все точно как на картинах.

Если плыть вниз по течению, на восток, то ущелья начинаются вскоре после Чунцина, крупнейшего города в центральном Китае и одного из четырех городов-районов, являющихся самостоятельными административными единицами (наряду с Пекином, Тяньцзином и Шанхаем), как у нас Москва и С.-Петербург. Вход в первое из трех ущелий как раз рядом с городом Байдичэн, из которого и отплыл Ли Бо тем самым ранним утром. Обезьян теперь уже не слышно, но их и сегодня можно видеть на берегах реки Данин с изумрудными водами, притока Янцзы. А сам пейзаж входа в первое из трех ущелий тоже знаком каждому китайцу – он воспроизведен на ходовой банкноте достоинством в 5 юаней, не говоря уже о многих картинах, гобеленах, гравюрах, фотографиях и т. п.

Янцзы, называемая также Чанцзын (буквально: длинная река; Янцзы – старое название), – третья по длине река в мире после Нила и Амазонки и третья по полноводью (расходу воды в устье) после Амазонки и Конго, почти в два раза длиннее Волги и в четыре с половиной раза полноводнее. Ее истоки находятся в

предгорьях Тибета, в горах Тангула в провинции Цинхай на Западе Китая, на высоте почти 5000 м; она несет свои воды более 6 тысяч км, впадая в Восточно-китайское море недалеко от Шанхая. Янцзы – самая густонаселенная река мира, на ее берегах живет 300 млн. человек. Три ущелья расположены примерно на полпути, в среднем течении Янцзы: здесь находится один из древних очагов китайской цивилизации, здесь в 3 веке до н.э. воевали три царства до того, как одно из них победило два других и создало первое централизованное государство в Китае. Здесь сражались и побеждали, любили и умирали герои, знакомые каждому по «Троецарствию» – роману-эпосе о событиях того времени.

Здесь, в музее под открытым небом города Байдичен, где поток туристов идет в три смены, в том числе и в полночь при ярком свете прожекторов, можно видеть панораму, воссоздающую один из известнейших эпизодов «Троецарствия», – Лю Бэй, правитель одного из трех царств, вручает судьбу малолетнего сына своему лучшему генералу Чжугэ Ляну, как он вручал ее на этом самом месте более двух тысяч лет назад. А в рядом с городом Ичан, на высоком откосе, с которого открывается вид на последнее из трех ущелий, стоял когда-то брат Лю Бэя, Чжан Фэй, как стоит сейчас его каменное изваяние, и самолично бил в барабаны, чтобы поднять боевой дух тренировавшегося на реке своего военного флота. На скалистых берегах Янцзы и впадающих в нее рек в районе Трех ущелий и сейчас можно видеть навесные подмости, наподобие тех, по которым ходили китайцы несколько тысяч лет назад; в горных пещерах и на самых труднодоступных скалах до сих пор находят все новые и новые захоронения предков, некоторые из них – эпохи палеолита, возрастом около 100 тысяч лет.

Янцзы это еще и неповторимый животный мир – здесь обитают такие виды, которые больше нигде не встречаются – маленький симпатичный китайский крокодильчик; воспетый в китайском фольклоре еще более симпатичный белоплавниковый дельфин, самый крупный из пресноводных дельфинов; белый журавль; обезьяны, живущие на береговых откосах; безплавниковая морская свинья (не свинка, а именно свинья, водное млекопитающее подсемейства дельфинов) и осетры. Да, в Янцзы есть

осетры, вообще они водятся не только в бассейне Каспия, но и во многих реках Северного полушария, в Европе, Америке и Азии (в том числе и в Амуре, который китайцы называют рекой черного дракона, Хэйлунцзян). В Янцзы живут три вида осетров – китайский, янцзыйский и белый осетр, всего в мире 27 видов осетровых рыб, из них в России 12 видов, а в Китае, помимо Янцзы, осетры есть и в других реках.

В городе Ичан, что у выхода из трех ущелий, есть Китайский научно-исследовательский институт осетровых, во дворе института – музей с аквариумами и бассейнами, в одном из них плавают огромные осетры более 2 м длиной. Янцзыйский и белый осетр – пресноводные рыбы, они не мигрируют, а вот китайский осетр, как и наши белуги и севрюги, ходит каждый год метать икру в верховья реки, а потом мальки плывут обратно, в море. Икру в Китае не производят, да и осетров ловить запрещено с 1978г., их и так мало осталось, но восстановлением популяции осетров занимаются.

Через год все в Трех ущельях – и дорогие китайскому сердцу пейзажи, и историко-культурные памятники, и фауна – все может измениться до неузнаваемости, а кое-что, включая симпатичных белых дельфинов с осетрами, которых уже и так осталось немного, может исчезнуть навсегда. После 70 лет обсуждений и дискуссий в 1992г. Всекитайское собрание народных представителей приняло решение о строительстве в Трех ущельях, в 44 км от города Ичана в провинции Хубей, на выходе из третьего ущелья, огромной плотины высотой в 185м. В 1994г. строительство началось, первая очередь вступит в строй в начале 2003г., подняв уровень воды в Янцзы на 135м, а к началу 2009г. плотина и гидростанция заработают на полную мощность и уровень воды поднимется на 175м. До первого поднятия уровня воды остается меньше года, по берегам Трех ущелий, на безлесых скалах и среди домов городов и селений, раскинувшихся по склонам гор, расставлены яркие щиты с надписями, которые никому не надо объяснять – «135м» и выше – «175м». В городе Ушань, половина которого должна уйти под воду, в прибрежных домах ничего не ремонтируется, все

сплошь времянки; в центре города электронное табло ведет обратный отсчет времени – «до затопления осталось 500 дней», – сообщало оно 18 августа 2001г.

Плотина в Трех ущельях длиной в 2 км – самое крупное рукотворное сооружение в мире, ничего подобного на земле не было и нет. Больше Великой китайской стены, больше пирамид, больше всех существующих плотин, дамб, гидростанций – больше всего. В тело плотины будет уложено 26 миллионов кубов бетона против 13 миллионов в самом крупном на сегодняшний день гидрокомплексе Итайпу, построенном совместно Бразилией и Парагваем, против 7,5 миллионов в Гранд Кули на реке Колумбия в штате Вашингтон на северо-западе США. Мощность гидростанции будет свыше 18 млн. киловатт против 13 млн. на Итайпу и 10 млн. на Рауль Леони (Гури) в Венесуэле, против 7 млн. на Гранд Кули, против 6,4 млн. на крупнейшей в СССР Саяно-Шушенской. Собственно говоря, только 4 наши крупнейшие ГЭС вместе взятые – Саяно-Шушенская (6,4 млн. квт), Красноярская (6 млн.), Братская (4,5 млн.) и Усть-Илимская (4,3 млн.) – могут превзойти по мощности Три ущелья. Правда, мы еще при советской власти, 15 лет назад разработали проект постройки Туруханской ГЭС на Нижней Тунгуске мощностью аж 20 миллионов киловатт – если этот проект когда-нибудь осуществится, Туруханская ГЭС побьет мировой рекорд мощности.

А пока на крупнейшей в мире действующей гидростанции Итайпу на реке Парана на границе Бразилии и Парагвая (и рядом с границей Аргентины), которая вступила в строй в 1984г. и заработала на полную мощность в 1991г., производится около 80 млрд. квт-часов электроэнергии – 26% потребления Бразилии и 78% потребления Парагвая. Гидростанция в Трех ущельях будет производить 85 млрд. квт-часов электроэнергии. Это более 10% всекитайского производства или примерно 10% всероссийского производства – мы сейчас вырабатываем примерно одинаковое количество электроэнергии, только вот производим мы с помощью этой энергии меньше товаров, чем Китай, расход энергии на единицу ВВП в России значительно выше.

По мощности, таким образом, Три ущелья почти в полтора раза превзойдут Итайпу, а по объему производимой за год энергии – не намного, но тоже превзойдут (разница объясняется сезонностью стока). На Итайпу установлены 18 генераторов мощностью 0,7 миллиона киловатт каждый, что примерно соответствует мощности среднего размера электростанции. В Трех ущельях будут установлены 26 генераторов такой же мощности. Стоимость проекта в Трех ущельях оценивается по разному, в среднем порядка 30 миллиардов долларов (Итайпу – 20 миллиардов), что примерно эквивалентно нынешнему российскому годовому фонду капиталовложений. Иначе говоря, России, чтобы построить такую плотину, пришлось бы больше вообще ничего не строить в течение целого года.

Со времен перестройки, а то и раньше, мы с подозрением относимся ко всякого рода мегапроектам, особенно к гидропроектам – переброски вод, строительства каналов, плотин и водохранилищ. Собственно говоря, как многие, наверное, помнят, именно с дискуссии о переброске вод северных рек на юг и начиналась гласность в 1986-87гг. Как тогда выяснилось, многие наши гидростанции на равнинных реках – «стройки века», «гиганты индустрии» и «венцы инженерного искусства» – на поверку оказались «белыми слонами», принесшими едва ли не больше вреда, чем пользы. Затопление и вывод земель из сельхозоборота, затраты на переселение, нарушение экологии, в частности путей миграции осетровых – все эти издержки, как доказывали тогда специалисты, делают электроэнергию, производимую на гидростанциях, в буквальном смысле слова золотой. Так что подход типа «течет вода Кубань-реки, куда велят большевики» у нас с тех пор не слишком популярен, мы теперь склонны больше упирать на защиту окружающей среды и на экономию воды и энергии.

Но в Китае ситуация не вполне похожая. Во-первых, энергии в стране не хватает. Энергоемкость китайского ВВП ниже, чем в США, но, правда, выше, чем в Японии и Европе. Так что в отличие от России резервы экономии энергии в Китае не слишком большие, хотя и есть. А экономика растет быстро, энергии нужно все больше, а энергетика Китая базируется на угле, от которого энергии мало, а загрязнения много; возобновляемые источники энергии, включая гидроресурсы, дают менее 7% всего

электричества. Электростанция в Трех ущельях позволит не сжигать 50 млн. т угля в год.

Во-вторых, Китай веками страдал от наводнений на Янцзы. Только в XX веке Янцзы забрала более 300 тысяч жизней – по 140 тысяч во время наводнений 1931 и 1935гг., 30 тысяч в 1954г., 2700 в 1996г. В 1998г. во время последнего наводнения погибли 3700 людей и десятая часть китайского зернового урожая; экономический ущерб от одного этого последнего наводнения оценивается в 30 миллиардов долларов – примерно столько же, сколько будет стоить плотина. После завершения строительства частоту наводнений можно будет снизить в десять раз – одно наводнение раз в 10 лет раньше и раз в 100 лет теперь.

Вдобавок Янцзы станет проходимой для океанских судов на протяжении более 2000 км – от Шанхая до Чунцина. Огромные шлюзы смогут пропускать суда водоизмещением до 10 тысяч тонн (больше Титаника); для малых судов предусмотрены специальные механические подъемники – они будут работать быстрее, чем шлюзы, и позволят сэкономить время. Грузооборот по Янцзы в результате должен будет возрасти с 10 до 50 млн. т ежегодно, транспортные издержки снизятся на треть; навигация в районе Трех ущелий станет более безопасной (сейчас она очень опасна из-за быстрого течения в бесконечных излучинах). Внутренние районы Китая, такие как Сычуань, получают, таким образом, выход на мировые рынки и смогут наращивать экспорт так же быстро, как и прибрежные провинции. А экспорт в Китае – основа экономического роста.

Наконец, в-третьих, в Китае катастрофически не хватает воды, особенно на севере. Даже крупные реки, такие как Хуанхэ – Желтая река, летом часто пересыхают полностью. Я хорошо помню, как в жаркое лето 2000г. поезд, идущий из Пекина на юг, пересекал одно за другим высохшие русла рек по огромным мостам в несколько сот метров – по дну некоторых бежали тоненькие ручейки, через которые перепрыгивали мальчишки, на дне других вообще не было воды. Более половины китайских городов, в том числе и Пекин, снабжающийся из одного-единственного

водохранилища, испытывают дефицит воды; население все время призывают ее экономить.

Китайские власти сейчас готовятся к осуществлению другого крупнейшего гидропроекта – переброске вод из Янцзы на юге в Хуанхэ на севере. И этот проект, как и строительство плотины в Трех ущельях, собирался осуществить председатель Мао полвека назад, но помешали большой скачок и «культурная революция». Теперь воды Янцзы планируется перебрасывать тремя путями. Первый, западный путь предусматривает строительство нескольких туннелей в горах, соединяющих Янцзы и Хуанхэ в самых верховьях, где обе реки подходят близко друг к другу, но разделены горами. Второй путь – канал и акведук протяженностью более 1000 км от водохранилища на притоке Янцзы (ниже Трех ущелий) до Хуанхэ и далее – до Пекина. Наконец, третий путь должен пройти по уже построенному в древности (с VI века до н.э. по VII век н.э.) Великому каналу протяженностью около 2000 км, соединяющему Пекин и Тяньцзин с Ханчжоу, а заодно и Хуанхэ и Янцзы в нижнем течении. Сейчас Великий канал, транспортное значение которого сильно снизилось из-за строительства железных и автодорог, кое-где сильно обмелел – в некоторых местах глубина не превышает 1 м.

Строительство плотины в Трех ущельях – часть общего плана водоснабжения Китая в будущем; перебрасывать воды Янцзы на север будет легче, если в среднем ее течении можно будет регулировать сток. Идея запрудить Янцзы принадлежит отцу китайской демократии и первому руководителю Китайской Республики, образованной после отречения императора в 1911г., Сунь Ятьсэну – именно он предложил построить плотину в Трех ущельях еще в 1919г. Мао загорелся этой идеей в 1954г. – после разрушительного наводнения, которое не смогли предотвратить проведенные до этого масштабные работы по укреплению берегов и отводу вод на притоках Янцзы ниже по течению. Китайский премьер Чжоу Энлай обратился тогда к Булганину с просьбой помочь с гидрологической и инженерной экспертизой. В июне 1955г. в Три ущелья стали прибывать советские эксперты, но последовавшие вскоре политические перетряски заставили отложить проект.

В 1970г. строительство плотины все-таки началось – рядом с городом Ичаном, на выходе из Трех ущелий, в 40 км вниз по течению от нынешнего места строительства гидростанции, которая собственно и называется «Три ущелья». Эта первая плотина, называемая Гэчжоуба, строилась тяжело – Китаю тогда уже не помогали Советский Союз и еще не помогали Запад, приходилось полагаться на собственные силы. В 1974г. после инспекции, выявившей низкое качество строительства, все уже возведенные сооружения были взорваны, и строительство началось снова. Однако в 1984г. первая очередь этой плотины длиной 2,6 км и высотой 54 м вступила в строй, а в 1988г. она заработала на полную мощность (2,7 млн. квт). В 1994г. выше по течению началось строительство новой плотины, «Три ущелья», которая, как уже говорилось, заработает в 2003г. Кстати и мощность старой плотины, Гэчжоуба, после ввода в строй «Трех ущелий» вырастет до 3,1 млн. квт, так что вместе обе плотины будут иметь мощность более 21 млн. квт.

В 1997г. были размещены заказы на 14 генераторов для первой очереди электростанции в Трех ущельях. Они достались двум группам: франко-британской «GEC Alstom» в союзе со шведско-швейцарской «ABB Power Generation» и норвежской «Kvaerner Energy» (8 генераторов стоимостью 420 млн. долл.) и немецким «Voith Hydro» и «Siemens» с канадской «General Electric Canada» (6 генераторов стоимостью 320 млн. долл.). Компании других стран (японская «Мицубиси» с «Хитачи» и «Тошиба», аргентинская «IMPSA» с канадской «Westinghouse», украинский «Турбоатом», российские «ЛМЗ» и «Электросила») в тендере участвовали, но ничего не выиграли. Как объясняли специалисты, по своим техническим характеристикам и по цене наши турбины в общем-то довольно конкурентоспособны, но вот условия кредитования (предоставляемого соответствующими правительствами и банками и являющегося обязательным условием сделки) и послепродажного обслуживания у нас были не на уровне.

Зато китайским субподрядчикам достался 31% всех денег – сейчас они самостоятельно не способны производить огромные турбины и генераторы, а после

выполнения заказа должны получить нужную экспертизу – так составлен контракт. Харбинская компания энергетического оборудования будет работать вместе с группой «Alstom», а Донфанский электромеханический завод – с консорциумом «Voith». Последние два генератора из 14 заказанных в 1997г. будут практически полностью произведены именно этими китайскими компаниями. А новые контракты на 12 генераторов для второй ГЭС (их будет две – справа и слева от плотины), которая должна заработать в 2009г., могут достаться в основном китайским производителям, которые к тому времени должны будут получить техническую экспертизу от иностранцев и капиталовложения от своего правительства и банков.

Американские энергетические компании в тендере даже и не участвовали, так как Экспортно-импортный банк США кредитов не дал по политическим причинам, хотя и объявил, что в принципе не возражает против строительства плотины. Некоторые американские компании («Caterpillar» и «Rotec Industries») получили заказы на землеройное и другое оборудование. Всемирный банк, расстроенный критикой других крупных гидропроектов, в которых он раньше принимал участие, тоже от финансирования воздержался, хотя и заявил, что в целом поддерживает проект.

Между тем, противники строительства плотины в Трех ущельях по всему миру не прекращают доказывать, что проект принесет больше вреда, чем пользы. Журналистка Дай Чин, самый известный в Китае критик проекта, называет строительство плотины сумасшествием. «Если бы Три ущелья могли говорить, они бы взмолились о пощаде», – утверждает она. В 1989г. Дай Чин опубликовала книгу «Янцзы! Янцзы!», в которой были собраны мнения 40 виднейших китайских ученых, инженеров и гидрологов, выступающих против проекта. Тогда книгу запретили, изъяв из продажи 30 тысяч экземпляров, а после подавления студенческого выступления на Тяньаньмэнь летом 1989г. и после того как Дай Чин вышла из партии, ее арестовали и продержали в тюрьме 10 месяцев. Потом, правда, выпустили и разрешили работать в Китае – Дай Чин с тех пор больше работает за границей, хоть и отказалась от предложения США и Германии получить политическое убежище, но

часто приезжает в Китай. В 1997г. она опубликовала новую книгу «Пришествие речного дракона», теперь уже в западном издательстве.

Противники строительства упирают на то, что зона затопления слишком велика и что ущерб историко-культурным ценностям и экологии непремлем. Нынешняя плотина расширит русло реки в среднем до 1,3 км на протяжении 630 км. Это водохранилище поглотит полностью или частично 2 крупных города и 140 мелких, 1351 деревню и 1300 археологических памятников. 1,2 млн. человек, по официальным данным, и около 2 млн., по неофициальным, будет переселено, 300 тысяч крестьян получат новые участки земли. Водоохранилище, указывают критики проекта, скоро наполнится илом и станет бесполезным для контроля стока и предотвращения наводнений. Ну а об ущербе экологии уже говорилось.

Справедливости ради, надо сказать, что общая площадь затопления не так велика, по крайней мере по нашим меркам, – 23 800 гектаров, примерно площадь угодий среднего советского колхоза. Река-то не равнинная, а зажата горами на сотни километров вверх от плотины, так что разливаться ей особенно некуда. Кроме того, в густонаселенном Китае к каждому клочку земли и так относятся бережно: в 1955г. работавшие в Трех ущельях советские инженеры-гидрологи выбрали другое место для строительства плотины – выше по реке. Китайское руководство этот план тогда отвергло именно потому, что площадь затопляемых земель оказывалась слишком большой.

Протесты противников строительства, однако, заставили правительство скорректировать планы – на то и щука, чтобы карась не дремал. Под давлением критиков, объединившихся вокруг Дай Чин и ее книги, в марте 1989г. Всекитайское собрание народных представителей решило приостановить осуществление проекта, чтобы лучше изучить последствия. В плотине теперь предусмотрены стоки для смыва ила; китайского осетра приучают метать икру в среднем течении реки, до плотины, как это делают его собратья – белый и янцзыйский осетр; археологические раскопки в районах, подлежащих затоплению, идут ускоренными темпами. Но

строительство плотины продолжается, до первого поднятия уровня воды остается меньше года.

«Клянемся быть ответственными перед историей, твердо намерены произвести качественный продукт!» – это лозунг, написанный метровыми иероглифами на стройплощадке плотины, его видно за километр. Ответственность действительно нешуточная: страшно подумать, что будет, если с плотиной что-нибудь случится. За предыдущие 100 лет в мире за пределами Китая погибли 13 500 людей из-за того, что 200 плотин разрушились или оказались недостаточно высокими, чтобы сдерживать паводок. В 1975г. в самом Китае две рухнувшие из-за тайфуна плотины в провинции Хэнань унесли от 80 000 до 230 000 жизней. Об этом стало известно только в 1995г., до этого китайское правительство ничего не сообщало о катастрофе. В книге Дай Чин утверждается, что в 1949-81гг. в Китае 3,7% всех плотин не смогли сдержать напора воды, тогда как в других странах вероятность таких несчастий много ниже – 0,6%. Есть также данные, что создание крупных водохранилищ стимулирует землетрясения.

А если плотина будет разрушена сознательно – во время войны или террористического акта? В 1642г. во время крестьянского восстания при династии Мин армия повстанцев под руководством Ли Цзичэна, после неудачных попыток взять город Кайфэн в провинции Хэнань открыла дамбу на Хуанхэ и затопила его – исторические хроники свидетельствуют, что погибло 900 тысяч человек. В 1938г. Чан Кайши, пытаясь остановить наступление японцев, приказал взорвать плотину рядом с Хуаюанькоу – вода затопила тогда 11 городов и 4000 деревень и унесла почти миллион жизней.

... Вечер, солнце садится на западе, там, где строится могучая плотина. Прогулочный теплоход с туристами после экскурсии по Трех ущельям подходит к городу Ичан – рассеянные лучи заката освещают пристань, прибрежный парк и шпиль старой католической церкви, отражаются в мутной воде Янцзы и в сплошь стеклянных зданиях новых деловых центров на берегу. Репродукторы разносят прощальные

сладкие, интимно вкрадчивые слова экскурсовода: «Наше путешествие подходит к концу, спасибо, что воспользовались услугами нашей компании, надеемся увидеть вас вновь. Пусть Китай, как и великая Янцзы, всегда движется только вперед!» Так что отдыхайте, любуетесь закатом, но не надо терять перспективы: завтра новый день в жизни великой страны, и она должна двигаться вперед. А вы как думали? «Вань ли чан чжэн ди и бу» – «долгая дорога в десять тысяч ли начинается с одного шага», или, в нашем варианте, нечто среднее между «дорогу осилит идущий» и «глаза боятся, а руки делают». До ввода в строй первой очереди плотины остается меньше года.

Традиции

«Не могу понять, как иностранцы могут быть неграмотными, – сказала самоуверенная китаянка на хорошем английском. – Ведь у вас всего 26 букв». Я не стал объяснять, чем латиница отличается от кириллицы, какая в сущности разница, 26 или 33, если в Китае грамотностью считается знание, как минимум, 2000 иероглифов, которое достигается только в старших классах средней школы, а человек с высшим образованием обычно знает не менее 5000. Всего же иероглифов в китайском – около 50 тысяч, столько же, сколько слов в ожеговском словаре русского языка; слов, таким образом, которые состоят из одного, двух, а то и трех иероглифов, в китайском почти на порядок больше, чем в русском. В современном языке, правда, используется только порядка 7 тысяч иероглифов, но средней сложности иероглиф имеет около 10-15 черт, то есть эквивалентен примерно 5 нашим буквам. И тем не менее 85% китайцев грамотны – столько же, сколько в странах ЮВА, не намного меньше, чем в Корее и на Тайване (95%), и значительно больше, чем в Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Непал, Бутан) – 55%.

Кстати, латинский алфавит в Китае знают все без исключения, он используется для транскрибирования китайских слов, это называется писать на пиньинь. Если вы знаете 2000 иероглифов, то еще 26 простеньких закорючек – уже не проблема. На пиньинь пишут на компьютерных клавиатурах: набиваете, скажем, «ши» (“shi”) и на экране появляются 10-20 иероглифов, которые звучат почти одинаково или полностью одинаково (разница – в тонах, этих тонов в официальном китайском четыре), а обозначают разные вещи, от глагола «быть» до существительных «дело, вещь», «факт», «стихотворение», до прилагательного «подходящий». «Мышкой» выбираете тот, который вам нужен, причем программа запоминает, что именно вы выбрали, и в следующий раз услужливо расставляет выскакивающие иероглифы в соответствии с частотой их употребления именно вами.

Всмотритесь в китайские иероглифы – они волнующе красивы, хотя и мало значат для непосвященных. Для китайцев они несут куда большую смысловую нагрузку, чем устный язык. Во-первых, часто диалекты китайского, такие как кантонский на юге или даже шанхайский на востоке, по звучанию абсолютно непонятны друг для друга и для тех, кто говорит на путун-хуа – основном и официальном китайском диалекте. А иероглифы понятны не только всем китайцам, но еще и японцам, корейцам и многим образованным людям в Юго-Восточной Азии, хотя и произносятся они везде по-разному. Поэтому и говорят, что факсимильная связь была изобретена, хоть и не в Китае, но для Китая – общаться письменно, посредством иероглифов, для китайцев с разными диалектами не проблема.

Во-вторых, в изображении многих иероглифов до сих пор можно угадать стилизованные картинки, а сочетание частей в сложных иероглифах порой говорит много больше, чем сочетание букв и даже корней в европейских словах. Так, иероглиф, обозначающий женщину и помещенный под крышу дома, означает «мир»; во многих словах, связанных с водой, как-то «река», «море», «озеро», «вино», «плыть», «тонуть», всегда есть сокращенный остаток иероглифа, обозначающего воду и напоминающего три капельки воды; иероглиф «солнце» означает также и «день», а иероглиф «луна» - «месяц»; Япония пишется как «страна восходящего солнца» (жи бень – корень солнца), а Корея (чао сян) как «страна утренней свежести». Последнее звучит как изысканная метафора для европейцев, а для китайцев – обычное выражение, другого названия ни для Японии, ни для Кореи в современном обиходном языке просто нет.

Наконец, в-третьих, то, что у нас называется стиль письма или шрифт, в Китае – каллиграфия, искусство начертания иероглифов, не только прикладное, но и самое что ни на есть высокое: на большинстве китайских картин можно увидеть стихотворение классика или самого художника, а на некоторых картинах только иероглифы и есть, причем красота иероглифов не менее важна, чем красота стиха или пейзажа. С давних пор по тому, насколько красиво человек пишет, обычно можно определить уровень образования и культуры.

В 3 веке до н.э. при Цинь Шихуанди, первом китайском императоре, объединившем страну и совершившем знаменитое «сожжение книг», правописание иероглифов было канонизировано, причем занимался этим его премьер-министр – он составил индекс более 3000 иероглифов и создал таким образом первый каллиграфический стиль – чжуань-шу (всего таких стилей сейчас пять). С тех пор многие китайские императоры старались блеснуть каллиграфическим искусством, но немногие преуспели. Цянь-лун, император последней династии Цин (1644-1911гг.), проживший 88 лет и проправивший большую часть XVIII века (1736-96гг.), особенно прославился мастерством каллиграфии: он много путешествовал и оставил большое число поэм и других надписей в самых разных районах Китая. В Сиане, административном центре провинции Шэньси и одной из древних столиц страны, собраны каменные таблицы с образцами разных стилей, канонизированных в разное время.

Современные китайские лидеры стараются не отстать от императоров и тоже повсюду оставляют образцы своих почерков. На мавзолее Мао на площади Тяньаньмэнь рукой его преемника Хуа Гофэна написано «Мавзолей Председателя Мао». Почерк самого Мао очень красив, им любуются, его каждый в Китае может узнать. Его каллиграфический стиль следует школе цао-шу, разновидность куан цао (буквально – «бешенная трава») – самый вольный, раскованный стиль из всех и потому особенно артистичный. Почерк Мао можно видеть в логотипе заголовка главной газеты страны «Жэньминь жибао», на всех самолетах китайских международных авиалиний «Эйр Чайна», в названии центрального железнодорожного вокзала Пекина и во многих других никак с Мао не связанных названиях. Почерк Дэн Сяопина не может сравниться с каллиграфией Мао и менее узнаваем. Когда же спрашиваешь китайцев о почерке нынешних лидеров, они говорят, что сейчас каллиграфия уже не имеет того значения, что прежде, но по тому, как они недовольно морщатся, видно, что имеет.

В конформизме и гибкости китайской культуры, видимо, залог ее исключительной жизнеспособности. В китайском в отличие от японского практически нет иностранных слов; факс и-мэйл – редкие исключения, но даже и для этих слов есть широкоупотребляемые китайские обозначения. Как и язык, китайская культура все поглощает, перерабатывает до неузнаваемости и превращает в свое. Японская культура в корне отлична, хотя и основывается на китайской. Говорят, что в Японии художник должен только подчеркнуть совершенство природы, ибо ничего совершеннее все равно в мире нет. Китайский мастер свободен от таких ограничений. Там, где была гора, китайский садовник выроет пруд, а китайский повар будет польщен, если вы скажете, что не можете определить, из чего приготовлено блюдо.

Может быть и так, а может быть и нет. Бонсаи – причудливой формы карликовые деревца, выращиваемые в горшочках десятилетиями кропотливым и искусным подрезанием корней и веток, вроде бы считаются чисто японским подчеркиванием совершенства природы. А, между тем, пришли бонсаи в Японию из Китая (там они называются пэньцзин), как и почти все остальное «чисто японское» – от икебаны до чайной церемонии и харакири (в Китае разрезали не живот, а горло). Правда, японские классические формы коротких стихотворений, хайку и танка, как уверяют специалисты, отличаются от китайских чи лю и ву ян, как небо от земли. Точнее сказать, здесь китаисты еще спорят: одни говорят, что вообще ничего общего нет, а другие все-таки усматривают отдаленное влияние.

Токио по-китайски называется, между прочим, восточной столицей (Дунцзин) – наряду с северной (Пекин – Бэйцзин) и южной (Нанкин – Наньцзин). На самом деле это просто китайское прочтение иероглифов, которые по-японски звучат, как «то кио», и тоже обозначают «восточная столица». Раньше у Японии были другие столицы, г.Токио, основанный относительно недавно, в середине XV века, раньше назывался Эдо и был резиденцией сегунов Токугава в 1603-1867гг., хотя столицей считался все же Киото, где была резиденция императора. Когда же после революции Мэйдзи столица была перенесена в 1869г. в Эдо, находящийся к востоку от Киото,

Эдо был переименован в Токио, буквально – «восточная столица». Но в Китае все убеждены, что Токио–Дунцин называется восточной столицей, так как находится к востоку от «основной» китайской территории...

С другой стороны, в Японии конформизма тоже хватает – буддизм соединился с синтоизмом так, что уже не разберешь, где что. В указе императрицы Сётоку 765г. было велено считать синтоистских богов перевоплощением буддистских богов и святых, а буддистским монахам и синтоистским жрецам предписывалось участвовать в совместных богослужениях и празднествах. Да и с богами все в Японии на дружеской ноге, так же как и в языческих религиях. Вот типичная картинка: к маленькому каменному будде, стоящему у фонтанчика в подземном переходе, где движется бесконечная толпа людей, подходит то один, то другой, моет ему животик, бросает мелкую монетку, шепчет пару слов – то ли об экзаменах сына-студента, то ли о курсе акций, и идет дальше как ни в чем не бывало. Ни долгих молитв, ни крупных подношений, никто богов особенно не боится, они и сами-то не такие уж праведники – один жадный, другой хитрый, третий чревоугодник.

В Японии, правда, буддистские храмы все-таки посерьезнее, чем синтоистские, туда приходят когда человек умирает, приходят в горе, а не в радости. И конфликты между религиями все-таки были, хотя, конечно, и не такие кровавые как в Европе. При токугавских сёгунах буддизм фактически сросся с государством: каждый японец был прикреплен по месту жительства к определенному буддистскому приходу. Посещение храма по праздникам стало обязательным, а приходской священник выдавал каждому что-то вроде внутреннего паспорта, который мог быть им же и отобран за неправильное поведение. Революция Мэйдзи 1868г., уничтожившая сёгунат и восстановившая самодержавие микадо (императора), воскресила синтоизм как государственную религию и сопровождалась преследованиями буддистского духовенства.

В Китае, однако, не было даже этого, все три «религии» - конфуцианство, даосизм, буддизм – всегда мирно сосуществовали, а большинство рядовых китайцев не видели

и не видят в них особого различия. При танской династии (618-904 гг. н.э.) китайский буддизм достиг расцвета, хотя в IX веке власти и конфисковали имущество 45 тысяч монастырей. Основатель монгольской династии Юань будущий китайский император Хубилай в 1258г. приказал сжечь буддистские книги, однако покровительствовал ламаизму, или буддизму в тибетско-монгольском варианте. С этого далекого времени конфликтов на религиозной почве в Китае не отмечалось.

Конфуцианство (философско-этическое учение) и даосизм (то же, плюс набор языческих мифов) никогда религиями не были, а буддизм на китайской почве, при переводе священных книг на китайский, превратился из религии со строгими заповедями в красивые сказки и не более того. По мере продвижения Будды и его перевоплощений на Восток – из Индии в Тибет и, далее, в Китай, Юго-Восточную Азию, Корею и Японию – росли их животы, символизирующие в Китае не только богатство и довольство, но и терпимость. Китайцы убеждены, что пребывающий в согласии с собой человек, сознание которого не терзают сомнения и гамлетовские вопросы, должен прибавлять в весе. Китайские будды поэтому всегда хорошо упитанны и блаженно или хитровато улыбаются. Глядя на китайские изваяния будд, трудно представить себе, что они сильно переживают по поводу несовершенства мира и не проявят снисходительности к человеческим прегрешениям.

Другие буддистские боги тоже утратили метафизическую бесплотность и стремление к нирване: Амитабе, повелителю райской Чистой Земли, китайцы вменили в обязанность обеспечение верующих посмертными райскими удовольствиями. Если в индийском буддизме монахи должны были достигать совершенства через молитвы и самоочищение, то практичный китайский чань-буддизм (то же, что и японский дзэн-буддизм), хоть и не искоренил монахов совсем, как и Лютер и другие реформаторы в протестантских версиях христианства, но все-таки провозгласил труд обязанностью монахов и приравнял его к медитации. Сплошь и рядом китайские монахи участвовали в военных действиях, пренебрегая буддистскими заповедями «не убий», «не тронь ничего живого», и т. д.

Вот описание китайских монахов Иосифом Кривелевым: «Как известно, буддийские монахи именовались бхикшу – нищие. Они должны были питаться подаянием, ходить в лохмотьях, не есть мяса, и т. д. В Китае эти установления приняли довольно забавный вид. Пройдя по городу с чашей для подаяния и собрав в нее несколько горстей рису, монах приносил его в монастырь, там он поступал в общий котел, где готовилась пища для рабов и младших послушников; сами же «нищие» вкушали обильный обед, тем временем приготовленный для них в монастырской кухне. Чтобы выполнять предписание о ношении лохмотьев, подвижники разрезали свои дорогие шелковые одежды и сшивали их».

Вдобавок, и китайские боги, как и японские, беспрепятственно кочевали из одного пантеона в другой. Сам Будда был включен в даосский пантеон, где занял место рядом с Ю Хуан Да Ди (мифический яшмовый небесный император) и Лао-цзы (реальный китайский философ 4-3 вв. до н.э., основоположник даосизма). Короче, религия в Китае и сейчас, и раньше, сильно приземлена и, что называется, ориентирована на человека; она не требует от него не только невозможного, но и вообще ничего не требует – с богами, как и с людьми, всегда можно договориться, а в крайней случае можно и пойти наперекор и сделать по своему – сами горшки обжигать умеем. Религии же в полном смысле этого слова, такой, которая бы поддерживала моральные устои через энное количество заповедей в Китае нет. Вообще.

Христианство в Китай пытались импортировать бесчисленные миссионеры, но без особого успеха. Выпускники протестантских семинарий в Америке в XIX и даже в первой половине XX века делились на три группы – лучшие посылались в Китай и Японию, следующие за лучшими по успеваемости – в Индию, самые слабые – в Африку. Однако даже и для миссионеров «с красными дипломами» практичные китайцы оказались крепким орешком. К настоящему времени в Китае не насчитывается и 15 миллионов христиан.

Конфуцианство, которое, как часто говорят, заменяет в Китае религию, на самом деле ничего не заменяет. Это одно из учений одного из философов о моральных нормах, законе и порядке, почитании старших, и т. д., на котором, но не только на нем, основываются современные моральные устои. Очень похоже на моральный кодекс строителя коммунизма: бога нет, но честным надо быть перед самим собой, перед родителями, перед народом – и не из-за страха, что бог покарает, не из-под палки и не в надежде на билет в рай, а просто потому, что по-другому непорядочно, стыдно перед людьми. Собственно говоря, это моральный кодекс атеистов – нам не нужен всевидящий бог-контролер, чтобы вести себя прилично, мы не дети, мы не воруем даже когда всевидящий не смотрит. Китайская культура – самый, может быть, убедительный пример того, что этические нормы могут поддерживаться и без бога, что для морали религия не необходима.

Другой китайский мыслитель, Мао Цзэдун, которого от Конфуция отделяют без малого 25 столетий, тоже внес свой вклад в поддержание моральных устоев. Те, кому сейчас за 40 и кто прошел в юности «культурную революцию», учили в школе наизусть и помнят до сих пор «лао сань пянь» – три коротких классических эссе Мао. Каждое из них – о смысле жизни и о морали. Одно написано на смерть Нормана Бетьюма – канадского врача-добровольца, работавшего в Китае в тяжелые годы гражданской и антияпонской войн и умершего от заражения крови, когда он случайно порезался, оперируя девочку. Это о том, что Норман Бетьюм забыл в Китае и стоило ли ему туда приезжать. Кстати, самим канадцам это имя мало что говорит; приезжая в Китай и обнаруживая твердую убежденность 1 миллиарда человек в том, что главный вклад Канады в мировую цивилизацию – это Норман Бетьюм, а не хоккей, они нередко выглядят озадаченными; китайцы же, приезжающие в Канаду, удивляются, обнаруживая, что далеко не все канадцы обладают бескорыстностью Нормана Бетьюма и даже знают, кто он такой.

Другое эссе называется «Служить народу». Это выступление на траурном митинге, посвященном памяти Чжан Сыдэ – простого бойца охраны ЦК КПК, который погиб даже не в бою, а выжигая уголь в горах провинции Шэньси, на своем рабочем посту,

как погибали тогда в Китае миллионы. Мао цитирует слова древнего китайского литератора Сыма Цяня: «Все люди обречены умереть, но смерть одних тяжелее горы Тай, а смерть других легче лебяжьего пуха». «Товарищ Чжан Сыдэ, – сказал Мао, – умер за интересы народа, его смерть весомее горы Тайшань».

Наконец, третье эссе – «О старом дураке, передвигающем горы» – основано на древней китайской притче. Отец с двумя сыновьями задумал срыть две огромные горы, загораживавшие вход в его дом, одними мотыгами. Когда его сосед смеялся и называл его глупым, он отвечал примерно так: горы высоки, но они не растут, так что если я и мои сыновья каждый день будем отнимать от горы понемножку, а потом мои внуки, а потом – правнуки и так дальше, в конце концов мы сдвинем эти горы. Настойчивость Старого Дурака у Северной Горы (именно так переводится его имя – Бэй Шань Юй Гун) тронула Бога и он послал на землю двух фей, которые перенесли горы. У нас тоже две горы, – продолжал Мао, – империализм и феодализм. Если мы будем неустанно трудиться, чтобы срыть эти две горы, мы тоже растрогаем бога. Наш бог – это китайский народ, если весь народ поднимется, неужели мы не сдвинем горы?

К слову, Мао известен не только как политический вождь и мастер каллиграфии, но и как поэт, его стихи ценят, многие знают наизусть. Вот стихотворение-цы (с неравным числом иероглифов в строках), написанное в 1957г. для Ли Шу, учительницы средней школы №10 в городе Чанша, административном центре провинции Хунань. Ее муж, Лю Цзысюн, друг и соратник Мао, погиб в бою накануне Великого Похода в провинции Хубэй в 1933г. Мао говорит о ее потере и о своей – его вторая жена Ян Кайхуэй была казнена антикоммунистическим губернатором Хунани в том же городе Чанша в 1930г.

Я потерял мой гордый Тополь⁴, ты потеряла свою Иву⁵,
Тополь и Ива вознеслись на Девятое Небо,

---

⁴ Имя второй жены Мао, Ян, по-китайски означает «тополь».

⁵ Имя мужа Ли Шу, Лю, по-китайски означает «ива».

Спросили У Гана⁶, что он может им дать.
У Ган поднес им вина из цветов кассии,
Одинокая лунная богиня Чан Э⁷ махнула широким рукавом, как в танце,
Десять тысяч ли неба танцевали для благородных душ.
Вдруг узнали они, что покорился на земле тигр⁸,
Слезы радости хлынули как проливной дождь.

---

⁶ У Ган – мифический лунный садовник, который в наказание за земные грехи обречен стричь дерево кассии – разновидности корицы с красивыми, похожими на абрикосовые цветами. Дерево достигает почти 2000 м в высоту и мгновенно восстанавливается, как только его обрезают. У Ган обречен стричь дерево вечно.

⁷ Чан Э – девушка из китайских сказаний, ждавшая своего возлюбленного и улетевшая на луну, приняв, по ошибке, не то лекарство. С тех пор она живет там с садовником У Ганом и белым кроликом.

⁸ Покоренный тигр – символ победы.

Жизнеспособность

Лао вай, иностранцы, выглядят летом в Китае как собаки, изнывающие от жары, с высунутыми языками. Дело, конечно, не только в жаре. Огромное количество людей, везде и повсюду, вечно движущаяся толпа, говорящая, смеющаяся, жующая, плюющая, постоянное ощущение устремленных на тебя десятков глаз, не исчезающее даже за дверью номера гостиницы. А главное – непонятная, другая, могучая культура, не имеющая ничего общего с западной, тем более с американской, коммунистическая и нерелигиозная по своей сути и такая жизнеспособная, что, кажется, нет таких преград на ее пути, которые она не могла бы поглотить и растворить. На американцев это производит, похоже, сильное впечатление. «Их так много, они не верят в Христа и прекрасно себя чувствуют», – простодушно признался мне растерянный американец-миссионер, вытирая пот со лба.

Действительно, есть о чем задуматься. Пятая часть мирового населения, 1,3 миллиарда человек, экономически преуспевающие не благодаря, а вопреки рецептам МВФ, не верящие ни в бога, ни в черта, ведомые от победы к победе твердой рукой Компартии Китая и, да, в массе своей прекрасно себя чувствующие. Когда тысячи китайцев после попадания бомбы в посольство КНР в Белграде в 1999г. скандировали «кровь за кровь» у американского посольства в Пекине и когда даже по телевизору было видно, что эмоции настоящие, а отнюдь не организованные, не только сторонние наблюдатели, но и специалисты-синологи, знающие страну и историю, чувствовали себя неуютно.

Сторонний же наблюдатель даже при поверхностном взгляде не может не заметить, что страна обладает огромным запасом социального и морального здоровья. Китайцы дружелюбны, деликатны, расторопны, услужливы без подобострастия, произносят 1000 слов в минуту и всегда улыбаются. Запас жизненной энергии у каждого такой, что его, кажется, хватило бы на десятерых европейцев. Продолжительность жизни китайцев в среднем – 70 лет. В Японии – 81 год – самая высокая в мире, в Гонконге и Швейцарии – 80 лет, в США, Канаде, Швеции,

Франции, Исландии и – 77-79 лет, в России сейчас – 65 лет, в СССР в лучшие времена хрущевской оттепели – 72 года, во времена горбачевской эйфории и антиалкогольной кампании – 70 лет. Среди стран со схожим уровнем экономического развития 70 лет – один из самых высоких показателей.

Между прочим, в 1949г., когда КНР только образовалась, продолжительность жизни составляла всего 35 лет, в 1960г. – 47 лет, в 1980г., когда реформы только начались, – 65 лет. Иначе говоря, основной рост продолжительности жизни в Китае пришелся именно на три десятилетия коммунистического развития, когда страной руководил Мао (1949-76г.): несмотря на «большие скачки» и «культурные революции», продолжительность жизни устойчиво росла. Ну да ведь и у нас в послевоенный период, до середины 60-х годов, когда еще не был утрачен социальный динамизм, продолжительность жизни росла ежегодно примерно на 1 год, так что к середине 60-х мы по этому показателю практически догнали США (всего на один год меньше), несмотря на то, что наш уровень жизни был тогда, как минимум, в 5-6 раз ниже. Вот бы тогда, в середине 60-х, нам бы и запустить рыночные реформы по будущему китайскому образцу – Егор Гайдар, например, считает, что тогда все могло бы сложиться иначе, и результаты были бы не хуже китайских, ибо наша экономика тогда еще не была так сильно деформирована. Однако момент, к сожалению, мы тогда упустили. Это к слову.

Старшее поколение в Китае неизменно говорит о падении нравов в период реформ, есть и статистика, подтверждающая рост преступности, имущественного неравенства, разводов, самоубийств, но это только заставляет удивляться, на какой же высоте были эти нравы до строительства «социалистической рыночной экономики с китайской спецификой». Пьяных на улицах нет вообще, и это при том, что китайцы пьянеют от одной рюмки – особенности физиологии, молекулы спирта в азиатской крови хуже разлагаются. Просящих милостыню в Китае можно видеть редко, реже чем в других развивающихся странах, китайцы этого очень стесняются. Торговаться любят все – и продающие, и покупающие, не в универсамах, конечно, а на рынках и в уличных лавках; и это при том, что цены в Китае и вправду смешные –

в 4-5 раз ниже западных, а в 1998-2000гг., после девальваций многих азиатских валют, розничные цены даже снижались на 1-3% ежегодно. В Шэньчжэне, первой свободной экономической зоне, жилье вчетверо дешевле чем в северных районах примыкающего к нему Гонконга, так что оттуда уже переселяются в Шэньчжэнь. «Часто мы покупаем вещи не потому, что нужно, а из жалости к производителю», – сказал мне китайский профессор, состояние велосипеда которого отнюдь не свидетельствовало о привычке к расточительности. Уличные торговцы запрашивают цену в 2-3 раза большую, но тут же снижают ее. Зазывать же и хватать за руку покупателей в Китае не принято – бывает, конечно, но реже чем в других развивающихся странах.

Преступность в Китае за период реформ выросла, что правда, то правда, об этом говорят постоянно и рассказывают страшные истории. Более или менее сопоставимые с другими странами данные есть по умышленным убийствам – статистика других преступлений в разных странах сильно отличается и порой не слишком надежна («нет тела – нет дела»). Умышленные же убийства регистрируются чаще всего дважды – первый раз в статистике преступлений, второй – в статистике смертности (насильственная смерть, исключая самоубийства и несчастные случаи). Второй показатель несколько шире, в него включаются смерти, оświęщенные законом – казни, убийства преступников при задержании, потери среди мирного населения при «антитеррористических операциях». У нас, скажем, число преступных убийств в расчете на 100 000 человек населения возросло с 5 в 1986г. до 20 во второй половине 90-х годов, а смертность от всех убийств выросла с 7 в 1986 г. в разгар антиалкогольной кампании (в 1980г. было 13) до 30 с небольшим во второй половине 90-х годов.

Во всех промышленно развитых странах, кроме США, и в странах Центральной Европы число законных и незаконных убийств в 90-е годы составляло от 1 до 4 на 100 000 человек населения (в Японии, Исландии и на Мальте – даже меньше 1). В США в минувшие десятилетия смертность от умышленных убийств, хоть и снизилась, все равно превышает европейский и японский уровень в несколько раз –

порядка 5-7 убийств на 100 000 жителей. И по числу сидящих за решеткой в процентах ко всему населению США, кстати, опережают чуть ли не всю планету (почти 1% взрослого населения), так что стоимость поддержания закона и порядка в США крайне высока. Из 8,6 млн. человек, сидевших за решеткой во всем мире 1999г., на долю США пришлось 1,9 млн. человек, на Россию – 1,1 млн. человек, на Китай – 1,4 млн. человек. По числу заключенных в расчете на 1000 жителей Китай (1,1 человек) смотрится как царство свободы в сравнении с такими «чемпионами лагерей» как Америка (6,8 человек) и Россия (7,3 человека). Хотя Китай несколько превосходит по относительному числу узников большинство западноевропейских стран (0,4-1,3 человека) и Японию (0,4 человека), он все-таки отстает от Тайваня, Гонконга и Макао (1,5-1,7 человек на 1000 жителей).

В Китае число всех насильственных убийств выросло с 1,4 в 1987г. до 2,1 в 1994 – рост огромный, на 50% менее чем за 10 лет, но ведь 2 человека в расчете на 100 000 – это же европейский, а не американский уровень, это меньше, чем в Австралии и Новой Зеландии, в Канаде и Бельгии, в Италии и Португалии. В Китае вероятность быть убитым в 3 раза ниже, чем в Америке и в 15 раз ниже чем в России. Это, если уж зашла речь, к вопросу о правах личности при демократии и авторитарном режиме, и о том, кто кого должен учить соблюдению прав человека, но об этом позже. Из 28 столиц развивающихся стран, от Асунсьона до Улан-Батора, в которых граждан спрашивали о том, стали ли они жертвой преступлений вообще и насильственных преступлений в частности, Пекин оказался одним из самых безопасных городов. Лучше Пекина была только Манила, а рядом с Пекином (ненамного хуже) – Будапешт, Джакарта, Минск, Скопье, Загреб. Вероятность стать жертвой нападения в Пекине была в 1995г. в 5-8 раз ниже, чем Москве, Рио де Жанейро, Йоганесбурге. В Китае ночью по городу по слабо освещенным улицам ходят спокойно и мужчины, и женщины, и к незнакомцам в темных закоулках обращаются безбоязненно.

До революции в Китае небедные люди имели по несколько жен и содержанок. Гомиьндан пытался поднять социальный статус женщины, но не особенно успешно. Девочкам раньше при рождении ломали пальцы ног и туго перебинтовывали их,

чтобы ступня не росла – считалось, что чем меньше ступня, тем красивее. В коммунистическом же Китае женщины получили больше равноправия, чем в других странах Азии, включая и Японию. В Японии женщина по преимуществу может стать профессором, только если получила образование за границей – поступающие в американские университеты японки все сплошь именно так и пишут, подавая документы. В Китае об этом говорят с улыбкой, не иначе как о пережитке феодализма.

Теперь по тому, как женщина держится, даже и на улице, по манере говорить, по ее походке, можно почти безошибочно определить, откуда она – с Тайваня или с континента: если с Тайваня или из Японии, она обычно ведет себя более покорно и менее напористо, держится чуть позади мужа. Китайские женщины обиделись бы, если бы их представляли в компании как супругу такого-то, как это делают на Тайване. Женщины составляют 47% китайской рабочей силы против 35% в среднем в мире и 40% всех обучающихся в университетах. Китай – единственная в мире страна с более высоким уровнем самоубийств среди женщин, чем среди мужчин (15 и 13 соответственно на 100 000 жителей в 1998г. против 4 и 19 в США и 12 и 63 в России).

Замужние женщины в Китае сегодня фамилию мужа не берут, но сохраняют свою, девичью. Дети по закону могут взять фамилию любого из родителей, но, как и в других странах, чаще всего берут отцовскую. В Гонконге при англичанах вошли в обиход двойные фамилии замужних женщин (мужа и собственная), но обычай, видимо, скоро исчезнет как пережиток колониального прошлого. Раньше девочкам давали «чисто женские» имена – цветов и разных красотей, например, Сю Мэй (приятный цветок сливы) или Чунь Сян (аромат весны). После революции, главным образом в семьях партийцев, но не только, получили распространение имена революционные, типа наших Тракторин и Октябрин: Цзянь Го (строительство государства), Вэй Пин (береги мир), Бао Хуа (защитай Китай), Шэнли (победа).

Отношениям между полами в Китае присуща трогательная деликатность, кажущаяся архаичной в наш деловой и несентиментальный век. Рынок, конечно, принес с собой и проституцию, и браки по расчету, и много других «прелестей», но и здесь опять-таки, приходится только удивляться, как это уживается с целомудрием. Число ВИЧ-инфицированных в Китае (официально – 26 тысяч, по оценкам экспертов – около 0,5 миллиона) относительно невелико в сравнении с другими странами (на начало 2001г. около 0,5 миллиона в Западной Европе, 1 миллион в Северной Америке, 0,7 миллиона в Восточной Европе и бывшем СССР, 6 миллионов в Южной и Юго-Восточной Азии и 25 миллионов в черной Африке). Основной канал распространения вируса – внутривенные инъекции, однако наркоманов в Китае пока мало, так как за наркотики наказывают очень строго, вплоть до смертной казни.

Китай дал миру одно из лучших произведений эротической литературы – «Цзинь пин мэи» («Цветы сливы в золотой вазе» – есть в русском переводе), однако при Мао оно было запрещено. Тогда в китайских романах и кинофильмах положительный герой/героиня не вступали ни в добрачные, ни во внебрачные связи. Сегодня все изменилось, пуританизм «культурной революции» для сегодняшних двадцатилетних уже история, молодежь знает о нем только понаслышке, но вот вековые традиции остаются. Юноше, ухаживающему за девушкой, в Китае положено написать ей письмо о своих чувствах – от того, как написано письмо, какова каллиграфия, поэтичность и искренность, зависит не в последнюю очередь решение девушки. Эти письма пишут не только юноши из интеллигентных семей, их пишут, по крайней мере в городах, чуть ли не все, а деревнях – многие.

Политика «один ребенок в семье» в Китае воспринимается с пониманием – как, может быть, неприятная, но необходимая мера. Из этой политики исключены только нацменьшинства и некоторые сельские районы, а в городах она проводится со всей строгостью. Суровые запреты подкрепляются пропагандой, которая изобретательна, остроумна и несколько похожа на нашу 20-х годов – в этом, кстати сказать, тоже примета социального динамизма; железобетонно-угрюмые лозунги брежневского периода типа «Партия – наш рулевой» и «Храните деньги в сберегательной кассе»

встречаются, но редко. Вот некоторые из лозунгов, призывающих к ограничению рождаемости, которые можно видеть в самых неожиданных местах – от вокзалов до заводских цехов: «Каждый гражданин ответственен за процветание страны, каждый муж отвечает за планирование семьи», «Стерилизация одного члена семьи – почет всей семье», «Рожайте меньше детей, сажайте больше деревьев», «Пусть лучше развалится семья, чем государство».

Дети в Китае родителей не только почитают, но и заботятся о них в старости. Собственно говоря, больше о них заботится некому – пенсии есть только у работающих в госсекторе, то есть у абсолютного меньшинства китайцев. Только недавно стали вводиться обязательные отчисления в пенсионные фонды для работающих на негосударственных предприятиях, но у крестьян нет и этого. А крестьян, между тем, половина населения – 70% населения живет в деревнях, но 20% из них заняты не сельским хозяйством, а работают в сельской промышленности. Социологические исследования свидетельствуют, что в отличие от западных стран, где внутрисемейные денежные трансферты незначительны, в России именно родители-пенсионеры помогают детям, а не наоборот. В развивающихся же странах, в том числе и в Китае, именно дети содержат родителей в старости. В Китае традиция требует заботиться о пожилых, даже когда у них есть пенсия. Если престарелые родители вступают в повторный брак, то их взрослые дети встречаются и договариваются о том, кто и как будет помогать.

Художественной самодеятельностью в Китае занимается больше людей, чем у нас в советские времена. На площадях, в скверах, парках утром и вечером постоянно можно видеть и старичков, и старушек, и молодых, занимающихся тайцзи, гимнастикой замедленных движений, и цигун – дыхательными упражнениями. В парке Лу Синя в Шанхае с традиционными китайским садом, с прудами, островками, горками, фонарями и мостиками вечером трудно найти свободный уголок – здесь разучивают европейские бальные танцы, там девушки занимаются художественной гимнастикой, поодаль пенсионеры поют хором революционные песни.

В пекинском парке Житань и утром и вечером такая же напряженная общественно-художественная жизнь: здесь тайцзи с мечом, там тайцзи с веером, здесь поют арии из китайских опер, там играют в китайские шахматы (похожие на наши, то есть индийские, но с другими правилами) или в вэйци (облавные шашки, похожие на японскую игру го) или в тяоци (обычные шашки); в помещениях – в домах и ресторанах – играют в более азартный мацзян. Вдобавок по утрам в пекинских парках прогуливают певчих птиц – клетки развешены по веткам деревьев, некоторые открыты, чтобы птицы могли полетать и посидеть на настоящих ветках; птицы поют-заливаются, приветствуя восход солнца – полное ощущение рая; через полчаса-час их возвращают в клетки и закрывают покрывалом, гомон умолкает.

У здания пекинской оперы на Чанъаньцзе в летние вечера, когда спадает дневная жара, собираются сотни людей – то один, то другой выходит вперед на импровизированную сцену и под акомпанимент обязательной для пекинской оперы китайской скрипки цзин ху и нескольких ударных инструментов поет арии из классических китайских опер. Оказывается, эти арии из опер знают многие, а классические произведения, по мотивам которых написаны эти оперы, такие как «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», «Сон в красном тереме», знают практически все – они стали частью национальной бытовой культуры.

Что поют, я, конечно, не понял даже после объяснений, но я видел как поют и кто поет: вот работяга-строитель, наверное, только что окончивший вечернюю смену, – он снял грязную спецовку из уважения к публике и остался в одной майке, он жестикулировал, изображая как крадется тигр и как воин-богатырь борется с ним голыми руками, так что стоящие рядом дети прятались за материнские юбки; а вот девочка лет десяти, которая сначала стеснялась, а потом, после того как ее мама показала пример, спела сама, видимо, очень известную арию, потому что, когда она забывала начало куплета, ей подсказывали слова хором чуть ли не сто человек сразу; а вот уже немолодые супруги, которые пришли со своим цзин ху и разыграли сцену из оперы «Кун чэн цзи» («Сказание о пустом городе» по мотивам «Троецарствия»),

где уже упоминавшийся Чжугэ Лян играл на крепостной стене осажденного неприятелем города, в котором не было никого – враги подумали, что это ловушка, и не вошли в город.

Я спросил у наугад выбранной молоденькой пары, сидевшей вдали на металлической ограде газона, знают ли они, откуда эта ария, – ребята бойко рассказали, кто такой Чжугэ Лян и как он спас город в III веке н.э. Возле отдыхавших пока музыкантов, между тем, выстроилась целая очередь желающих заказать акомпанимент, чтобы продемонстрировать свое певческое искусство...

Китайцы с детства обладает отменным музыкальным слухом, так как даже в официальном китайском четыре тона, а в диалектах – еще больше; чуть ли не каждый китаец может спеть не одну оперную арию, мелодии которых для среднестатистического европейца звучат вычурно и трудновоспроизводимы. Каждый год в Китае проводится международный конкурс на лучшее исполнение арий из пекинских опер; нередко первые места занимают иностранцы.

Как и любом национальном характере, в китайском малоприглядных черт больше чем достаточно. И написано об этом тоже немало. Есть даже книга «Гадкий китаец и кризис китайской культуры», написанная тайваньскими авторами, но доступная и в континентальном Китае и переведенная на английский. Говорят, что китайцы жадные, нечестные и вороватые, что у них нет никакого чувства собственного достоинства и что они за небольшие деньги готовы забыть свои обещания, а то и предать, что они нечистоплотные (в отличие, скажем, от японцев) и все время едят, не останавливаясь, где бы не находились. Конечно, Китай большой и китайцы разные, как и люди в других странах. Но если брать среднестатистический случай, в том, что говорят, много правды.

Китайцы действительно своего не упустят: если вы на минуточку расслабились, стоя в очереди, перед вами непременно появятся, как из под земли, несколько китайцев. Если что-то дают бесплатно, то первыми это получают китайцы. Особенно славятся

своей пронырливостью и умением устраиваться шанхайцы. В битком набитом шанхайском ресторане пропал свет на 5 минут, а когда его снова включили, никого уже не было, вся публика ушла, не заплатив, остались только мама с дочкой, приехавшая из другой провинции – печать полна подобного рода историй. Я видел, как набрасываются на «шведский стол» с ограниченным запасом «халявного» съестного китайцы – толпой, отталкивая всех подряд, с горящими глазами, полностью забыв про все на свете. (Справедливости ради, надо сказать, что довольно успешно в этой толпе действовали и шведские студенты – не такие шустрые, как китайцы, но выше ростом.) Да и помощь вам никто не бросится оказывать, если вы, скажем, сломали ногу на улице – пройдут мимо, скажут, что спешат. Как писала недавно китайская газета, в наши дни, если человек жертвует малой толикой своих личных интересов во имя сохранения достоинства или же просто не берет, что ему не принадлежит, он становится чуть ли не героем.

Однако есть и обратная сторона китайской бессовестности, часто ускользающая от иностранных туристов. Полное пренебрежение к окружающим, постоянная готовность и даже стремление «объесть» соседа и взять, что плохо лежит, характерны только по отношению к незнакомцам. Что же касается «своих», то здесь действуют строгие нормы ответственности, понятия долга и чести и принцип круговой поруки. Насколько безразлично, если не сказать наплевательски, относятся китайцы к «чужакам», настолько же они внимательны, предупредительны и заботливы по отношению к членам своей «общины», будь то предприятие, деревня, многоэтажный дом или хутун в городе. Стоит не знакомым прежде китайцам оказаться объединенными какой угодно общностью, хотя бы и обеденным столом, они буквально преображаются, начинают предлагать друг другу лучший кусок. Общинные, по сути своей, правила в Китае сильнее, чем где бы то ни было: нечестный поступок по отношению к постороннему считается чуть ли не доблестью, но не дай бог совершить что-то подобное по отношению к соседям или коллегам – страшный позор, потеря лица, несмываемое пятно на всю жизнь, да еще и детям припомнят.

И еще одно. Порядочными не рождаются, а становятся. Рецепт совершенного английского газона, как известно, до примитивности прост – стригите траву каждый день и через 200 лет ваш газон будет не хуже, чем в Англии. В Китае стригут каждый день и прогресс налицо. Еще совсем недавно в Китае не было телефонов-автоматов на городских улицах – телефоны для звонков давали за небольшую плату владельцы киосков и маленьких магазинов. На вопрос, почему нет автоматов, мне объяснили, что если их оставить без присмотра, все растащут. Теперь, когда автоматы на улицах появились, чтобы оценить прогресс, надо знать, *почему* их не было еще несколько лет назад.

Упомянутая книга «Гадкий китаец» не была запрещена в Китае именно потому, что правительство посчитало ее инструментом воспитания нравов. Пресса ведет настоящую войну с «отвратительными проявлениями пережитков феодализма», призывая к добросовестности и ответственности. И не только пресса. Борьба за качество и честный бизнес стала национальным приоритетом. Качественными товарами предприятия гордятся, а о недоброкачественных изделиях и обслуживании власти призывают сообщать в инстанции. В пекинском такси, как только водитель включает счетчик, механический голос приветствует вас и сообщает номер телефона, по которому вы можете пожаловаться на качество обслуживания – линия очень часто занята, но дозвониться можно. Это при том, что такси в городе полно, они всегда останавливаются, едут, куда попросят, без переговоров («а что мне за это будет?»), как у нас, в машине есть кондиционер, и стоит все это только 1,2 юаня (15 центов) за километр проезда. На что же тогда жалуются? Оказывается таксисты не всегда подносят чемодан, а некоторым кажется, что счетчик должен работать медленнее.

В поезде, где действительно постоянно едят, если не все, то каждый второй, упорно бросая мусор прямо на пол, проводники в чистых костюмах и белых перчатках с еще большим упорством подбирают этот мусор буквально каждые полчаса – в итоге в плацкартном вагоне китайского поезда сейчас заметно чище, чем в нашем, хотя 10 лет назад было много грязнее. И когда вы читаете в китайской прессе, что китайские железнодорожники непрестанно борются за повышение качества обслуживания

пассажиров, не надо смеяться, воспринимая это как избитое советское клише. Они действительно борются, и качество действительно растет год от года: в 2000г. в плацкартных вагонах пассажиры смотрели фильмы на экранах своих «лэптопов», а в 2001г. появилась новая услуга – за небольшую плату проводник может дать вам портативный DVD-плеер, на котором вы можете посмотреть хоть 10 новых фильмов.

В Китае ежегодно проводится конкурс на самый чистый город. Я был в двух городах из восьми, названных самыми чистыми в 2000г. Госадминистрацией по охране окружающей среды, – в городе Сучжоу (провинция Цзянсу) и в городе Янтай (провинция Шаньдун): действительно чисто, видно невооруженным глазом, хотя итоговая чистота определяется не только по количеству мусора на улицах, но и с учетом качества воздуха, воды, и т.п. Некоторые китайские города, чтобы сократить выбросы загрязняющих веществ, недавно стали распределять общие квоты на их выброс через рынок – путем продажи на аукционах; такая техника считается наиболее эффективной и даже в западных странах только-только начинает внедряться.

На центральной торговой улице Ванфуцзин в Пекине прямо перед универмагом №1, который раньше был чем-то наподобие нашего ГУМа и который в период реформ постигла та же судьба (теперь открылось множество торговых центров, затмевающих универмаг по роскоши и по размеру), стоит памятник передовику производства Чжан Бингую, который большую часть своей жизни работал в этом универмаге простым продавцом и умер в 1987г. Чжан Бингуй был очень внимателен и вежлив с покупателями; говорят он одним движением руки клал на весы ровно столько товара, сколько просил покупатель. Он не был ни генералом, ни крупным организатором производства, но он прожил свою жизнь достойно. На постаменте памятника надпись, воспроизводящая каллиграфию Чэнь Юня – секретаря партии по экономике сразу после революции: «Огонь его души будет светить всему Китаю».

На центральной площади провинциального города Ичан, что у выхода из Трех ущелий на Янцзы, белые голуби садятся на руки детей и клюют зернышки или хлеб, дети довольны, родители тоже. Вроде бы ничего особенного, не сразу и сообразишь, что для Китая это равносильно вступлению в новую эпоху. Но посмотрите внимательно и увидите, что к голубям приставлена женщина в униформе: она не просто убирает мусор, она следит, чтобы голубей не растащили – кто для домашней забавы, а кто и для обеда (голубей в Китае едят, во многих ресторанах можно заказать голубиные блюда). Но дети, доверчиво протягивающие зернышки на маленьких ладошках, запомнят голубей, а не женщину-охранника. Это поколение – первое в Китае, для которых голуби, садящиеся прямо на руки, останутся воспоминанием детства; это поколение уже не будет голодать, как родители; это поколение не позволит ни себе, ни своим детям пнуть ногой животное, просто чтобы сорвать злобу или почувствовать свое превосходство...

Китайская культура выживает, кажется в любых условиях, «чайна-тауны» в мире множатся как грибы после дождя, а китайские иммигранты за границей очень быстро начинают преуспевать. Число хуацяо – китайцев, живущих за рубежом, оценивается в 80 миллионов человек – очень много и в процентах к мировому (более 1%), и в процентах к китайскому населению (6%). В основном живут они в странах ЮВА, но их много и в США, Австралии, Канаде, да практически везде, за исключением, может быть, Африки и бывшего соцлагеря. В Индонезии, на Филиппинах, в Мьянме (Бирме), Таиланде, Малайзии, Сингапуре, Лаосе, Кампучии в руках китайцев находится львиная доля всего бизнеса. В Таиланде китайцев заставили принять тайские имена, но переговоры и даже совещания в деловых кругах страны часто проводятся на китайском. Собственно говоря, только в трех странах Восточной Азии – в Японии, в Корее и во Вьетнаме китайская диаспора не занимает господствующего положения в деловых кругах.

Использование китайского языка в мире постоянно расширяется – за счет роста китайской диаспоры и повышения интереса к Китаю в других странах. Ожидается, что в интернете китайский язык через 5 лет будет более распространен, чем

английский. Кстати, в мире существует 44 представительства официальной службы китайского языка в разных городах Китая и 55 представительств в 24 странах, в том числе и в России, где вы можете сдать экзамен и получить сертификат. Со времени создания этой службы в 1988г. 380 тысяч иностранцев сдали такой экзамен в Китае; за пределами Китая в 2001г. в таких экзаменах участвовали 2700 человек. В самом Китае сейчас обучается около 300 тысяч иностранных студентов, в основном изучающих китайский язык и культуру; каждый год в страну на учебу приезжает более 50 тысяч иностранных граждан.

Расхожая российская шутка про американские университеты, в которых, якобы, русские профессора обучают китайских студентов, возможно, и льстит нашему национальному самолюбию, но действительности не соответствует. После начала китайских реформ, в 80-90-е годы в Америку приехали на учебу почти 200 тысяч китайских студентов; многие из них остались и защитили диссертации, так что теперь китайских профессоров в любом американском университете (как, впрочем, и китайских студентов) на порядок больше, чем российских. Я недавно дал себе труд посчитать число китайских и славянских фамилий в списке участников ежегодной конференции Американской экономической ассоциации – самого представительного профессионального собрания экономистов всего мира, на которое каждый год в начале января съезжаются несколько тысяч человек: получилась примерно пропорция 10 к 1, то есть менее благоприятная для нас, чем соотношение населения Китая и славянских стран. Даже на факультетах физики и математики, где обычно можно увидеть несколько русских фамилий, китайских, похоже, не меньше.

Китайская кухня, может быть, самая разнообразная в мире. Сами китайцы говорят, что едят все что летает, кроме самолета, и все, что на четырех ногах, кроме стола. Европейцы долго есть китайскую пищу не могут, китайцы же европейскую пищу едят с удовольствием, хотя она и кажется им простоватой – не тот уровень обработки, да и ингредиентов маловато. То, что подают в китайских ресторанах в Европе и Америке, – сильно облегченный, европеизированный вариант китайских

блюд; здесь, как и во многом другом, китайцы обнаруживают великое умение приспосабливаться к местным условиям, не теряя самих себя.

В Хельсинки сейчас больше китайских ресторанов, чем русских, а ведь меньше 100 лет назад Хельсинки-Гельсингфорс был столицей Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Да что, в Хельсинки, в самой Москве в 90-е годы китайские рестораны расплодились, как морские свинки: среди ресторанов национальной кухни китайские сейчас уже на втором месте – их уже 19 против 27 ресторанов собственно русской кухни; на третьем месте почему-то итальянские – 15. В самом же Китае есть неповторимые шедевры кулинарного искусства: из ресторана в Шанхайском старом городском торговом районе Ю юань каждый день доставляют самолетом в Гонконг пельменьчики с мясом крабов, «нансян сяо лун бао» – пробовали делать такие же и в Гонконге, но не получается.

Экономика – почему Россия не Китай

Почему в Китае не было падения производства во время рыночных реформ, как это произошло в России, СНГ, восточноевропейских странах? На эту тему написано множество статей и книг, но единого мнения у исследователей до сих пор нет, тем более, что вопрос сильно политизирован. Китай был первой плановой экономикой, запустившей рыночные реформы (не считая советского НЭПа), – на 10 лет раньше, чем восточноевропейские страны и СССР. Результаты были поразительными – производство зерна благодаря переходу от коммун к семейному подряду и разрешению продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам возросло вдвое за неполные 10 лет, доля инвестиций в ВВП поднялась с менее 30 до более 40%, темпы роста – с 5 до 10%. Тогда считалось, что экономическая либерализация творит чудеса, чем ее больше, тем лучше. Однако опыт Восточной Европы, где падение производства составило 20-30% и продолжалось 2-3 года, и тем более опыт бывшего СССР, где производство падало почти 10 лет и упало, грубым счетом, вдвое, заставил многое переосмыслить.

По масштабам экономической либерализации Китай и сейчас находится где-то на уровне России и сильно отстает от восточноевропейских стран – сводные индексы экономической свободы, ежегодно рассчитываемые Heritage Foundation для многих десятков стран мира, в Китае и России в 1995-2000гг. были примерно одинаковы; в 80-е же годы, в первое десятилетие реформ, когда более половины всех цен еще контролировалось сверху, экономической свободы и рынка в Китае было намного меньше, чем у нас в 90-е. Результаты, тем не менее, оказались в корне противоположными – полу-либерализованная китайская экономика ускориалась, а наша либерализованная камнем падала вниз. Китайский градуализм многие стали ставить в пример – мол, вот какие впечатляющие результаты, если не ломать через коленку, а реформировать осторожно. Дело, однако, было не в градуализме.

В Азии, кстати сказать, и шокотерапию проходили раньше европейцев. Не слишком известный среди неспециалистов факт: Вьетнам после недолгих экспериментов с

постепенными реформами «горбачевского» толка (1986-89гг.) в марте 1989г., на 9 месяцев раньше Польши, запустил программу классической шокотерапии, одновременно дерегулировав 90% всех цен, девальвировав донг и заменив множественные обменные курсы единым. Никакого спада, однако, не последовало, напротив, экономический рост, как и в Китае, ускорился (в случае Вьетнама – до 7% в год в 90-е годы).

Получается, примерно, следующее: две соседние страны, имеющие схожий уровень развития, структуру хозяйства и экономическую культуру, продемонстрировали впечатляющую способность к экономическому росту в переходный период вопреки кардинальным, казалось бы, различиям в экономической политике – Китай следовал курсом постепенных реформ, поддерживая долгое время двухканальную систему цен и реализации продукции (плановую и рыночную), тогда как Вьетнам создал полноценный рынок товаров в ночь с воскресенья на понедельник. Значит ли это, что стратегия перехода к рынку не играет никакой роли? В общем, да, именно так и получается, если под стратегией понимать скорость реформ: темпы либерализации – это третьестепенный фактор экономической динамики, есть более важные факторы, которые исследователи упустили, заиклившись на споре «шокотерапия или градуализм».

Несколько огрубляя, можно сказать, что таких решающих факторов три. Во-первых, исходные условия, наследие прошлого, степень деформации экономики плановой системой – от этого зависит, насколько сложно ее реформировать и с какими издержками это будет связано. Во-вторых – способность государства обеспечить сильные работающие институты, без которых либерализация (рыночная экономика) не работает. Эту институциональную составляющую «правильной» политики фактически просмотрели и шокотерапевты, и градуалисты, сконцентрировавшие свои усилия на спорах о второстепенном, по сути, вопросе о темпах экономических реформ. И наконец, в третьих, макроэкономическая и промышленная политика, стимулирующая рост. В Китае было и то, и другое, и третье. В Центральной Европе исходные условия были плохими – экономика была сильно деформирована, но

институты работали. Политика же благоприятствовала росту только отчасти – с макроэкономической стабилизацией все было в порядке, а вот промышленная политика в лучшем случае была нейтральной, а не экспортно-ориентированной, как в Китае. В России и СНГ все было не так – и с исходными условиями не повезло, и институты развалились, и политика – хуже некуда.

Бремя прошлого для китайских реформаторов не было столь тяжелым как в Восточной Европе и СССР из-за низкого уровня развития и индустриализации и относительно низких военных расходов. Китайские сельские коммуны, скажем, оказалось возможным в 1979г. «раздать на огороды» без ущерба для технологии и эффективности. Напротив, советские колхозы и совхозы, базировались на централизованной инфраструктуре (от жилья до хранилищ и ремонтной базы), большую часть которой переход к семейным фермам неизбежно превращал в груды металлолома. В промышленности китайский успех зиждется на вновь создаваемых предприятиях (в основном мелких и средних, относительно малокапиталоемких), а крупные капиталоемкие госпредприятия до сих пор остаются узким местом китайской экономики.

Доводя мысль до крайности, можно сказать, что в Китае, где диспропорции плановой системы не были увековечены «в металле», выгоды рынка сказались бы сразу при любом варианте перехода, будь то постепенные реформы или шокотерапия. Падения производства не было бы и при шокотерапии (доказательство – Вьетнам). В Восточной Европе и СССР, напротив, более высокий уровень развития обернулся одновременно и большей степенью материализации диспропорций в виде деформированности основных фондов. Чтобы преодолеть эти диспропорции и перевести ресурсы из одних отраслей в другие, нужно было затратить больше инвестиций в сравнении с ВВП, а коль скоро этих инвестиций не было, падение производства оказалось неизбежным. Это, конечно, только в первом приближении.

Если в статистическом анализе учесть влияние исходных условий, то все равно получается, что фактический уровень производства в Китае и Вьетнаме превышает

предсказываемый регрессионным уравнением, в Восточной Европе - тоже превышает, хоть и не так значительно, а в большинстве стран СНГ, наоборот, оказывается ниже предсказанных значений. Что общего между экономическими преобразованиями в Китае и Вьетнаме, с одной стороны, и в государствах Восточной Европы, с другой, кроме низкой инфляции в переходный период? Ответ довольно очевиден – сильные институты, прежде всего, государственные, в первом случае поддерживаемые авторитарными режимами, во втором – демократическими, но в обоих случаях, в отличие от стран СНГ, работающие, а не разваливающиеся. Исключения в регионе СНГ только подтверждают правило – это Беларусь, Туркменистан и Узбекистан, т.е. как раз те страны, которые известны не только своим отставанием в рыночных реформах, но и сравнительно сильной и работающей государственной властью.

Один из возможных обобщающих показателей эффективности государственных институтов – степень доверия фирм и граждан к власти в том, что касается защиты экономических прав и свобод, поддержания нормального инвестиционного климата, и т.п. – здесь страны СНГ прочно занимают последнее место по результатам всех имеющихся опросов. По данным глобального опроса фирм в 69 странах о доверии государственным институтам, страны СНГ отстают от всех регионов, в том числе и от Африки, причем разрыв между Восточной Европой и странами СНГ больше, чем между Восточной Европой и Южной и Юго-Восточной Азией или Латинской Америкой.

Другим обобщенным измерителем эффективности институтов может служить финансовая мощь государства - доля государственных доходов в ВВП. Хотя немало было написано о «слишком большом» правительстве и слишком высоких налогах, теперь, видимо, большинство исследователей сходятся во мнении, что уход государства из экономики в странах СНГ зашел слишком далеко.

До рыночных реформ в бывшем СССР государство не только детально регламентировало экономическую жизнь, но и обладало не меньшей финансовой

мощью, чем в странах Центральной Европы, перераспределяя через бюджет порядка 50% ВВП. Это позволяло бесплатно предоставлять большой объем коллективных благ (образование, здравоохранение, наука) и высокий уровень социальной защиты. Во время перехода к рынку доля государственных доходов в ВВП стала снижаться во всех переходных экономиках. Однако в странах Центральной Европы и в Эстонии процесс вскоре был остановлен и даже повернут вспять, тогда как в большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы он продолжался и привел к падению доли госдоходов в ВВП в 1,5-2 раза.

Во Вьетнаме доля госдоходов в ВВП возросла в 1989-93гг. в 1,5 раза. В Китае за все два десятилетия реформ доля госдоходов в ВВП упала более чем в 2 раза, однако, во-первых, основное падение пришлось на вторую половину 80-х годов, тогда как в первой половине 80-х годов доходы государства были довольно стабильны, а с 1995г. они вновь стали расти; во-вторых, снижение госдоходов было контролируемым (т.е. проводилось по инициативе государства, а не вопреки его политике); в-третьих, расходы на традиционные государственные функции в % к ВВП остались на неизменном уровне.

В Китае сокращение госрасходов относительно ВВП происходило за счет обороны, субсидий и инвестиций, тогда как расходы на «обычное правительство» (включающее в себя все остальное – от образования до правоохранительных органов) росли примерно тем же темпом, что и ВВП. В Польше госрасходы на «обычное правительство» и другие функции, хотя и снизились накануне перехода к рынку, (т.е. когда прежний авторитарный режим разваливался), во время самих рыночных реформ даже несколько возросли. Наконец, в России сократились по отношению к ВВП не только расходы на оборону, субсидии и инвестиции, но также и расходы на «обычное правительство», что привело к подрыву институционального потенциала государства.

Да, верно, что в Китае расходы на «обычное правительство» в % к ВВП сейчас ниже, чем в Польше и в России, но они были такими и до реформ (1978г.), так как расходы

на социальное обеспечение из бюджета там были традиционно низки. Верно и то, что в России уровень расходов на «обычное правительство» не намного ниже, чем в Польше. Однако динамика этих расходов в реальном исчислении, то есть в постоянных ценах, рознится кардинально: если в Польше, где в 1996г. ВВП превысил предкризисный уровень, реальные расходы на «обычное правительство» в 1989-96гг. выросли примерно на треть (в Китае они, кстати сказать, в 1979-86гг. почти удвоились), то в России, где ВВП в 1996г. едва дотягивал до половины предкризисного уровня, реальные расходы на «обычное правительство» снизились почти в 3 раза! Надо ли говорить, что такое резкое снижение реальных объемов финансирования привело к фактическому разрушению старых государственных институтов, и не оставило средств на создание новых?

При сокращении реальных государственных расходов аж в 2 раза, как это произошло в большинстве государств бывшего СССР и Юго-Восточной Европы в короткий промежуток времени – всего за несколько лет, практически не остается шансов компенсировать падение объема финансирования повышением эффективности институтов, так что способность государства гарантировать права собственников и исполнение контрактов, поддерживать закон и порядок и противодействовать криминализации катастрофически снижается.

Среди 30 переходных экономик только в нескольких не произошло резкого снижения доли госрасходов в ВВП в 90-е годы – в Эстонии, во Вьетнаме и в странах Центральной Европы (Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии); менее резко, чем в других странах, снизилась доля госрасходов в ВВП в Узбекистане и Беларуси. Нетрудно заметить, что все перечисленные страны обнаруживают и самую благоприятную динамику ВВП: в Центральной Европе в 2000г. ВВП чуть превысил предкризисный уровень 1989г., в Узбекистане он составил 95%, в Эстонии и Беларуси – около 80%, в Туркменистане – 75%, во всех остальных бывших советских республиках – менее 65% (в России – 60%). Здесь и альтернативное объяснение относительного эстонского успеха – эстонская экономика показывает результаты не хуже белорусской не столько благодаря высоким темпам либерализации, сколько из-

за способности сохранить работающие институты (в отличие от других республик в Эстонии доля госрасходов в ВВП в переходный период не упала, а возросла).

Обычно в зрелых рыночных экономиках существует прямая связь между уровнем налогообложения, долей государственных доходов в ВВП и размерами теневой экономики: чем выше налоги, тем выше доходы государства и тем больше размеры подпольной экономики. В странах с высокими госдоходами (50% и более от ВВП), таких как Скандинавские государства, Голландия, теневая экономика относительно больше, чем в странах с низкими налоговыми поступлениями (Австралия, США, Швейцария, Япония). В переходных экономиках все наоборот: чем ниже уровень государственных доходов (и чем больше он снизился в последние годы), тем больше теневая экономика. Фактически в переходных экономиках наблюдался эффект вытеснения государства подпольным бизнесом «один к одному»: на каждый процентный пункт падения доли государственных доходов в ВВП приходится в среднем увеличение доли теневой экономики в ВВП тоже на 1 процентный пункт. Говоря иначе, динамика госдоходов довольно точно отражает способность государства добиваться исполнения законов и предписаний, а это и входит в понятие институционального потенциала.

В итоге, таким образом, получается следующая картина: масштабы падения/роста производства при переходе к рынку зависят от начальных условий – от уровня развития («преимущества отсталости») и накопленных за время централизованного планирования диспропорций в структуре экономики и внешней торговле, а также от способности сохранить эффективные институты во время либерализации. При этом темпы либерализации, которые обычно считаются важнейшей составляющей экономической политики, не играют особой роли.

Горбачевские реформы, иначе говоря, провалились не потому, что были постепенными или недостаточно демократическими, но из-за ослабления институтов государственной власти (накопление отложенного потребительского спроса, рост теневой экономики и снижение бюджетных доходов, ослабление плановой

дисциплины и т. п.) – падение производства у нас началось еще при Горбачеве, в 1990г. Подобным же образом ельцинские реформы привели к дальнейшему падению производства не потому, что были «слишком» радикальными или демократичными, но из-за продолжавшегося ослабления институтов (дальнейшее расширение теневой экономики и падение доходов бюджета, подрыв законности и правопорядка и т. д.). Урок, кажется достаточно очевиден: никакая либерализация, ни моментальная, ни постепенная, если она сопровождается ослаблением институтов, не может привести к улучшению экономического положения. И, наоборот, при сильных институтах любая либерализация - и радикальная, и постепенная, и демократическая, и авторитарная, – дает экономические дивиденды в виде роста производства.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет «романа» пост-социалистической трансформации – сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. Как минимум, на 90% это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации (market failure).

И, наконец, последний фактор – макроэкономическая и промышленная политика. С инфляцией (макроэкономическая политика) в Китае практически всегда было все в порядке, даже лучше, чем в большинстве стран Восточной Европы, а в последние годы инфляции в Китае вообще нет, в 1998-2000гг. цены снижались. Однако, кроме того, Китай выгодно отличался от европейских переходных экономик тем, что постоянно стимулировал экспорт и смог таким образом оседлать конек экспортно-ориентированного роста.

Есть два варианта промышленной политики – импортзамещение и поощрение экспорта. Грубо говоря, в рамках первого варианта приоритет отдается слабым и неконкурентоспособным отраслям, тогда как в рамках второго варианта

стимулируются, напротив, сильные и конкурентоспособные отрасли. При импортзамещении госсубсидии идут в отрасли, которые не только не экспортируют свою продукцию, но и не могут конкурировать с импортом на внутреннем рынке. При экспортной ориентации, напротив, поддержка оказывается отраслям и предприятиям, которые уже прорвались на внешний рынок или у которых есть хорошие шансы увеличить экспорт.

В экономической теории считается, что специализация страны на мировом рынке (какие именно товары страна экспортирует) определяется ее сравнительными преимуществами: у кого-то есть природные ресурсы (значит можно вывозить сырье, производство которого дешево обходится), кто-то обладает большими резервами недорогой рабочей силы (тогда можно специализироваться на трудоемкой продукции), другие просто научились очень хорошо и дешево, лучше чем кто-либо в мире, производить, скажем, бытовую электронику. Однако надо отдавать себе отчет в том, что эти сравнительные преимущества не даны странам раз и навсегда от бога (за исключением невозобновляемых ресурсов, доля которых в международной торговле уже невелика), а создаются в ходе развития, в том числе и в результате целенаправленной правительственной политики. Если, скажем, страна не производит электронику, а импортирует ее из-за границы, и даже не пытается ее производить, то, видимо, никогда и не будет: ведь при освоении производства любого товара издержки всегда высоки, так что с точки зрения сиюминутной перспективы всегда лучше производить то, что уже умеешь. Тогда, однако, придется законсервировать структуру экспорта и отказаться от участия в мировых рынках многих «чужих» и постоянно возникающих новых продуктов. Большинство стран, если не все, признавать поражение без борьбы не желают и пытаются диверсифицировать экспорт. Какие отрасли поддерживать в первую очередь? Вот здесь-то и возникают варианты.

Можно поддерживать отрасли уже экспортирующие или с перспективой на экспорт, то есть самые конкурентоспособные или ориентированные на то, чтобы стать таковыми (если не становятся и не начинают экспортировать, поддержка

прекращается). А можно защитить внутренний рынок от иностранной конкуренции (скажем, высокими таможенными пошлинами) и при этом довольствоваться тем, что он снабжается отечественными производителями, не экспортирующими свою продукцию (импортзамещение). И в том и в другом случае можно использовать протекционистскую защиту внутреннего рынка; разница в том, что одна эта защита – без стимулирования экспорта – ведет только к сохранению неэффективных производств, а такая же защита со стимулированием экспорта ведет не только к сохранению неэффективных производств, но и к их превращению в эффективные. При экспортной ориентации государство подталкивает развитие в том направлении, в котором рынок (мировой) уже движется, при импортзамещении, наоборот, идет против рынка, гладит против шерсти. В своем крайнем варианте импортзамещение – это стратегия опоры на собственные силы, направленная на то, чтобы производить все внутри страны.

СССР периода индустриализации и дальше, коммунистический Китай до реформ, Латинская Америка и Индия до 90-х годов, развивающиеся страны социалистической ориентации – все эти государства и регионы практиковали именно импортзамещающую промышленную политику, стараясь обеспечить экономическую независимость. Везде, от Северной Кореи до Индии и от СССР до Латинской Америки, эти попытки неизменно заканчивались одним и тем же – созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые еще могли кое-как функционировать в тепличной протекционистской среде, но которые рассыпались, как карточные домики, при первом столкновении с иностранной конкуренцией. При субсидировании слабых отраслей за счет сильных развитие неизменно заходило в тупик: сильные отрасли, из которых изымались средства, хирели, а слабые, хоть и поддерживаемые, но не работающие на экспорт, так и не становились жизнеспособными.

Другая стратегия – создание государством стимулов к перемещению ресурсов в конкурентоспособные и уже преуспевающие в экспорте отрасли, подталкивающая структурную перестройку в том направлении, в котором она уже идет, неумолимо

увлекаемая силами мировой рыночной конкуренции. Она проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже – в странах ЮВА и в Китае и привела к впечатляющим результатам. В Китае именно экспорт был мотором экономического роста, а доля экспорта в ВВП выросла с 5% в 1978г. до более 20% сегодня. Как уже говорилось, все эти страны в разное время проводили схожую политику – всемерно поощряли национальные фирмы экспортировать производимую продукцию, даже когда эти фирмы и на национальном рынке занимали еще слабенькие позиции.

Способов поддержки экспорта много, но главным инструментом является занижение валютного курса через накопление валютных резервов центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение участников рынка, то есть создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается. Искусственная заниженность курса позволяет стимулировать экспорт, производство и сбережения через ограничение импорта и потребления.

Такой была стратегия Японии, Кореи, Тайваня и Сингапура несколько десятилетий назад, когда они еще были "бедными" и догоняли развитые страны; такова в последние десятилетия стратегия государств Юго-Восточной Азии, которые поддерживают валютный курс на уровне 20-40% ППС (Китай - ниже всех, всего 20% ППС). В 1999г. на Восточную Азию пришлось почти 60% всех золото-валютных резервов мира. Только на Китай (включая Гонконг и Тайвань) приходится почти четверть всех мировых резервов. Отношение валютных резервов к ВВП почти во всех восточноазиатских странах превышает 20% (кроме Японии – 7%) против 5% в среднем в мире и 1,5% в США.

В Восточной Европе промышленная стратегия была более или менее нейтральной, то есть государство не создавало особых привилегий ни сильным, ни слабым отраслям, а вот в СНГ, и особенно в России, эта стратегия была и остается ориентированной на импортзамещение. До макроэкономической стабилизации 1995-98гг. мы сдерживали рост внутренних цен на главные экспортные товары – нефть, газ, металлы – через

экспортные пошлины и прямые ограничения; после стабилизации и до валютного кризиса 1998г. мы поддерживали завышенный курс рубля, что подрывало позиции экспортеров; после кризиса мы опять сдерживаем рост внутренних цен на нефть и газ, так что они у нас в несколько раз ниже мировых. Поэтому производство и инвестиции в 90-е годы у нас падали не только в слабых, неконкурентоспособных отраслях (сельское хозяйство, большинство секторов машиностроения, легкая промышленность), но и в самом что ни на есть конкурентоспособном сырьевом секторе (ТЭК, черная и цветная металлургия). А в Китае производство ни в каких отраслях не падало, просто в одних росло на 15% в год, а в других на 5%.

История

«Чжун го» – срединное государство, так назывался Китай раньше, так он называется сейчас. Многие народы думали, что они находятся в центре мира, но немногие пронесли это представление через всю свою историю. Китай же, как минимум, три тысячелетия был самым могущественным государством в Восточной Азии и, следовательно, до XVI века, до европейского Возрождения и великих географических открытий, бесспорным центром мира в его тодашних границах. В своих вассальных государствах – Корее, странах Юго-Восточной Азии – Китай раздавал звания и титулы, подтверждал полномочия правителей, посылал войска для поддержки одних и наказания других, разрешал использование китайского календаря, и т. д.

Сознание своей центральности, безграничности и вечности отличало всех китайских правителей. Как говорилось в одном из танских императорских манифестов, «времена года следуют друг за другом в гармоничной последовательности, простой народ – изобилен и продолжает множиться, ход колесниц и способ письма унифицированы на всей территории – в ширине колеи и начертании знаков уже достигнуто великое единство». Согласитесь, чувствуется эпохальность и перспектива в таком подведении итогов правления, это не похоже на теперешние «за отчетный период удалось добиться существенного улучшения платежного баланса».

До XVI века по уровню ВВП на душу населения и технологии Китай либо превосходил все другие цивилизации, либо не отставал от них. Памятники материальной культуры эпохи династии Цинь III века до н. э. – скульптуры, оружие, гончарное искусство, обработка металлов, стекла и камня, архитектура и водопровод – не уступают греческим и римским. Компас, бумага, порох, книгопечатание, фарфор, шелк – все это было изобретено в Китае задолго до того, как было «снова изобретено» в Европе или импортировано из Китая. Китайские астрономические хроники считаются лучшими в мире. За 3000 лет, со времени династии Инь, правившей еще до XI века до н.э., и до 1911г., китайские звездочеты зафиксировали

и описали 360 комет; они первыми описали комету Галлея в 613г. до н.э. и рождение сверхновой звезды в XIV веке до н.э. Пекинская обсерватория XV века – одна из древнейших в мире – около Цзяньгомэнь («Ворота строительства государства»), где главная улица Чанъаньцзе пересекает второе кольцо на востоке, сейчас превращена в музей, где выставлены огромные астролябии и секстанты, украшенные головами драконов.

Как говорят историки, китайская цивилизация уникальна в нескольких отношениях. Во-первых, конечно, иероглифы, которые выросли из примитивных картинок. Удивительно, естественно, не то, что иероглифы произошли из стилизованных изображений – все древние письмена изначально были пиктограммами – а то, что иероглифы сохранились до наших дней. Ведь другие народы, кто раньше, кто позже, перешли на алфавит, а Китае ничего подобного не произошло. В Японии в VIII-IX веках изобрели в дополнение к иероглифам две слоговых азбуки – хирагану и катакану: первая используется для записи предлогов, суффиксов и коротких слов, вторая – для записи иностранных слов, но корневые части большинства слов все равно пишутся иероглифами. На хирагане и катакане можно написать все что угодно – и это будет абсолютно понятно; собственно говоря, книжки для детей и учебники японского (первые уроки) пишутся на хирагане. Однако потом дети все равно учат иероглифы – примерно так же, как в 3-5 лет детям дают «хаси» – палочки для еды, хотя до этого разрешают есть «по-простому», вилкой. Во времена послевоенной оккупации Японии генерал Макартур, склонный к простым решениям, пытался ввести в Японии «ромадзи» – латинский алфавит, но реформа не прижилась. В Корею на свой, корейский, алфавит – хангыль, который языковеды называют наиболее совершенным и научно-обоснованным в мире, перешли в XV веке, хотя образованные люди всегда знали китайские иероглифы – теперь их опять учат в школе, хотя одно время и не учили. В коммунистическом Китае были планы перейти на латиницу, чтобы облегчить достижение грамотности, но они так и не осуществились.

Во-вторых, китайская цивилизация отличается от всех других огромным массивом древних рукописей – письменных документов-памятников, фиксирующих историю страны на протяжении пяти тысячелетий. Археологически подтверждено существование династии Шань-Инь (XVI – XI века до н.э.), первые образцы китайской письменности восходят к XVI веку до н.э. (гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах), однако в более поздних источниках события китайской истории записаны, начиная с тысячелетнего периода правления мудрых отцов-прародителей в III тысячелетии до н.э. В беспрецедентно многочисленных письменных сочинениях и исторических повествованиях, многие из которых дошли до нас в редакции Конфуция (VI-V века до н.э.), детальность описания событий и фактов тоже беспрецедентна. Как считают историки, по охвату событий и фактографической насыщенности китайское историописание не имеет сколько-нибудь близких аналогов в мировом письменном наследии.

И, наконец, в-третьих, ни в одной культуре мира почитание предков не приобрело такого влияния на духовную жизнь как в Китае. Началось все это еще до Конфуция – в эпоху Шан-Инь (XVI-XI века до н.э.) правители почитали прародителя Шанди («Верховного божества» и первопредка иньцев), а при последовавшей затем эпохе Чжоу на смену Шанди пришел культ Неба, чжоуские государи носили священный титул Сына Неба. Собственно со всеми ранними божествами китайские правители состояли в близких родственных отношениях. Ну а после Конфуция сыновняя почтительность и уважение родителей были возведены в разряд главных добродетелей, на которых покоится правильное государственное устройство.

Все три уникальные характеристики китайской цивилизации, как легко заметить, связаны одной общей идеей – преемственности. Почтение к предкам определило непрерывность традиции и накопление письменного наследия, а на алфавит в Китае не перешли, потому что огромное письменное наследие не пожелали обесценивать. При всех катаклизмах пятитысячелетней китайской истории революций в культуре даже во времена «культурной революции» по сути не было, были только реформы – изменение одного при сохранении другого. Так что Британию называют страной

традиций по чистому недоразумению; Китаю такое название подходит гораздо больше. По словам китаевода Михаила Ермакова, «уникальность китайской цивилизации – древнейшей среди современных – заключена в непрерывавшейся линии преемственности, связавшей глубокую древность с настоящей реальностью, сохранившей черты прошлых веков для будущих поколений, создавшей особый склад китайского ума, обращенного в будущее через призму прошлого».

В средние века Китай фактически оказался одной из немногих старейших цивилизаций, не утратившей преемственности со своими древними корнями. Месопотамия и Египет, Греция и Рим, арабские халифаты и монгольские ханства, рушились под натиском завоевателей, а в Китае одна династия сменяла другую. Только дважды Китай был завоеван – монголами в XIII веке н.э., основавшими затем свою династию Юань (1279-1368гг.н.э.) и маньчжурами в XVII веке, основавшими последнюю китайскую династию Цин (1644-1911гг.), но завоеватели неизменно окитаивались и поглощались огромной цивилизацией.

Историки объясняют такую устойчивость китайской государственности тем, что империя никогда не перенапрягалась и не захватывала больше территорий, чем могла переварить – то ли из-за государственной мудрости, то ли просто в силу исторической случайности. В начале XV века, за 80 лет до великих географических открытий, великий китайский путешественник Чжэн Хэ исследовал всю северную часть Индийского океана – был в Малайзии и Индонезии, на Цейлоне и в Индии, на Аравийском полуострове и в восточной Африке и, возможно, даже на Мадагаскаре. Крупнейший из его кораблей имел более 100 м в длину и водоизмещение 1500 т, тогда как португальские суда той эпохи обычно не превышали 30 м в длину и 300 т водоизмещения. В парусной технике того времени Китай тоже был впереди Европы, хотя в навигации (применение астрономии и астролэбий) несколько отставал. Так или иначе, Чжэн Хэ совершил 13 экспедиций и обложил данью многие прибрежные государства Индийского океана и Красного моря, где он получал дань даже от Мекки. Все шло к тому, что Китай должен был открыть Европу и Америку – в 2002г. даже появились сообщения об обнаружении остатков кораблей Чжэн Хэ на

Карибских островах; есть также и венецианские карты, датируемые началом XV века, на которых изображены и мыс Доброй Надежды, и некоторые острова Карибского моря; эти карты, как предполагается, попали в Европу из Китая через находившегося на кораблях Чжэн Хэ итальянца и были впоследствии использованы Колумбом и Магелланом. Однако судьба распорядилась иначе – правители минской династии запретили морские путешествия на многомачтовых кораблях менее чем через 100 лет после великих открытий Чжэн Хэ.

Историки до сих пор не могут понять, почему империя решила самоограничиться. Но факт остается фактом – колониями Китая были только Синьцзян и Тибет, а Корея и государства ЮВА были хотя и вассальными, но формально самостоятельными государствами, не говоря уже об Индии, Аравии и Африке, с которыми после Чжэн Хэ решено было вообще не контактировать. Самоизоляция исключила опасность чрезмерной экспансии, от которой погибли другие империи, но вместе с тем и положила начало технологическому отставанию Китая от Европы – с XVI века это отставание стало нарастать.

Еще и в 1820г. Китай, население которого составляло тогда 342 миллиона человек против 122 миллионов во всех странах, которые теперь называют Западом, превосходил по объему ВВП все остальные страны (хотя уже и отставал в 2 раза по уровню ВВП на душу от Запада) и только позже уступил первое место Британии. В 1830г. на страны, которые потом стали называться «третьим миром», приходилось 60% мирового производства обрабатывающей промышленности, в том числе на Китай – порядка 30%.

К европейцам китайцы поначалу относились как к варварам, европейская техника не производила особого впечатления на китайских правителей, за исключением, почему-то, часов, которые императоры скупали и коллекционировали. В 1792г., после американской Войны за независимость и Великой французской революции, когда Европа уже вступила в эпоху просвещения, английский король Георг III отправил китайскому императору послание с предложением развивать торговые

связи и торговую миссию с образцами английских товаров. Император Цянь-лун ответил буквально следующее: «Я прочел Ваше послание; искренность, с которым оно написано, обнаруживает уважительное смирение с Вашей стороны, достойное высокой похвалы... Чтобы показать свою преданность, Вы также послали мне образцы изделий из Вашей страны... Властвуя над огромным миром, я не имею другой цели, кроме как поддерживать совершенное управление и гарантировать исполнение государством его обязанностей. Странные и изобретательно сделанные предметы не представляют для меня интереса. Я не могу найти применения изделиям из Вашей страны. Вам надлежит, о король, уважать мои чувства и выказывать мне еще большую преданность и лояльность в будущем, так чтобы вечной покорностью нашему трону Вы смогли обеспечить мир и процветание Вашей стране. Трепетно подчиняйтесь и не проявляйте небрежения».

Богатеющая Европа, конечно, и не думала трепетно подчиняться. Накапливавшемуся капиталу нужны были рынки и для их завоевания он готов был использовать не только низкие цены товаров, но и настоящую тяжелую артиллерию. Отставание Китая, началось в период новой истории, с XVI века, когда на Западе стал развиваться капитализм; в XIX же веке это отставание резко ускорилось и привело к изменению баланса сил – к разделению мира на индустриальный центр и зависимую колониальную периферию. К 1913г. на долю промышленных стран Запада приходилось уже почти 80% мирового промышленного производства, а на Китай – менее 10%. В XIX веке отставание Китая привело к невиданному национальному унижению – порабощению западными державами и превращению в полуколонию. Проиграв «опиумные» войны в 40-50-х годах XIX столетия, Китай вынужден был подписать кабальные договоры, открывшие китайские порты для иностранной торговли, предоставившие иностранцам экс-территориальные права и зафиксировавшие таможенные пошлины на 5-процентном уровне.

Вот уж когда наступила полная глобализация и свобода. Даже опиум, который англичане производили в Индии, в Китае стал продавался без ограничений по требованию англичан, не имевших других конкурентоспособных товаров для оплаты

чая, импортируемого из Китая. С тех пор 100 лет Китай вкушал плоды политики экономической либерализации и открытости – китайские таможенные тарифы были одними из самых низких в мире, 4% в 1913г. и 8,5% в 1925г. против порядка 30% в США в эти же годы. Интервенции иностранных войск следовали одна за другой – в 1860г. во время очередного вторжения английских и французских войск императорский летний дворец на северной окраине Пекина, построенный в западном стиле, был разграблен, сожжен и превращен в руины, чтобы скрыть следы грабежа. Эти руины и сегодня там, в парке Юаньмин юань, рядом с Пекинским университетом – напоминание о цивилизаторской миссии европейцев. Командующий англо-французскими войсками лорд Элгин, отдавший приказ сжечь дворец, палач китайского народа и по сегодняшним меркам – военный преступник, ранее был английским губернатором Британской Северной Америки (Канады) и прослыл либералом, симпатизировавшим идее самоуправления. Его имя и сегодня носит одна из центральных улиц канадской столицы Оттавы...

В 1900г. 60-тысячная армия 8 империалистических держав (Германии, России, Англии, Франции, США, Японии, Италии и Австро-Венгрии) вторглась в Китай и навязала очередной кабальный договор, наложивший на Китай контрибуцию и установивший международный контроль над важнейшими доходами империи для обеспечения ее выплаты, разрешавший иностранцам держать в Китае войска для защиты интересов иностранных подданных и обязывавший китайское правительство наказывать смертной казнью за всякое антииностранное выступление.

«Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны только для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?» – писал Ленин в 1900г. об очередном вторжении в Китай.

Ни свержение императора в 1911г., ни буржуазные рыночные реформы Гоминьдана не принесли с собой экономического процветания. Результаты либерализации и рынка были катастрофическими: китайский ВВП на душу населения, составлявший в 1400г. и в 1820г. примерно 500 долларов в ценах 1985г., с тех пор таким и остался – 539 долларов в 1900г., 498 в 1913г. и 454 доллара в 1950г. Между тем, Запад шел вперед семимильными шагами, так что разрыв в уровнях экономического развития углубился так, что превратился в пропасть. Если в начале XIX века Китай отставал от США по уровню подушевого ВВП в 2 раза, то к 1950г. – в 20 раз. Это был предел падения и унижения «срединной империи» – уровень жизни в 5% от американского и продолжительность жизни 35 лет, чуть ли не вдвое ниже, чем на Западе, полуколониальный статус и полная неспособность противостоять непрекращающимся иностранным агрессиям.

Победа Компартии в Гражданской войне и провозглашение Китайской Народной Республики в 1949г. были не столько социалистической революцией, сколько национальным освобождением. Заключительные слова Мао, провозгласившего образование КНР на многотысячном митинге на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949г., были отнюдь не марксистско-ленинскими, а, скорее, националистическими: «Китайский народ в конце концов поднялся с колен!» В последующие три десятилетия экономического либерализма и открытости в Китае стало меньше, если не сказать не стало совсем, однако темпы развития ускорились – Китай впервые за почти 500 лет перестал отставать от западных стран и даже немного сократил разрыв. Среднегодовые темпы роста, составлявшие 0,8% в 1990-13гг. и 0,1% в 1913-50гг., в 1950-73гг. выросли до 5,8%.

В дореформенный период, до 1978г., у нас китайские достижения сильно преуменьшались, хотя и в период «большого скачка» конца 50-х, и в период «культурной революции» второй половины 60-х китайская экономика все время росла, росла не переставая, производство все время увеличивалось, а не сокращалось, так что в среднем за три десятилетия дореформенного периода (1949-78гг.) вышло примерно 5% роста в год. Немногие развивающиеся страны могут

похвастаться таким быстрым ростом в течение целых 30 лет. С 1978г. среднегодовые темпы роста повысились до 10%, и только в последние 3 года, после валютных кризисов в Восточной Азии 1997г., снизились до 7-8%.

Вспомните старые анекдоты, как китайцы выкапывают картошку через две недели после посадки, потому что «очень кусать хотца»; или как Мао планировал нападение на СССР: 100 миллионов наступают на правом фланге, 100 – на левом и 100 – в центре, а генштаб спорит, какому флангу придать 3 танка. Эти анекдоты рассказывали после советско-китайских столкновений на Даманском в 1969г. Между тем, в 1964г., через 15 лет после СССР и 19 лет после США, Китай взорвал свою первую атомную бомбу; в 1970г., всего на 13 лет позже СССР, запустил первый спутник. А уж по продолжительности жизни Китай почти что догнал СССР к началу 80-х годов.

Вопросов, таким образом, как минимум, два: почему экономическая либерализация в 1840- 1940-х гг. не сработала и почему она сработала в 1980-90-х и работает сейчас? Или, иначе: почему после 1949г. ускорения экономического развития удалось добиться через свертывание рынка и отказ от открытости, тогда как новое ускорение экономического роста после 1978г. стало прямым результатом перехода к рынку и либерализации внешнеэкономических связей? Два вопроса с одним и тем же ответом – все дело в силе государственных институтов, в способности правительства гарантировать права хозяйственных субъектов, собирать налоги, предоставлять общественные блага и обеспечивать закон и порядок, добиваться исполнения собственных указов и предписаний. Таких сильных государственных институтов не было в Китае, как минимум, с середины XIX по середину XX века, ни при императорах, ни при Гомиьдане; их создала только Компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в китайской истории власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как КПК опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной

страны – такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди.

В XIX веке центральное правительство Китая не могло собрать налоги в объеме более 3% ВВП против 12% ВВП в Японии сразу же после революции Мэйдзи; при Гоминьдане налоговые сборы возросли, но незначительно, составляя не более 5%, – центральное правительство тогда не могло сыграть заметной роли в экономике, даже если бы захотело – у него просто не было денег, государственные инвестиции в инфраструктуру в тот период вообще отсутствовали. Центральное коммунистическое правительство Китая начало с доходов, эквивалентных 5% ВВП в начале 50-х годов, а оставило центральную государственную казну команде реформаторов во главе с Дэн Сяопином в 1978г. с доходами 20% ВВП.

В общем, рынок и экономическая либерализация – вещь хорошая, что и говорить; при прочих равных условиях рыночная экономика эффективнее плановой, но только при прочих равных, *ceteris paribus*. А эти прочие условия, в частности институциональный потенциал государственной власти, как раз и не были одинаковыми. Экономическая либерализация без сильных институтов, как и в СНГ в 90-е годы XX века, в Китае после «опиумных войн» не привела к улучшению экономической динамики, даже несмотря на прогресс технологии. Напротив, после 1978г. та же экономическая либерализация, но только при работающих институтах, доставшихся в наследство от Мао, создала экономическое чудо.

Говоря строже, успех реформ в Китае определяется уникальным сочетанием трех неперменных факторов роста – свободного рынка, эффективного государства и правильной макроэкономической (низкая инфляция) и промышленной политики (поддержка экспортно-ориентированных отраслей). Кажется, ничего сложного, не бином Ньютона, вроде бы рецепты известные, а вот, поди ж ты, у других стран и не получается. В СНГ в 90-е годы, как и в докоммунистическом Китае, был рынок, но не было ни сильных институтов, ни экспортной ориентации; в СССР после свертывания НЭПа в 1929г. и в коммунистическом Китае до начала рыночных

реформ были сильные институты, но не было рынка; в Центральной Европе сейчас есть и работающие институты и рынок, но нет экспортной ориентации – поэтому и растет она по 5%, а не по 10%, как Китай, где с 1978г. есть и то, и другое, и третье. Кстати сказать, и экономическая либерализация в период Гоминьдана тоже хромала – последовательную аграрную реформу Гоминьдан так и не смог провести, ее провели сразу после образования КНР именно коммунисты. Принципы этой реформы, равномерно распределившей землю среди крестьян, были «реабилитированы» в 1979г. семейным подрядом Дэна, который восстановил ликвидированное в период коммун семейное землепользование.

«Он принял страну с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием» – эти слова Черчилля, сказанные о Сталине, применимы и к Мао. Последний в отличие от первого оставил страну еще и оснащенной баллистическими ракетами – сомнительная для многих мера общественного прогресса. Ну вот другой итог четвертьвекового правления Мао, при всех его загибах и перегибах, - создание независимого сильного государства с работающими институтами – признают за великое достижение даже противники маоизма. Сталин в отличие от Мао не создал сильных институтов – они не были особенно слабыми и при царизме, а потом выстраивались при Ленине. Мао в отличие от Сталина политических противников не расстреливал, а отправлял в деревню на перевоспитание. Лю Шаоци и Дэн Сяопин, главные политические оппоненты Мао во время «культурной революции», были сняты со всех постов и сосланы, но не были арестованы. Да, на совести Мао 30 миллионов жизней – умершие от голода в период «большого скачка» 1959-62гг., и репрессии «культурной революции» против кадров и интеллигенции, которых Мао формально призывал только «перевоспитывать», но которых на местах избивали и убивали, вплоть до случаев людоедства «по политическим мотивам». Но отношение китайцев к Мао все равно, наверное, никогда не будет таким, как наше к Сталину, он навсегда останется человеком, поднявшим Китай с колен после великого унижения. Портрет Мао и теперь висит на стене императорского дворца Гу Гун на главной площади страны, недалеко от его мавзолея.

Сегодня, на 23 году китайских реформ, бесценное наследие «великого кормчего» - сильные работающие госинституты – под угрозой, ибо реформы ведут к коррупции, к разложению госаппарата и его подчинению узкогрупповым интересам. Вопрос вопросов, от которого зависит будущее великой страны и цивилизации, – как не растерять с таким трудом и с такими жертвами выстроенную эффективную государственную власть при теперешнем переходе к рынку и демократии. Государство в Китае сейчас в опасности со всех сторон – его могут «украсть» у народа и «приватизировать» как набирающие силу доморощенные «олигархи», как провинциальные властные элиты, так и популистские группы.

Институты и демократия

Как обеспечить эффективность институтов при проведении рыночных реформ (либерализации)? Если говорить не о конкретных мерах (которые в принципе известны), а об общем подходе, вопрос неизбежно выходит за рамки экономики – в область политологии. В самом деле, для эффективности государственных институтов в общем-то безразлично, поддерживается ли она авторитарным или демократическим режимом: и те, и другие доказали свою принципиальную способность обеспечивать благоприятную институциональную среду для экономических реформ. В то же время известно, что в странах без прочных демократических традиций переход от авторитаризма к демократии сопровождается обычно снижением эффективности институтов: для создания новых, отсутствовавших прежде демократических институтов нужно время, так что переходный период, когда старые авторитарные институты уже разрушены, а новые еще не сложились, оказывается самым институционально необеспеченным.

В политологии демократический режим с сильными институтами называется не просто демократией, а либеральной демократией, причем прилагательное «либеральный» в этом словосочетании не менее важно, чем существительное «демократия». Либерализм означает гарантированность прав личности и экономических агентов, таких как права собственности и исполнения контрактов, права кредиторов и должников, права на защиту жизни и достоинства личности и на справедливое судебное разбирательство. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо «частной собственности без государства не бывает». Демократия добавляет к этим правам еще несколько – право на свободу слова и печати, право избирать и быть избранным, и т. п. – важные, но не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма.

В соответствии с таким подходом Европа сначала стала либеральной и только потом – демократической. В XIX веке в европейских государствах права личности и фирм

были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны назвать было никак нельзя: на рубеже веков более половины взрослого населения не имело право голоса из-за цензов оседлости и имущественных и других ограничений, а главное – потому, что женщины не допускались к голосованию. Первой европейской страной, где женщин допустили к избирательным урнам, стала Финляндия – в начале века это право было пожаловано лучшей половине населения тогдашней российской колонии не самым демократическим царским правительством. По тому же пути – от либерализма к демократии – шли (а некоторые все еще идут) и страны Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов. Может быть, наиболее убедительный пример – Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что однако не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию – родину демократии – по уровню экономического развития. И тогда, при англичанах, и теперь, после передачи Гонконга Китаю, при коммунистическом правительстве, закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран мира, хотя демократии как не было, так и нет.

По другому пути – сначала демократия, потом либерализм – пошли страны Латинской Америки, а затем Африки. Для экономики демократия без либерализма, то есть без эффективных институтов, гарантирующих права экономических агентов, оказалась не слишком благоприятной средой – Африка и Латинская Америка в послевоенный период сдавали свои позиции в мировой экономике, отставая по темпам роста ВВП на душу населения. Именно тогда, в послевоенный период, произошло становление так называемых нелиберальных демократий как массового феномена (главным образом в Латинской Америке и в Африке, но в других регионах тоже – например, в Индии) – в основном демократических режимов, но не имеющих эффективных институтов для защиты либеральных прав.

В 90-е годы к числу нелиберальных демократий добавились многие советские республики и страны Юго-Восточной Европы – со схожими последствиями для

экономического развития. Собственно говоря, страны Латинской Америки уже близки к созданию эффективных институтов, судя, скажем, по индексу доверия к органам государственной власти (который примерно такой же, что и в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке). А вот Африка и СНГ – пока что весьма далеки, дальше, чем любые другие крупные регионы мировой экономики. Эти последние два региона, в которых либерализация не работает, и которые поэтому не укладываются в рамки традиционной экономической мудрости. В 90-е годы только эти две группы стран продолжали удаляться от западных государств по уровню развития (ВВП на душу населения) и, похоже, эта тенденция сохранится в обозримом будущем (10-20 лет), пока не будут созданы эффективные институты, способные превратить нелиберальные демократии в либеральные.

Иначе говоря, демократизация без обеспечения законности и правопорядка на деле, нравится нам это или нет, плохо сказывается на экономической динамике, а иногда даже ведет к спаду производства. Это та цена, которую приходится платить за раннюю политическую демократизацию, то есть за введение процедуры демократических выборов в то время, когда основные либеральные права в обществе еще не утвердились. Если разбить страны на группы по степени обеспечения правопорядка (такие индексы рассчитываются International Country Risk Guide) и по уровню демократии (есть и такой показатель, рассчитываемый Freedom House), то наихудшая экономическая динамика наблюдается в именно в странах с неудачным сочетанием слабого правопорядка с относительно высоким уровнем демократии. Авторитарные режимы со слабым правопорядком в среднем случае тоже не слишком хороши для экономики, но все же лучше чем демократические: видимо, они могут компенсировать нехватку закона избытком порядка, то есть заполнить институциональный вакуум авторитарными методами.

Автор этих строк отнюдь не враг демократии, как может быть уже подумал иной читатель. «Демократия – ужасная форма правления, но другие еще хуже», - говорил Черчилль. Между тем, хуже или лучше – зависит от критерия. Демократизация, осуществляемая при слабых традициях правопорядка и ведущая к подрыву

институтов и установлению нелиберальной демократии, имеет вполне определенную экономическую и социальную цену: экономическую – в виде падения производства и доходов, социальную – в виде роста смертности и снижения продолжительности жизни, усиления социального неравенства, и т. д. Готово ли общество платить эту цену – вопрос посильнее шекспировского.

«Лучше умереть свободным, чем жить в оковах» – лозунг восстания Спартака, повторявшийся с тех пор неоднократно в разных вариантах и на разных континентах. «Лучше один раз поесть живого мяса, чем всю жизнь питаться мертвечиной» – объяснял Пугачев Швабрину в «Капитанской дочке». «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!» – писал Гете. Звучит здорово, но при буквальном прочтении, между прочим, получается, что остальные вроде бы и не достойны, их можно использовать как пушечное мясо. «Живи свободным или умри; смерть не худшее из зол», – написал в 1809г. генерал Джон Старк, герой американской Войны за Независимость, а в 1945г. легислатура американского штата Нью Гэмпшир, откуда генерал родом, проголосовала за то, чтобы сделать его слова официальным девизом штата. Так что теперь на красных номерных знаках нью-гэмпширских автомобилей так и написано – «live free or die». Опять-таки, при буквальном прочтении звучит жутковато – получается, что приговоренным к пожизненному заключению (а заодно и всем жителям колоний и стран с авторитарными режимами) вроде как рекомендуется кончать жизнь самоубийством, чтобы не переводить понапрасну продукты. Еще в США говорят «помни Аламо» – форт в Техасе, защитники которого три раза отказались сдаться мексиканским войскам Санта-Анны и оборонялись до последнего под лозунгом «победа или смерть!» Под похожим девизом «родина или смерть!» воевала Куба и сандинисты.

Главный предводитель студентов на площади Тяньаньмэнь в 1989г. аспирантка факультета психологии Пекинского университета Чай Лин тоже рассчитывала заплатить жизнями за дело демократии, что в конце концов ей и удалось. «Студенты спрашивают меня: что нам делать дальше? чего мы можем добиться? – объясняла она американскому журналисту Филипу Каннингэму за месяц до введения войск на

площадь. – Мне очень грустно, потому что, как я могу им сказать, что мы в действительности надеемся именно на кровопролитие, ожидая момента, когда у правительства не будет иного выбора кроме беззастенчивой бойни. Только когда площадь умоется кровью, китайский народ прозреет. Только тогда он действительно будет един. Но как я могу объяснить все это моим друзьям-студентам?» Объяснить действительно было бы сложно; еще сложнее объяснить теперь, потому что сама Чай Лин не погибла, а перебралась в США, закончила Гарвардскую школу бизнеса и создала свой интернетовский бизнес. «После бойни, – сказала она десять лет спустя, – все, все наши мечты рухнули. В последние 10 лет мы пытались воссоздать эти чудесные моменты, и теперь, я думаю, я нашла это в интернете. Я люблю эту американскую мечту и благодарна за возможность создать отличное предприятие».

Между тем, большинство людей очевидно не готовы не то что умирать за демократию и свободу, но и, видимо, не согласились бы даже на серьезные экономические лишения (падение доходов на 10, 20, 30% в течении 10, 20, 30 лет), если бы их об этом спросили. Хотя на некоторое снижение доходов, может быть, и согласились бы. Помните, как в 1990-92гг. в Прибалтике обсуждали сначала отделение от СССР, а потом вхождение в СНГ: большинство, похоже, полностью отдавало себе отчет в том, что за импортируемые из России прежде за бесценнок нефть и газ после независимости придется платить по мировым ценам и, следовательно, уровень жизни в ближайшие годы снизится, однако такая цена свободы тогда считалась приемлемой, да и сейчас об этом мало кто в Прибалтике жалеет (в СНГ потом еще несколько лет Россия продавала нефть и газ по ценам много ниже мировых, да и сейчас они не вполне мировые).

В 1989г., сразу после Тяньаньмэнь, знакомые китайцы чувствовали себя неудобно, а мы, русские, испытывали превосходство: подумаешь, экономические реформы и рост производства, ведь вы же танками студентов давите, у вас коммунистическая диктатура. Вот у нас демократия, увидите, что у нас будет – радикальные, а не постепенные экономические реформы, с демократией мы за год станем более рыночными, чем вы за 10 лет, в общем, приезжайте к нам через 10 лет. Китайские

студенты на Тяньаньмэнь приветствовали тогда Горбачева, как раз приехавшего в Китай с официальным визитом, как союзника в борьбе за демократию. Время изменило многое.

Китайская интеллигенция в массе своей, если не прямо поддерживавшая студентов в 1989г., то безусловно сочувствовавшая им, уже к середине 90-х годов, после развала СССР, межнациональных войн, разрушительного экономического спада и огромного повышения смертности населения на всем пост-советском пространстве, осознала свою ответственность. Те, которые были на Тяньаньмэнь в 1989г. и которые хотели там быть, но не могли, теперь говорили мне: мы все равно бы пошли, но не для того, чтобы поддержать студентов, а чтобы убедить их разойтись. «Теперь мы знаем, что нужно было бы им сказать, а тогда не знали – из-за этого они и погибли, мы несем за это ответственность».

По одной из версий событий, Дэн Сяопин специально довел дело до подавления студенческой манифестации войсками, желая преподать «урок», который запомнился бы надолго. Жара в июне 1989г. стояла такая, что студенты, просидев на площади более месяца, уже стали потихоньку расходиться. Несколько успокаивающих примирительных слов с обещаниями продолжить диалог – и студенты бы разошлись совсем и разъехались бы на летние каникулы. Но тогда надо было выполнять обещания и действительно продолжать диалог, то есть разрешить редакторам газет печатать все, что печаталось тогда – примерно то же, что и у нас в начале периода гласности в 1987г., дать возможность создавать оппозиционные партии и т. п., в общем надо было вводить демократию быстрее, чем намеревался Дэн, считавший, что политическая реформа должна идти вперед без нарушения «четырех основополагающих принципов» (марксизм-ленинизм-маоизм, социализм, демократическая диктатура народа, руководящая роль КПК). Поэтому Дэн это время вел интенсивные переговоры с командующими военными округами, пытаюсь заручиться согласием на использование войск, в чем в конце концов и преуспел. Мудрый стареющий Дэн, может быть, решил взять все на себя: подавить выступление силой, и даже, если придется, пожертвовать жизнями студентов для

предотвращения более крупных социальных взрывов и хаоса... Думал ли об этом Дэн, задавал ли он себе вопрос, что важнее?

В 2001г. в США были опубликованы протоколы заседаний Политбюро ЦК КПК (5 человек) и неофициального совета старейшин (8 старых коммунистов во главе с Дэном), на которых в мае-июне 1989г. принимались решения о введении военного положения в Пекине и использовании войск для удаления студентов с площади силой в ночь с 3-го на 4 июня. Подлинность документов до сих пор не подтверждена, но многие эксперты-синологи склонны рассматривать их серьезно. Согласно этим документам, Дэн требовал очистить площадь к намеченному на середину мая приезду Горбачева. 25 апреля дома у Дэна состоялось совещание высших руководителей, на котором было решено квалифицировать студенческие демонстрации в Пекине и 20 других городах как антиправительственные и антикоммунистические. Чжао Цзыян, тогдашний генеральный секретарь ЦК КПК, находившийся 25 апреля в Северной Корее был информирован о решении и в тот же день телеграфировал в Пекин, что полностью его поддерживает. 26 апреля, «Жэньминь жибао» опубликовала редакционную статью, использовавшую слова, сказанные накануне Дэном – выступление студентов объявлялось «хорошо спланированным заговором с целью сбить людей с толку и ввергнуть страну в смуту,...подорвать основы КПК и социалистического строя»; впервые выступление студентов было названо властями антисоциалистическим. Одним из первых на передовицу откликнулся Цзян Цзэминь, тогдашний первый секретарь шанхайского горкома партии, фактически закрывший либеральную газету Мировой экономической вестник, симпатизировавшую студентам.

Однако 4 мая Чжао Цзыян на встрече с директорами Азиатского банка развития публично изменил свою позицию, сказав, что студенты выступают не против системы, а только за устранение недостатков в ее работе. 17 мая утром дома у Дэна на расширенном (со старейшинами) заседании Политбюро Чжао Цзыяна за изменение позиции критиковали Дэн Сяопин, тогдашний премьер-министр Ли Пэн, и другие; Дэн потребовал введения военного положения и ввода войск в Пекин.

Вечером того же дня на заседании Политбюро в Чжуннаньхае произошел формальный раскол: два члена Политбюро (Ли Пэн и Яо Илин) проголосовали за введение военного положения, двое (Чжао Цзыян и Ху Цили) проголосовали против и один (Цяо Ши) воздержался. Таким образом именно Дэн, не входивший в то время в Политбюро и занимавший только пост председателя Центральной военной комиссии, вместе с другими старыми коммунистами настоял на введение военного положения.

Из протокола заседания 17 мая, слова Дэна, обращенные к генсеку Чжао Цзыяну: «Товарищ Цзыян, Ваше выступление 4 мая в Азиатском банке развития было переломным событием. С этого времени ситуация со студенческим движением постоянно ухудшается. Конечно, мы хотим построить социалистическую демократию, но мы не никак не можем сделать это в спешке, и еще меньше мы хотим делать это по западному образцу. Если наш 1 миллиард человек одним прыжком перейдет к многопартийным выборам, мы получим хаос и «повсеместную гражданскую войну», которую мы наблюдали во время «культурной революции»... После долгих и тяжелых размышлений об этом я заключил, что мы должны привлечь Народную освободительную армию и объявить военное положение в Пекине....»

Из выступления Дэн Сяопина на заседании совета старейшин и Политбюро 2 июня 1989г., где было решено очистить площадь в течение двух дней: «Некоторые западные страны используют такие выражения, как «права человека», или говорят, что социалистическая система нерациональна и незаконна, чтобы критиковать нас, но их настоящая цель состоит в подрыве нашего суверенитета. Эти западные державы, играющие в политику силы, не имеют права говорить о правах человека! Посмотрите у скольких людей повсюду в мире они украли права человека! И посмотрите скольких китайцев они лишили прав человека, с тех пор как они вторглись в Китай во время опиумных войн!...

...Представьте на минуту, что может случиться, если Китай будет ввергнут в смуту. Если это случится теперь, это будет гораздо хуже «культурной революции»... Когда начнется гражданская война, кровь потечет рекой, и где будут тогда права человека?

В гражданской войне каждый правитель будет доминировать в своем районе, производство упадет, коммуникации нарушатся, не миллионы и не десятки, а сотни миллионов беженцев устремятся из Китая.

Первыми пострадают от этого потока беженцев тихоокеанские страны Азии, которые в настоящее время являются самым многообещающим районом мира. Это будет бедствие глобального масштаба. Так что Китай не должен допустить беспорядка. И в этом не только наша ответственность перед нами самими, но также и перед всем миром и всем человечеством...»

На следующий день, 3 июня, в 4 часа после полудня Ян Шанкунь, председатель КНР, вместе с тремя членами Политбюро отдавали распоряжения генералам армии. Ссылаясь на Дэн Сяопина, Ян Шанкунь поставил две задачи: первая – площадь должна быть очищена до рассвета, вторая – сделать все для предотвращения кровопролития. «Позвольте повторить: никакого кровопролития на площади Тяньаньмэнь, точка. Что если тысячи студентов на площади откажутся уйти? Тогда войска должны унести тысячи студентов на своих спинах. Никто не должен умереть на площади. Это не только мое личное мнение; это мнение товарища Сяопина тоже».

6 июня Ли Пэн докладывал на Политбюро о жертвах: 5000 раненых солдат, 2000 раненых граждан, 23 убитых солдата и офицера армии и полиции, 200 солдат пропавших без вести, около 200 убитых граждан, из которых 36 студенты. На площади, согласно Ли Пэну, не было убито ни одного человека, но солдаты стреляли в толпу и по приказу и без – веером, когда двигались к Тяньаньмэнь с запада и когда у моста Мусиди многотысячная толпа преградила им путь.

До последнего момента люди не верили, что солдаты будут стрелять настоящими патронами, ибо престиж Народно-освободительной армии в Китае со времени Великого похода исключительно высок. Китайский солдат не может ответить силой невооруженному человеку, даже если тот его ударит. По несколько раз в день солдаты поют песню, сложенную еще во время войны с Гоминьданом:

Каждый солдат революционной армии должен хорошо запомнить
Три дисциплинарных принципа и восемь правил поведения.
Первое, действуй только по команде,
Лишь маршируя в ногу, мы добьемся победы.
Второе, даже иголку с ниткой не забирай у людей,
Так завоюем поддержку и признательность масс.
Третье, все трофеи должны быть сданы властям,
Старайся, как только можешь, облегчить народное бремя.
Следуй этим трем дисциплинарным принципам,
Но не забывай и восемь правил поведения.
Первое, будь вежлив и не сквернословь,
Уважай людей, не будь высокомерным.
Второе, назначай справедливую цену в торговле,
Продавай и покупай без обмана, не принуждай к обмену.
Третье, если взял у людей что-то взаймы,
Лично верни эти вещи, не дай им потеряться.
Четвертое, если сломал чужую вещь,
Возмести ущерб вплоть до последнего гроша.
Пятое, не бей людей и не кричи на них,
Замашки богатеев должны быть искоренены.
Шестое, заботься о народных посевах,
Не навреди урожаю ни в бою, ни на марше.
Седьмое, не приставай к женщинам,
С этой недостойной привычкой должно быть твердо покончено.
Восьмое, не позволяй плохого обращения с пленными,
Не бей их, не обижай их, не ройся в их кошельках.
Следуй этим дисциплинарным принципам и помни все правила поведения.
Солдат народной армии, где бы он ни был, любит народ.
Защищай нашу страну! Всегда двигайся вперед!
Люди всей страны поддерживают нас и приветствуют нас!

Эту песню-устав пели солдаты и 3 июня, когда вышли на площадь небольшой группой из здания Всекитайского собрания народных представителей. Вместе с солдатами ее пели и студенты, преграждавшие им путь. Но после того, как солдаты стали стрелять у моста Муксиди 4 июня, толпа кричала в ответ: «убийцы», «палачи», «фашисты». В этот день авторитет армии, которая раньше действительно была любима народом и которая оставалась единственным гарантом стабильности во время всеобщей смуты периода «культурной революции», был запятнан кровью: впервые солдаты народной армии, призванные защищать народ, стреляли в безоружных людей...

Примерно полгода спустя после разгона студенческой демонстрации, в ноябре 1989г. и марте 1990г., Дэн объявил об отставке с последних занимаемых им официальных должностей – председателя Центральной военной комиссии и менее влиятельной Государственной военной комиссии, хотя его неофициальное положение неформального верховного лидера оставалось непоколебимым вплоть до его смерти в 1997г.

«Лучше несправедливость, чем беспорядок...», – сказал однажды тот же самый Гете. – Падения тронов и царств меня не трогают; сожженный крестьянский двор – вот истинная трагедия». Мало кто в Китае сейчас сомневается, что при введении демократии в 1989г. именно крестьянским подворьям пришлось бы заплатить главную цену. Даже противники компартии вынуждены желать ей долгих лет жизни, ибо понимают, что она не только партия, но и государство, и что крах КПК приведет и к разрушению государственных институтов.

Да, госчиновники и компартия коррумпированы, но без них порядка вообще не будет, как нет его сейчас у вас, в России, – такое в Китае можно слышать часто. Мало кто сомневается, что одной из первых жертв быстрой демократизации в Китае будет, конечно же, нынешняя политика «один ребенок в семье». Между тем, именно эта политика способствовала быстрому китайскому росту через преодоление «ловушки бедности» – проклятия многих развивающихся стран. Эта ловушка заключается в высоких темпах роста населения, при которых инвестиций,

финансируемых из ограниченных сбережений, едва хватает на то, чтобы создать новые рабочие места для быстрорастущего трудоспособного населения, а на рост капиталовооруженности, то есть на повышение оснащенности рабочих мест, которое только и ведет к росту производительности, денег уже не остается. При развале институтов и увеличении темпов роста населения поддерживать высокие темпы роста производства и доходов уже не удастся – хорошо еще если не будет кризиса. Но даже и простое снижение темпов роста для Китая обернется массой проблем.

Китайскую экономику, как и любую другую быстрорастущую, часто сравнивают с велосипедом, который может сохранять устойчивость лишь до тех пор, пока находится в движении. Замедлятся темпы роста – и не будет денег в бюджете, чтобы создать современную систему социального обеспечения, от пенсий до здравоохранения, которой в Китае сейчас практически нет для тех, кто не работает на госпредприятиях (а их всего 100 миллионов человек, ну 300 миллионов с семьями). Замедлится трудоустройство высвобождаемых из сельского хозяйства крестьян – сейчас их приток в города, хоть и сдерживается умопомрачительным ростом сельских муниципальных промышленных предприятий, все равно заметен невооруженным глазом. Раньше этот приток административно контролировался через прописку («хукоу»), а сейчас в город может перебраться каждый, кто нашел работу, заплатив относительно небольшую сумму (порядка 20 долларов в год) за разрешение на работу и вид на жительство (хукоу же вообще планируется отменить). В Пекине таких временных рабочих около 3-4 миллионов при 8 миллионах населения, а во всем Китае – около 100 миллионов; они живут, как правило, в общежитиях, без семей, и отправляют деньги домой, в деревню. Кстати, из за этих временных рабочих уровень урбанизации в Китае (всего 30%), похоже, сильно недооценивается.

Замедлятся темпы роста – и может рухнуть банковская система, которую 10 лет назад вынудили компенсировать госпредприятиям сокращение прямых государственных субсидий и в которой поэтому теперь сомнительные кредиты составляют порядка 20-30%. Да много, чего может случиться, всего и не

предвидишь. Крупные китайские города могут задохнуться от обилия личных автомашин, как Бангкок – сейчас ведь в Китае не так много личных машин, потому что они вдвое дороже, чем в России, из-за акциза, а демократическое правительство акциз конечно отменит (сначала – чтобы выиграть выборы, а потом просто не сможет его собрать из-за неспособности контролировать нелегальный импорт). Наконец, может начаться война с Тайванем, потому что большинство китайцев думает, что нынешнее правительство занимает слишком мягкую позицию в отношении острова, где теперешние лидеры взяли открытый курс на отделение...

Чуть ли не два столетия назад Алексис де Токвилль, французский аристократ, путешествуя по Америке, пытался ответить на вопрос, в чем причины успеха американской демократии. В своей до сих пор не устаревшей и часто цитируемой книге «Демократия в Америке» он заключил, что секрет успеха в том, что современные исследователи называют «социальным капиталом» – набором норм и традиций, таких как религиозные, волонтерские (привычка к участию в общественной жизни), уважение к закону и порядку, неотвратимость наказания за преступления. Американская демократия, по его мнению, во многом уникальна, в том смысле, что она тесно связана с американской историей, традициями и культурой; ее совсем не просто клонировать, воспроизвести в других странах.

В Китае порядок основывается в значительной степени не на законе, а на общинных традициях: ответственность индивидуума перед общиной (семьей, коммуной, деревней, предприятием) значила и значит здесь, как и в других азиатских странах, порой больше, чем ответственность перед законом. Даже и в Японии до сих пор адвокатов и юристов в расчете на душу населения на порядок меньше, чем в США, не говоря уже о Китае. Если вы попали в мелкое ДТП на глазах у полицейского, он даже не подойдет к вам, а будет ждать, пока вы полюбовно договоритесь с потерпевшим/виноватым. Обычно договариваются, к помощи даже полицейского, а тем более суда, прибегают редко: обмениваются своими «дэнва банго» – телефонными номерами – и разъезжаются в разные стороны. Не дай бог на предприятии, где вы работаете, или в районе, где вы живете, станет известно, что вы

повредили чей-то автомобиль и не заплатили – потеряете лицо, стыдно будет перед людьми (общиной).

Община ответственна и за предоставление общественных благ – деревенский староста в Китае и сейчас может назначить людей, чтобы доставить захворавшего в больницу, никто и не подумает отказываться, хотя закон не требует исполнения подобных повинностей. Госпредприятия, а не государство, отвечают за предоставление жилья, пенсий, медицинских и социальных услуг для своих рабочих, и в гораздо большей степени, чем в бывшем СССР: в научно-исследовательских институтах китайской Академии наук до сих пор к каждому празднику выдают всем сотрудникам вместе с денежными премиями то несколько литров арахисового масла, то несколько килограмм риса, то коробку с мылом и шампунями, то портфель для ношения книжек. Этими шампунями и маслами, как впрочем и всеми другими товарами, вот уже как 20 лет завалены все магазинные прилавки, да и стоят они копейки, каждый может сам купить, но, согласитесь, когда институт дает вам не зарплату и премию, а натуральный продукт, тем более рис, основу жизни, между вами и работодателем складываются неформальные отношения. Институт заботится о вас, как семья, кормит, моет, одевает, а вы в свою очередь, даже против собственной воли, начинаете испытывать чувство признательности, причем даже не к руководству института (ведь рис-то дают всем в одинаковых количествах), а именно к институту как организации (общине). Если институт попросит вас что-то сделать, отказаться будет трудно. Рис-то брали? Брали. И сказать нечего.

Сегодня, однако, эти общинные связи и основанные на них неписанные моральные нормы медленно, но неуклонно разрушаются экономическим прогрессом, ведущим к урбанизации, повышению мобильности населения (миграции) и рабочей силы (более частая смена места работы и профессии). В Европе и США на место ответственности индивидуума перед общиной пришла ответственность перед богом и законом, в России (Африке, Латинской Америке) общинная ответственность уже в прошлом, а ответственность перед законом только складывается. В Восточной Азии общинная

ответственность просуществовала дольше, чем где-либо в мире, но тоже постепенно исчезает. Что идет ей на смену?

В бога, как уже говорилось, китайцы не очень верят, а если и верят, то не считают этого бога ответственным за соблюдение заповедей. Государство же поддерживает правопорядок часто безо всяких законов и судов, на основе вековых представлений о справедливости. Как и у нас в советские времена, в Китае, если уволили с работы или отменили автобусный маршрут, идут жаловаться в партком (райком, горком, обком, ЦК), а не в суд. Отдел писем ЦК, как и у нас при советской власти, письма внимательно читает, а народ туда письма пишет. Партия, конечно же, часть государственной машины, и немедленное отделение партии от государства создаст вакуум, и подорвет правопорядок, как это было у нас в 1991г.

В Южной Корее и на Тайване, где демократию вводили совсем недавно, в 80-е годы, все прошло относительно гладко и безболезненно хотя, конечно, смотря что считать безболезненным, – при подавлении студенческой демонстрации в Кванджу в 1980г. погибло несколько сот человек. Ну так там и ВВП на душу населения был в 3 раза выше, чем сейчас в Китае, и альтернативные механизмы поддержания правопорядка (суды, арбитражи, прокуратура, а главное, умение властных структур проводить в жизнь свои предписания без партии и госбезопасности) были более развиты, и институты гражданского общества во многом сложились (неправительственные организации, призванные следить, чтобы бюрократия «не зарывалась»). Сумеет ли КПК создать эти альтернативные механизмы и неправительственные организации, прежде чем уйдет с политической сцены?

Впрочем, уйдет или не уйдет при введении демократии, – это еще вопрос. Многие в Китае считают, что «КПСС потерпела поражение» (именно так китайцы говорят о развале Союза в 1991г.), так как не смогла приспособиться к новым условиям. А КПК приспособляется, в середине 2001г. с помпой отметила свое 80-летие, более полувека находится у власти, еще 20 лет – и она побьет рекорд политического долгожительства среди правящих партий, поставленный ранее РСДРП(б) – РКП(б) –

ВКП(б) – КПСС. Когда, в музее КПК в Шанхае смотришь на старые фотографии делегатов I съезда КПК, на котором присутствовало-то всего 12 человек плюс 2 наблюдателя от Коминтерна (один – русский, другой – голландец), когда читаешь резолюцию этого съезда, умещающуюся на одной страничке (1-создать КПК, 2-разработать программу, 3-разработать устав – именно так, не «принять», а только «разработать»), трудно поверить, что правящая партия государства, становящегося ныне сверхдержавой, формировалась 80 лет назад в маленькой комнатке старого дома, которого уже и нет – снесли за ветхостью. Ну да все партии имеют свои истоки, хотя и не всем суждена долгая жизнь и политический успех.

27-летний Мао присутствовал на первом съезде как один из делегатов, но создателем и руководителем партии был тогда Ли Дачжао – профессор Пекинского университета, казненный 7 лет спустя, в апреле 1928г., за организацию антиправительственных демонстраций в Пекине военным правителем Маньчжурии и Северного Китая Чжан Цзолинем. В Музее революции на площади Тяньаньмэнь сохранены железные ворота, на которых был повешен Ли Дачжао. Потом была Гражданская война и Великий поход вооруженных сил КПК – 10 тысяч километров через 12 провинций и 18 горных хребтов, борьба с японской интервенцией и с Гоминьданом и, наконец, приход к власти и провозглашение Китайской Народной Республики в 1949г.

1 июля 2001г. на торжественном собрании в честь 80-ой годовщины образования КПК Цзян Цзэминь предложил принимать в партию и предпринимателей, которым раньше, как эксплуататорским классам, путь в КПК был заказан. Это вызвало острую критику «старой гвардии»: бывший генеральный прокурор и заведующий орготделом ЦК КПК написал в ЦК письмо, в котором обвинил руководство в передаче власти финансовым тузам и в возврате к капитализму.

Один из моих собеседников привел довольно неожиданный аргумент в пользу снятия запрета на членство в партии предпринимателей. Когда гоминьдановцы после войны обосновались на Тайване, сказал он, они полностью захватили политическую жизнь

острова, оттеснив местную элиту. Эта последняя очень обиделась и полностью ушла в бизнес, в делание денег, поскольку путь во власть был для нее закрыт. Когда же на Тайване в конце 80-х ввели демократию и конкурентные выборы, капитаны делового мира оказались не в Гоминьдане, а в другой партии, которая вскоре, как можно было ожидать, пришла к власти. Мораль – чтобы этого не произошло в Китае, КПК должна инкорпорировать нарождающуюся буржуазию; она тоже наша, часть народа, а партия должна отражать интересы всего народа.

Что ж, может быть и так, если цель КПК состоит в том, чтобы удержать власть. В восточноазиатских странах переход к демократии часто происходил через «полупартийную систему», в рамках которой существовало множество партий, но монополия на власть на национальном уровне принадлежала фактически одной партии. Выборы были конкурентными, оппозиция имела возможность влиять на курс правительства, но преемственность сильной центральной власти вместе с тем сохранялась. В Японии Либерально-демократическая партия бесменно находилась у власти почти весь послевоенный период, в течение 38 лет (1955-93гг.), хотя и проводила демократические выборы – может быть, и КПК уготована такая же судьба в условиях демократии... Но как же тогда быть с социалистическими идеалами? Пожертвовать идеалами ради сохранения власти? Или пожертвовать властью, чтобы сохранить идеалы?

Опасности

Предстоящая демократизация страны – главный фактор неопределенности китайского будущего. Ее все желают и ждут – это официальный курс китайского руководства, выборы уже введены на местном, низовом уровне власти, и вводятся даже в центре, хотя и в ограниченном варианте, но демократизации также и боятся.

В 1982г., еще до смерти Брежнева, Дэн Сяопин ввел систему сменяемости лидеров, создав Центральную консультативную комиссию при ЦК, чтобы ликвидировать систему пожизненного занятия постов в высшем руководстве. «Мы уважаем диалектику жизни и истории», – сказал тогда Дэн, ставший первым председателем этой комиссии (председатель и четыре вице-председателя которой имели право участвовать в любых заседаниях Политбюро) и покинувший этот пост по собственной инициативе (вместе с постами члена Политбюро и ЦК) в 1987г. В последние 7 лет своей жизни (1990-97гг.) Дэн, хоть и был неформальным авторитетом последней инстанции, но занимал только один-единственный пост – почетного председателя Национальной ассоциации бриджа (карточной игры). Благодаря введенным Дэном возрастным ограничениям, нам известно, что нынешний генсек Цзянь Цзэминь оставит свой пост на 16 съезде КПК в конце 2002г., а премьер-министр Чжу Жунцзы должен будет уйти в начале 2003г., когда состоится очередной съезд Всекитайского собрания народных представителей.

В деревнях – на самом низовом уровне – выборы деревенских комитетов самые что ни на есть полноценные. Выборы в 1 миллионе деревень с 900 миллионами сельских жителей стали практиковаться, начиная с 1988г., но до недавнего времени кандидаты выдвигались парторганизацией, группами односельчан в 10 и более человек или самими кандидатами. Сейчас получила распространение практика «хайсюань» – полностью свободное выдвижение кандидатов любым жителем деревни. Так, в провинции Цзилинь, где выборы проводились уже четыре раза (раз в 3 года), 60% кандидатов выдвигаются через «хайсюань». Ларри Даймонд, научный сотрудник Гуверовского института и один из участников группы американских наблюдателей,

следивших за деревенскими выборами в провинциях Цзилинь и Ляолин в 1998г., сказал буквально следующее: «Китай добился хороших результатов в проведении выборов. Вы не сможете понять Китай, если вы там не были. Если бы европейцы и другие американцы увидели то, что мы, они бы изменили свое мнение о Китае». Я уже говорил – это типичный случай: приезжающие в Китай впервые иностранцы очень часто открывают для себя нечто такое, о чем и подумать не могли, – кто демократию, кто права человека, которых там больше, чем они ожидали, ну да не об этом речь.

На самом деле с деревенскими выборами местных начальников отнюдь не все гладко. Нередко толстосумы с родственниками и подкупленными клеветами захватывают власть и, прикрываясь «народным мандатом», начинают так издеваться над односельчанами, что прежняя жизнь при назначенных сверху коммунистами чиновниках, на которых можно было пожаловаться более высокому начальству и которых время от времени все же снимали за злоупотребления, кажется уже раем. Некоторые демократизированные деревни начинают торговать девочками-подростками и наркотиками – прямо-таки наглядное пособие по демократизации в отсутствие обеспеченных прав личности, основанных на законе. Ведь законы и суды в Китае пока слабы, как и у нас во время перестройки, и хотя в последние годы законодательная база и судебная система быстро модернизируются, пока что «беззаконный порядок» обеспечивает именно Компартия и госбюрократия. Тем важнее сохранение старых, коммунистических, механизмов поддержания порядка до тех пор, пока не заработают новые, демократические.

Из экономических опасностей обычно называют грядущую приватизацию и реструктуризацию (то есть, часто – банкротство и закрытие) госпредприятий, растущие безработицу и неравенство в распределении доходов, разросшуюся коррупцию, неустойчивость банковской системы, которая держится пока на неискоренимой склонности рядовых китайцев к сбережениям. Как уже говорилось, если быстрый экономический рост продолжится, то многих опасностей удастся избежать.

В самом деле, государственные предприятия в промышленности производят сейчас только четверть всей продукции (против почти 80% в 1978г.), или менее 10% китайского ВВП. Хотя в Китае и не было масштабной приватизации, его экономика «вырастала из социализма», то есть негосударственный сектор рос в несколько раз быстрее, чем государственный, так что через 20 лет соотношение этих секторов кардинальным образом изменилось в пользу негосударственных укладов.

Да, госпредприятия остаются самым неэффективным сектором китайской экономики, в тех провинциях, где их больше, темпы роста ниже. Закрытие неэффективных госпредприятий и увольнение рабочих сопровождается порой многотысячными демонстрациями протеста, как например на нефтепромыслах в Дачине в марте 2002г. Эти нефтепромыслы были гордостью китайской индустриализации 40 лет назад, но теперь неконкурентоспособны. Однако государственных предприятий уже и не так много. Даже если все они будут закрыты в будущие 10 лет, при расширении других, негосударственных, секторов прежними темпами экономический рост в Китае в целом замедлится в это десятилетие на 1 процентный пункт в год, скажем, с 8 до 7% – плохо, конечно, но контролировать ситуацию можно.

То же и с банковской системой: если рост продолжится, то «секьюритизировать» сомнительные долги предприятий банкам, то есть заменить эти долги на облигации, не составит труда. Даже если все облигации придется купить правительству (так как больше никто их купить не пожелает), госдолг увеличится с 15% ВВП до 40% – тоже контролируемая ситуация (у России – более 60%) благодаря тому, что у китайского правительства есть такой солидный запас прочности в виде низкого госдолга. Однако другие опасности – коррупция и ослабление институционального потенциала государства, углубление социального неравенства при слабой социальной политике – создают угрозу потрясений даже и при продолжении быстрого экономического роста.

О коррупции в Китае говорят все. Замдиректора небольшого коллективного предприятия с парой сотен рабочих, с которым я разговорился в поезде, сказал: «В моей практике еще не было случая, чтобы чиновник не взял; бывало, что поначалу отказывались, но это значит, надо было давать больше: я так и делал, и они брали». В августе 2001г. в Китае раскрылась жуткая история: в уезде Наньдань Гуанси-Чжуанского автономного района 17 июля 2001г. произошло затопление шахт горячей водой из-за аварии, 81 человек, как потом выяснилось, погиб. Но выяснилось это только через две недели, 1 августа, когда центральное правительство начало расследование. В течение этих двух недель предприниматель, арендовавший шахту и экономивший на технике безопасности, в сговоре с городскими властями подкупал родственников погибших и чиновников, чтобы все хранили молчание...

По уровню коррупции, рассчитываемому Transparency International, Китай в середине 90-х годов оказался на одном из первых мест в мире, вместе Нигерией, Индонезией, Пакистаном, Кенией, Бангладеш, Венесуэлой, Индией, Филиппинами, Россией – во всех этих странах индекс непродажности чиновников находился на уровне ниже 3, тогда как в Финляндии, Швеции, Дании, Новой Зеландии, Сингапуре – бастионах неподкупности – на уровне 9-10, в Гонконге, Японии и США – на уровне 7-8, на Тайване, в Греции и Иордании – на уровне 5-6. Между тем, в 1980-85 гг., в начальный период реформ, индекс неподкупности в Китае был выше 5, как и в тогдашнем СССР, – выше, чем в Греции, Италии и Португалии.

Первый канал китайского центрального телевидения (ССТV 1) сразу после вечерних новостей, в лучшее эфирное время, показывает популярную программу «Цзяодянь фантань» («Фокус»), которая специально посвящена критике недостатков на местах и в большинстве случаев вскрывает злоупотребления чиновников. Рассказывают, что по утрам в будние дни у здания на Фусин лу, недалеко от Западного железнодорожного вокзала в Пекине, где находится редакция программы, выстраиваются две очереди: первая – из людей, которые пострадали от чиновничьего произвола и хотят, чтобы «Фокус» рассказал об этом на всю страну, вторая – из «толкачей», посланных из провинций чиновниками, о которых уже были

сняты репортажи, и которые хотели бы «убедить» редакцию их не показывать, или показать сюжет о своевременной реакции на критику типа «Правда» выступила – что сделано».

Коррупцией поражены уже высшие эшелоны государственной власти, а объемы средств, присваиваемые ответственными лицами, весьма внушительны даже и по российским меркам. 20 лет назад, на заре экономических реформ, китайцы были потрясены раскрывшейся историей о том, как служащий Банка Китая (не центрального, но государственного – одного из крупнейших) «одолжил» своему сыну, работнику валютного отделения банка в Гуанчжоу, 60 000 долларов, чтобы тот продал их на черном рынке по более высокой цене. Сегодня такие истории кажутся уже чуть ли не невинными детскими шалостями – и счет финансовым злоупотреблениям пошел на сотни миллионов долларов, и ранги вовлеченных в них чиновников повысились на порядок. В марте 2002г. печать сообщила о 5 сотрудниках в Кайпинском отделении того же банка в той же провинции Гуандун, которые присвоили без малого пол-миллиарда долларов и скрылись за границу.

В 1995г. во время расследования многомиллионного (в долларах) дела о взятках застрелился один из двух вице-мэров Пекина Ван Баосянь. Его непосредственный начальник, мэр Пекина, член Политбюро ЦК КПК Чэнь Ситун был затем снят со всех должностей, судим и приговорен к 16 годам тюремного заключения. Впервые с 1949г., когда Компартия пришла к власти, член Политбюро был судим за коррупцию. В 2000г. выбросился из окна больницы находившийся под следствием по обвинению в коррупции Ли Фусян, директор Государственного управления валютного контроля Центробанка, распоряжающегося валютными резервами в 200 миллиардов долларов.

В марте 2000г. был расстрелян по приговору суда Ху Чанцин, бывший вице-губернатор провинции Цзянси, – впервые чиновник такого высокого ранга в коммунистической иерархии за все 50 лет существования КНР был казнен. Он лично получил взятки на сумму 657 200 долларов за выдачу разрешений на строительство и лицензий на открытие фирм, за помощь в списании банковской задолженности и в

переселении людей в Гонконг. Говорят он имел деловые связи с женой Цзя Циньлиня – нынешнего члена Политбюро. Несколькими месяцами позже был судим, приговорен к смерти и казнен еще более высокопоставленный чиновник – Чэн Кэцзи, заместитель председателя Всекитайского собрания народных представителей – парламента страны. Вместе со своей любовницей Ли Пин он незаконно присвоил почти 5 миллионов долларов, когда занимал пост председателя правительства Гуанси-Чжуанского автономного района – одной из 33 провинций Китая на юго-западе страны. Ли Пин была приговорена к пожизненному заключению с конфискацией имущества, которого набралось на 3,5 миллиона долларов – огромные деньги в Китае, где многие все еще живут в домах без водопровода и канализации. Говорят, арест Чэна стал возможен только после его перевода на работу из провинции в центр – до этого центральная власть не могла его «достать».

В конце 2000г. началось вынесение приговоров по делу «Юань Хуа», крупнейшей контрабандистской аферы в истории Китая. «Юань Хуа» – торговая группа в провинции Фуцзянь, возглавляемая Лай Чансином, ввезла нелегально товаров в 90-е годы на сумму почти 7 миллиардов долларов (не уплатив в бюджет более 3 миллиардов долларов таможенных пошлин и других налогов). К марту 2001г. более 100 человек было осуждено, вынесено 14 смертных приговоров, в том числе и высшим чинам таможенной службы и полиции провинции; полученные ими взятки исчисляются миллионами долларов. Сам Лай находится сейчас в Канаде, где он успел получить статус беженца, под наблюдением канадских органов безопасности. Китай требует его выдачи, но по канадским законам, если преступнику на родине грозит смертная казнь, которой в Канаде нет, он не может быть выслан из страны. Как сообщил президент Верховного народного суда Китая Сяо Ян, в 2001г. власти расследовали 350 дел, связанных с организованной преступностью, по которым проходило почти 2000 человек, – рост соответственно в 6 и в 3 раза в сравнении с 2000г.

Коррупция разъедает китайскую государственную машину в то самое время, когда честные и эффективные органы власти нужны, как воздух. В стране за годы реформ

произошло сильное имущественное расслоение, богатые богатели быстрее, чем бедные, так что разрыв в доходах высших и низших доходных групп увеличился. В принципе этого ждали: как говорил Дэн, чтобы сделать богатыми *всех* как можно быстрее, надо позволить *некоторым* разбогатеть первыми; углубление неравенства поэтому воспринималось как неизбежная цена за ускорение экономического роста. Однако углубление неравенства оказалось слишком быстрым – в очень короткий период Китай превзошел по показателям неравенства европейские страны и даже сравнился с США (хотя пока что еще не с Латинской Америкой и Африкой), а растущее неравенство, конечно, принесло с собой массу социальных проблем – от разочарования в коммунистических идеалах справедливости до повышения преступности.

В Китае огромный прогресс в сокращении бедности был достигнут в первые годы реформ – в 1978-85гг. число людей, живущих менее чем на 60 центов в день (национальная черта абсолютной бедности, эквивалентная 20 долларам в месяц по мировым ценам, то есть вдвое ниже среднего уровня жизни в дореволюционном Китае), сократилось с 260 до 97 миллионов. Такой рывок стал возможным по двум причинам – во-первых, благодаря быстрому экономическому росту, во-вторых, из-за того, что рост был равномерным, то есть охватил все доходные группы и почти не привел к углублению социального неравенства. Коэффициент Джини – показатель неравенства в распределении доходов, меняющийся от 0 до 100% (чем он выше, тем больше неравенство), в этот период почти не возрос, в 1981г. он составил 29%, в 1984г. – 30%.

Однако, впоследствии, в 1985-91гг., бедность практически не сократилась, число живущих за чертой бедности составило в 1991г. 94 миллиона человек, так как именно на этот период пришелся главный рост неравенства. Весь рост доходов, иначе говоря, был достигнут за счет богатых, тогда как почти 100 миллионов бедняков в этот период в экономическом росте практически не участвовали. Коэффициент Джини повысился к 1995г. до 42% – очень высокий показатель по международным стандартам. В западных странах, кроме США, коэффициент Джини

находится на уровне 25-35% (в Австрии, Бельгии, Германии, Люксембурге и Скандинавии – ближе к нижней границе), в США – на уровне 40%, во многих странах Латинской Америки и черной Африки – на еще более высоком уровне. Собственно говоря, из 19 стран, в которых коэффициент Джини превышает 50%, 11 находятся в Латинской Америке (Парагвай, Панама, Никарагуа, Мексика, Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Доминиканская республика, Колумбия, Чили, Бразилия), 7 в Африке (ЮАР, Зимбабве, Сенегал, Сьерра Леоне, Лесото, Кения, Гвинея-Биссау) и только одна (Папуа-Новая Гвинея) в Азии.

К концу 90-х годов в Китае коэффициент Джини, по имеющимся оценкам, достиг 46% - больше чем в Индонезии (34%) и на Филиппинах (43%), столько же, сколько в Таиланде (46%) и Малайзии (48%) - все данные на начало-середину 90-х годов. Такой резкий рост неравенства в такой короткий период времени наблюдался только у нас – в России и некоторых других бывших советских республиках. Так, в России, по данным Госкомстата, коэффициент Джини возрос с 26% в 1991г. до 41% в 1994г.; затем он, правда, чуть снизился – до 38% в 1996г., но после кризиса 1998г. снова возрос. В странах же Восточной Европы рост неравенства был заметным, но менее сильным, чем у нас – сейчас большинство из них находятся на верхней границе западноевропейского уровня – 30-35%.

Отчасти обнадеживает, что доходное расслоение в Китае в 90-е годы, после скачка 1985-91гг., замедлилось, так что даже рост неравенства не смог перекрыть эффекта возрастания доходов: численность живущих за абсолютной чертой бедности сократилась с 94 миллионов в 1991г. до 65 миллионов в 1995г. и до 28 миллионов к концу 2000г. Однако, с другой стороны, Китай, похоже, уже исчерпал весь резерв роста доходного неравенства, дальнейшее углубление пропасти между богатыми и бедными чревато социальными потрясениями, особенно при ослаблении власти Компартии.

Согласно журналу «Форбс», уже третий год публикующему список самых богатых китайцев, в 2001г. 100 богатейших людей страны имели на круг около 10

миллиардов долларов – самый бедный из сотни «стоил» 60 миллионов долларов, а 12 самых богатых – более 300 миллионов каждый. В основном в списке частные предприниматели, причем довольно молодые – средний возраст всего 45 лет; есть и 7 женщин. Около 10 человек из списка являются членами Компартии, 22 человека – депутаты двух палат парламента (Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая). «Форбс» не слишком точен в оценках, его списки российских толстосумов, из которых в 2002г. странным образом исчезли Березовский, Вяхирев и Черномырдин, не вызывают особого доверия, но других оценок, к сожалению, нет.

Самый богатый человек Китая, первый доморощенный миллиардер (в долларовом исчислении) – 50-летний Лю Юнхао, пользующийся всенародным уважением как человек, который «сам себя сделал», и как крупный организатор производства. В 1982г., на заре китайских реформ, Лю Юнхао, инженер по образованию и преподаватель техникума, стал разводить на балконе своей квартиры перепелов и продавать на улице перепелиные яйца, чтобы пополнить скудный семейный бюджет. Он вспоминает, как неудобно ему было тогда перед студентами, видевшими, чем их преподаватель занимается по вечерам, и как ему с братом пришлось заложить часы и велосипед, чтобы занять 1000 юань для расширения дела. К концу 80-х годов у двух братьев было без малого 10 миллионов перепелок, каждая из которых приносила в среднем по яичку в день. Сегодня Лю Юнхао руководитель крупнейшего в Китае частного предприятия по производству фуражных кормов с оборотом более 1 миллиарда долларов и 15 тысячами рабочих на 140 заводах по всей стране.

Бедность же в Китае существует в основном в трех ипостасях. Во-первых, в западных провинциях: в 5 самых бедных провинциях – Гуйчжоу, Ганьсу, Сицзане (Тибете), Шэньси и Гуанси доходы на душу населения в 7-12 раз ниже, чем в самом богатом Шанхае (город центрального подчинения) и в 2-5 раз ниже, чем в 5 самых богатых провинциях – Чжэцзяне, Цзянсу, Гуандуне, Фуцзяне, Ляонине. Во-вторых, городская безработица и временная занятость – «дрейфующее население», потерявшее работу в деревнях, но не нашедшее ее в городе. Уровень безработицы в

городах, по официальным данным, оценивается в 3%, но эксперты считают, что он выше. Временных же, «дрейфующих» рабочих в Китае порядка 100 миллионов – большинство из них не бедны, но могут стать таковыми и периодически становятся, когда теряют работу. И, наконец, в третьих, – беднейшая часть деревенского населения, занятого в сельском хозяйстве, а не на сельских промышленных предприятиях.

Именно эта последняя группа беднейшего населения – бедные крестьяне – вызывает наибольшее беспокойство. Потенциал роста, высвобожденный китайской аграрной реформой 1979-83гг., похоже, в значительной степени уже исчерпан. В 1978г., до начала экономических реформ, доходы сельских жителей составляли 38% от доходов горожан, к 1985г. из-за бурного роста перешедшего на семейный подряд сельского хозяйства это отношение выросло до 54% , но затем вновь упало до менее 40% к началу 90-х годов и с тех пор оставалось более или менее неизменным. Мелкие крестьянские хозяйства, перешедшие на подряд, так и остались мелкими и не могут в полной мере воспользоваться сельхозмашинами и техникой. Нужен механизм укрупнения хозяйств, а его-то как раз и нет, так как торговля землей в Китае не разрешена; рост сельскохозяйственного производства и доходов поэтому в последние годы сильно замедлился.

В прежние времена проблему частично снимал быстрый рост сельской промышленности в форме коллективно-муниципальных предприятий, однако в самые последние годы даже этот рост только отчасти компенсирует трудности в сельском хозяйстве. По подсчетам китайских экономистов, годовой прирост сельских подушевых доходов снизился со 164 юаней в 1997г. до 72 юаней в 1998г. и 48 юаней в 1999г. При этом прирост доходов на селе от несельскохозяйственной деятельности (промышленности) оставался более или менее постоянным – порядка 100 юаней в расчете на душу, а вот подушевые доходы от сельского хозяйства стали даже сокращаться (то есть их прирост был отрицательным) – на 28 юаней в 1998г. и на 53 юаня в 1999г. Неравенство в распределении доходов на селе более выражено, чем в городе: коэффициент Джини в 1995г. составил 34 и 29% соответственно, по

официальным данным, и 42% и 32% соответственно, по данным выборочных обследований китайских неправительственных экономистов. Уровень самоубийств в сельской местности, втрое превышающий в Китае уровень самоубийств в городах (23 и 7 человек на 100 000 жителей соответственно), в 90-е годы в отличие от городского перестал снижаться.

В некоторых деревнях крестьяне отказываются платить налоги и дело доходит до прямых столкновений с властями. В 1999г. премьер Китая Чжу Жунцзы вынужден был специально предостеречь местных руководителей, чтобы они не использовали силу при сборе налогов и платежей. Однако то там, то здесь против крестьян используется вооруженная полиция. Недавнее известное столкновение – самое крупное за последние несколько лет – произошло в далеко не самой бедной провинции Цзянси, колыбели социалистической революции, в деревне Юньтан в апреле 2001г. После наводнения 1998г., уничтожившего урожай, 1400 сельчан отказались платить земельный налог – 36 долларов с одного му (0,67 га), который и в урожайные годы выплатить нелегко: по паритету покупательной способности валют этот налог эквивалентен 500 долларов с участка в 3 га земли. В 1999г. налог был увеличен и власти потребовали уплатить не только его, но и недоимку за предыдущий год. Дважды – в феврале 1999г. и в июле 2000г. в деревню приезжало местное руководство в сопровождении сотен вооруженных полицейских, но жители наотрез отказались платить. Как символ своего сопротивления они построили железные ворота на единственной дороге, ведущей в деревню, и забаррикадировали въезд. Но 15 апреля 2001г., в воскресенье в 4 часа утра 600 вооруженных полицейских объехали заграждения, окружили деревню, ворвались в дома и открыли огонь по жителям, собравшимся у местной школы. В результате - двое убитых и 18 раненых. Заместитель первого секретаря партии провинции приехал в деревню и пообещал расследование; китайская пресса не написала об этом ни строчки; жители деревни остались с двумя трупами, подобранными пулями и надеждой на справедливость...

В мае 2001г. был опубликован трехсотстраничный «Доклад о положении в Китае в 2000-2001гг.: исследование противоречий среди народа в новых условиях», подготовленный исследовательским отделом ЦК КПК (это терминология Мао, с которой знакомы все китайцы: противоречия с эксплуататорскими классами – антагонистические, а противоречия среди народа – неантагонистические, но тоже есть). Обозреватели сразу отметили, что это самый откровенный документ о коррупции и крестьянских антиправительственных выступлениях; «Нью-Йорк таймс» даже написала, что «картина, рисуемая в докладе, почти так же мрачна, как и высказывания диссидентов за границей». Вот цитата: «В последние годы некоторые районы из-за плохого руководства и по многим другим причинам столкнулись с растущим числом групповых выступлений, их масштабы расширились, часто в них участвовали более тысячи и даже более десяти тысяч человек...Протестующие часто перекрывали мосты, блокировали дороги, штурмовали партийные и государственные здания, оказывая давление на партийные комитеты и администрацию; имеют место даже преступные действия, такие как нападения, разброс мусора, грабежи, поджоги». Далее приводятся примеры – в провинции Хунань работнику горкома партии, пытавшемуся собрать обязательные платежи, сопротивляющийся крестьянин отрезал ухо, двое чиновников погибли в столкновении с демонстрантами. Доклад, подготовленный под руководством Цзэн Цинхуна – влиятельного советника и, как говорили одно время, возможного преемника Цзян Цзэминя, предсказывает увеличение социального неравенства, недовольства и массовых выступлений по мере экономической либерализации, предусмотренной соглашением о вступлении Китая во Всемирную торговую организацию. Китай настаивал на сохранении субсидий, эквивалентных 10% стоимости сельхозпродукции, но США настаивали на 5% - пришлось согласиться на компромиссные 8,5%; импортные пошлины к 2005г. должны снизиться до менее 10%.

Известные случаи применения вооруженной силы против крестьян редки – исчисляются единицами за все время реформ, но счет крестьянским выступлениям против налогов и поборов местных чиновников идет на сотни, а то и на тысячи. Если доходы в сельском хозяйстве резко снизятся, страна может быть охвачена

крестьянскими волнениями. Сможет ли тогда коммунистическое руководство обеспечить закон и порядок? Крестьянским трудом занимается в Китае половина населения, 70% населения живет в деревнях, от того, кого поддержит деревня, зависит и будущее страны. КПК возникла 80 лет назад как крестьянская партия, даже в период «культурной революции» интеллигенцию и кадры посылали в деревню учиться у крестьян, но сегодня крестьяне, глядя на коррумпированных и богатеющих партийных бонз, все чаще теряют веру в то, что Компартия выражает их интересы.

Политика

Искусству творцов макроэкономической политики Китая в послереформенный период можно только позавидовать. Ежегодная инфляция только дважды выражалась двузначными цифрами – в 1988-89гг. (18-19%) и в 1993-95гг. (13-22%) – в эти периоды происходил перегрев экономики из-за слишком быстрого роста – до 14% в год, что и вело к инфляции и ухудшению торгового баланса. Приходилось в эти периоды охлаждать экономику через ограничение кредитов и госрасходов, что через 1-2 года восстанавливало равновесие – экономика вновь возвращалась к темпам роста 8-10%, торговый баланс снова улучшался – все буквально по учебнику, с очень небольшими колебаниями вокруг оптимальной траектории роста.

Курс юаня несколько раз девальвировался, часто неявным образом (в Китае нет полной конвертируемости валюты даже по текущим операциям, так что фактический курс, используемый в экспортно-импортных операциях, несколько отличается от официального). В 1979г. курс составлял 1,5 юаня за доллар, в 1994г. – 8,6 юаня. Девальвации вначале создали, а впоследствии позволяли сохранять конкурентные преимущества отечественных производителей, так как китайские цены в пересчете на доллары оказывались в несколько раз ниже мировых – в итоге экспорт рос с буквально бешеной скоростью – в отдельные годы на 30% и более. Международные резервы тоже росли, их сознательно накапливал центробанк, чтобы обеспечить заниженный курс, так что, если в 1980г. они едва дотягивали до 10 миллиардов долларов, то в 2001г. дошли до 200 миллиардов долларов (плюс еще более 100 миллиардов в Гонконге, сохраняющем собственную валюту, и более 100 миллиардов у Тайваня). У Китая теперь больше резервов, чем у США (140 млрд. долл.), а вместе с Гонконгом (даже без Тайваня) он не уступает даже мировому лидеру – Японии (у которой около 300 млрд.). У России после провозглашения независимости резервы доходили максимум до 38 миллиардов долларов (в конце 2001г.; в 2002г. стали падать), а в 1994г. не превышали 7 миллиардов.

Единственное решение, идущее вразрез с макроэкономической целесообразностью, было принято недавно, в 1997г. – по высшим политическим соображениям китайское руководство решило не девальвировать юань в ответ на валютные кризисы и девальвации валют в Восточной Азии, так что курс юаня даже в 2001г. находился на уровне 1994г. (8-9 юаней за доллар). Это сильно помогло всем странам Восточной Азии, особенно странам АСЕАН, восстановить свою конкурентоспособность. А китайская экономика, между тем, в очередной раз продемонстрировала исключительную гибкость и жизнеспособность: хотя из-за девальваций в Восточной Азии темпы роста китайского экспорта снизились до нуля в 1998г., это не привело к серьезному замедлению общеэкономического роста. Падение спроса на китайский экспорт вызвало не сокращение производства, а в основном дефляцию – цены в Китае снижались три года подряд (1998-2000гг.) – уникальное явление во второй половине XX века, такого не было ни в одной крупной стране, где цены приобрели одностороннюю эластичность – только в сторону повышения. В итоге китайская конкурентоспособность была восстановлена и темпы роста экспорта в 2000г. снова достигли двузначных значений.

Валютный же кризис, как известно, Китай вообще не затронул, так как он не либерализовал движение капитала. Иностранные инвестиции в китайскую экономику огромны, до кризисов в Восточной Азии 1997г. в Китай ежегодно притекало по 40-50 миллиардов долларов капитала, примерно четверть всего притока в развивающиеся страны. Однако во время кризиса 1997г. внезапного оттока капитала из Китая не было по той простой причине, что все вложения были долгосрочными, а не краткосрочными, как в других странах; более того, в основном это были именно прямые инвестиции, то есть инвестиции в контролируемые иностранцами предприятия, которые (инвестиции) нечувствительны к краткосрочным перепадам валютных курсов и процентных ставок.

Еще в 1985г. на прямые инвестиции приходилось только 36% всего ввоза капитала в Китай (остальное – в основном банковские кредиты), а в 1995-99гг. – уже около 80% (у нас, в России, – менее 10%). Опять, как и во многих других случаях, китайцы

обнаружили удивительную способность отделять зерна от плевел – импортировать больше всех капитала, причем в основном в самой выгодной форме прямых инвестиций, при наименьшей либерализации контроля над его движением. Вот когда им позавидовали все страны Восточной Азии – от Кореи до Индонезии, которые незадолго до кризиса снимали одна за другой ограничения на перемещение капитала через государственную границу в надежде привлечь больше инвестиций, не делая различий между долгосрочными и краткосрочными вложениями, что в конечном счете обернулось кризисом.

Во внутренней политике Китай уже давно не является коммунистической диктатурой, а превратился в мягкий авторитарный режим, постепенно переходящий к демократии. Китайский авторитаризм больше похож сейчас на титовскую Югославию, чем на брежневский СССР – и умнее, и мягче. Китайцы практически беспрепятственно выезжают за границу, если только получают визы в иностранных посольствах. Рассказывают, что Джимми Картер, американский президент в 1977-81гг., особенно любивший рассуждать о правах человека, на первой же встрече с Дэном очень настаивал на предоставлении всем без исключения китайцам права свободного выезда. «Г-н президент, сколько миллионов вы хотите?» – спросил Дэн, и на этом обсуждение вопроса закончилось.

Свободы печати в Китае намного больше, чем в догорбачевском СССР. На конференции по экономическим реформам, организованной Центром исследования проблем развития Госсовета КНР в сентябре 2001г., японские и южнокорейские участники, наблюдая как резко неправительственные экономисты критиковали ответственных чиновников (за манипуляцию статистическими данными, за коррупцию, за субсидии неэффективным предприятиям) и как сами министры китайского правительства нападали друг на друга, в один голос заявили, что в их *демократических* странах такое откровенное обсуждение было бы невозможно.

В большом книжном магазине в пекинском торговом центре Сидань книги по геополитике Збигнева Бжежинского, «известного своими антикоммунистическими

взглядами», как когда-то писала «Правда», мирно соседствуют с произведениями Мао Цзэдуна – ни те, ни другие, кстати сказать, никто особенно не рассматривает, уже видели. В 2001г. Китай вел переговоры о предоставлении права вещания в южной провинции Гуандун двум западным информационным гигантам – “News Corporation” (принадлежащей Руперту Мердоку) и “AOL Time Warner” – в обмен на предоставление права вещания китайскому центральному телевидению в США.

Кроме того, в наш электронный век новости все чаще получают через интернет, в Китае число пользователей достигло 57 миллионов человек. Всего в мире, правда, более 500 миллионов пользователей, из них 166 млн. в США, но в 2007 г., по прогнозам ООН, китайский станет главным языком всемирной паутины – объем информации в интернете на китайском превысит ее объем на английском. Все крупные организации в Китае имеют свои сайты, включая провинциальные правительства, городские власти, газеты, компании и т. д. У агентства Синьхуа, между прочим, есть роскошный сайт на 8 языках – на китайском, английском, французском, испанском, португальском, арабском, японском и русском. Сходите на этот сайт, узнаете массу интересного о Китае – о приговорах казнокрадам, о долгожителях в городе Тайюань провинции Шаньси, где проживает 21 человек в возрасте старше 100 лет («причина долголетия этих жителей неразрывно связана с их трудолюбием, правильным образом жизни, правильным режимом питания и оптимистическим отношением к жизни»), об устойчивом повышении качества активов Китайского промышленно-торгового банка, о том, как специалисты Шанхайского педиатрического центра обнаружили в животе недоношенной девочки зародыш сиамских близнецов и о «сотрудничестве между провинциями Фуцзянь и Тайвань в плодоовощной отрасли». Такие же многоязычные сайты и у газеты «Жэньминь жибао» и у Международного радио Китая, вещающего на 43 языках, в том числе, конечно, и на русском (для сравнения: «Голос России» вещает теперь только на 32 языках).

В общем в интернете есть все, что угодно, в том числе и тысячи нецензурируемых китайских сайтов – на китайском, но за пределами Китая. Да и в самом Китае сайты,

хоть и цензурируются, но не слишком быстро и оперативно: в мае 2001г. «Нью Йорк таймс» написала об аресте сына Лу Цзяпина, армейского офицера в отставке и левого коммуниста, защищавшего «культурную революцию» как правильную кампанию по борьбе с коррупцией (позднее, правда, извращенную) и недовольного проамериканской позицией китайских средств массовой информации. Ирония состояла в том, что арестовали далекого от политики сына в провинции Хунань, который ничего не писал, а только помещал статьи отца, живущего в Пекине, на своем домашнем сайте, и что сам сайт так и не закрыли, хотя и забрали компьютер и присланные отцом статьи.

Центральная газета страны, орган ЦК КПК «Жэньминь жибао» (как «Правда» в СССР) на своем сайте имеет специальную дискуссионную рубрику; чтобы поместить там свою заметку, не нужно никакого разрешения и подписываться тоже не надо. Многие пишут туда регулярно под псевдонимами, например «Математик» или «Здравомыслящий» или «Революционер». Вот уж где можно прочитать о политических лидерах такое, что ни одна «Нью-Йорк таймс» не напечатает, причем чаще всего их критикуют отнюдь не за недостаточную приверженность демократии. После освобождения экипажа захваченного американского самолета-шпиона в апреле 2001г. самые мягкие критики правительства требовали его отставки по причине предательской трусости и полной неспособности противостоять агрессии американского империализма.

Самые резкие критические заметки обычно быстро снимаются с сайта «Жэньминь жибао», но далеко не всегда. Недавно, после того как все главные газеты напечатали стихотворение лидера Цзяна Цзэминя о посещении горы Хуан – одной из пяти красивейших горных вершин Китая, сайт буквально захлестнула волна пародий, большинство из которых были вскоре удалены. Остроловы предлагали пародистам подавать заявления на работу в отдел пропаганды ЦК КПК. Некоторые помещали на сайте стихотворения Мао, подразумевая, что сравнение поэтических талантов бывших и нынешних пекинских лидеров говорит само за себя.

Кстати, почитание Мао и приверженность маоизму в современном Китае имеет другой смысл, нежели раньше: это борьба не за КПК и власть, а против них, против курса на приватизацию предприятий, против имущественного расслоения, коррупции, безработицы и других прелестей капитализма, за социальную справедливость. Твердые маоисты находятся сейчас в оппозиции Компартии и режиму, и режим расценивает их именно как оппозиционеров. В сентябре 2001г. несанкционированный митинг в честь 25-ой годовщины смерти Мао (которая официально не отмечалась) в городе Чжэнчжоу провинции Хэнань был блокирован полицией; недавно были закрыты научные журналы, считавшиеся оплотом теоретической маоистской мысли, такие как «Чжун лю» («В середине потока») и «Чжэнь ли дэ чжуи цю» («В поисках истины»). На демонстрациях рабочих, уволенных с госпредприятий, часто можно видеть портреты Мао – говорят, полиция может порвать лозунги и плакаты, но не решается трогать портреты вождя.

О Фалуньгун - многомиллионной религиозной секте, проведшей самую массовую со времени студенческих манифестаций на Тяньаньмэнь летом 1989г. несанкционированную демонстрацию в Пекине в апреле 1999г., писали много, особенно в западной прессе. Тогда десять тысяч сторонников секты окружили Чжуннаньхай – находящийся рядом с Запретным городом комплекс партийно-правительственных зданий и резиденций высшего руководства. Недавно о ней вспомнили опять, когда пятеро ее членов в январе 2001г. пытались совершить самоубийство на той же Тяньаньмэнь (чего только не видела площадь Ворот небесного спокойствия за шесть сотен лет своей истории!). Точнее, самоубийство пытались совершить четверо, а 12-летнюю девочку просто облили бензином и подожгли, пообещав ей вознесение в рай (ее поначалу, в отличие от ее матери, удалось спасти, но в марте она умерла в больнице от ожогов).

Лидеру секты Ли Хунчжи американская неправительственная организация Freedom House присвоила в 2001г. награду «За свободу религии», а западная пресса в основном писала тогда о подавлении религиозных прав и свобод коммунистической диктатурой, что, мягко говоря, не вполне соответствовало действительности.

Фалуньгун была довольно фундаменталистским религиозным движением и запрет возникшей в 1992г. секты состоялся только в июле 1999г. и именно потому, что она попыталась выйти за рамки чисто религиозной организации.

Вообще в Китае открыто существует множество конфессий, действуют храмы – от мусульманских мечетей до протестантских церквей, не говоря уже о даосистских и буддистских. Общее число верующих оценивается в 100 миллионов человек, в том числе 20 миллионов мусульман, 10 миллионов протестантов, 8 миллионов ламаистов (практически все тибетцы), 4 миллиона католиков. Одних только профессиональных служителей культа насчитывается 0,3 миллиона, а протестантских семинарий – 13. Пять религий – даосизм, буддизм, протестантизм, ислам, католичество – представлены в Народном политическом консультативном совете Китая, которым руководит Ли Жуйхань, четвертый человек в китайской партийно-государственной иерархии, и в котором представлены всего 34 организации – КПК и восемь так называемых демократических партий, комсомол, профсоюзы, женская ассоциация, нацменьшинства, религиозные конфессии, и т. д.

Так вот Фалуньгун хотела получить такой же статус, как эти религии, что было невыполнимым требованием для любого, в том числе и демократического, правительства. Дело в том, что Фалуньгун не только выступает против западной науки, проповедует конец мира, запрещает своим последователям смотреть телевизор и считает, что все болезни происходят от совершенных ранее грехов, но и запрещает обращаться за медицинской помощью, в том числе и детям. Последнее уже не личное дело каждого, а уголовно наказуемое покушение на права человека. Число членов Фалуньгун, погибших от самоубийств и из-за отказа воспользоваться медицинской помощью, уже оценивается в несколько тысяч. Всех, кто противится распространению учения, фалуньгунцы объявляют нечистью и относятся к ним очень агрессивно – вплоть до убийства (15 зарегистрированных случаев).

Вообще говоря, китайцы буквально помешаны на своем здоровье – каждый знает, какой продукт хорош для печени, а какой для почек, и какие точки тела за какие

внутренние органы отвечают; массы людей, в том числе пенсионеров, занимающихся традиционными видами гимнастики, можно видеть каждый день в практически любом городском парке; здесь же в парке вам могут измерить давление и дать консультацию по поводу состояния ваших кровеносных сосудов. Но к суевериям практичные китайцы не слишком склонны. Как уже говорилось, фэншуи – искусство расположения дома на местности и комнат в доме – в современном Китае вызывает улыбку, так же как и гадание по руке или по звездам; на Западе фэншуи пользуется гораздо большей популярностью, чем в Китае.

Другое дело – традиционная китайская медицина, отношение к которой очень почтительное: в каждой китайской поликлинике обязательно есть отделение традиционной медицины, отличающееся от западной тем, что рассматривает человеческий организм как единое целое и лечит болезнь комплексно – если болит ухо, вам могут прописать массаж позвоночника, и иглоукалывание на ладони, чтобы активизировать сопротивляемость организма к инфекции, вызвавшей воспаление. При этом врачи, практикующие традиционную медицину, четко представляют ее ограниченность – некоторые болезни ей неподвластны: скажем, в традиционной медицине практически нет операций, за исключением простейших, так что если вам нужна операция, вас направят в другое отделение. А суеверия типа Фалуньгун в Китае были распространены до революции, а вот после революции, казалось, встретить их можно достаточно редко. Ну так ведь и мы до перестройки считались самой образованной и просвещенной страной, а потом чуть ли не каждый второй носил к телевизору баночки с водой «заряжать» ее у Чумака-Кашперовского...

До запрета в 1999г. Фалуньгун была официально зарегистрирована в Государственной администрации спорта, как и многие другие популярные в Китае группы дыхательных упражнений (цигун). Однако Фалуньгун вышла за рамки спортивно-оздоровительного объединения и повела себя отнюдь не как борец за свободу физкультурно-духовного самовыражения: она потребовала от властей наказания авторов критических выступлений в ее адрес в средствах массовой информации. В наиболее известном случае секта обрушилась на профессора физики

Хэ Цзусю, вина которого состояла лишь в том, что он в 1998г. дал интервью одной из програм пекинского радио, предостерегая молодых от присоединения к Фалуньгун, а затем в марте 1999г. опубликовал в местной тяньцзинской газете с тиражом несколько тысяч экземпляров умеренно критическую статью о секте. Фалуньгун ответила демонстрациями и вокруг радиостанции, и вокруг редакции тяньцзинской газеты, требуя опровержения, «сурового наказания» старого профессора и публикации положительных материалов (интересно, что пекинское радио дрогнуло и передало в эфир опровержение по одной программе и положительный материал по другой, а местная тяньцзинская газета не поддавалась на угрозы).

Профессор Хэ, которого секта объявила рупором правительства, объяснил, что это полная чепуха: «если у меня бы тогда была поддержка центрального правительства, я бы опубликовал статью в «Жэньминь жибао», а не в никому не известной местной газете». На самом деле даже местная газета не печатала его статью в течение нескольких месяцев, а мотивы профессора были совсем далеки от политики: его лучший студент, к которому он относился как к сыну, сошел с ума, практикуя Фалуньгун, и теперь скромный профессор, который не смог уберечь тогда своего ученика, чувствовал моральный долг предостеречь других. Однако и на апрельской 1999г. демонстрации вокруг Чжуннаньхай Фалуньгун требовала наказать профессора Хэ и предоставить движению статус официальной религии.

Тут уже терпению властей пришел конец, тем более, что десятитысячная демонстрация, похоже, стала для них полной неожиданностью. В июле 1999г. китайское руководство запретило секту. Я был в Китае в это время и видел как диктор телевидения читал постановление ЦК по этому поводу: первое, считать деятельность Фалуньгун противоречащей законам КНР, правительству отдать соответствующие распоряжения и обеспечить их выполнение; второе, считать членство в Фалуньгун несовместимым с членством в КПК; третье, коммунистам, связанным с Фалуньгун, надлежит немедленно доложить об этом в своих первичных организациях; четвертое, на коммунистов, порвавших связи с Фалуньгун и

своевременно доложивших об этом в своих первичных организациях, не должны накладываться никакие взыскания; пятое, те коммунисты, которые продолжают оставаться членами Фалуньгун, подлежат исключению из партии; и т. д. – в общем повеяло доперестроечным холодом.

Лидеры Фалуньгун были арестованы, организатор чжуннаньхайской демонстрации в Пекине отставной генерал Ю Чаньсинь был приговорен к 17 годам заключения (ему 74 года); Ли Хунчжи, лидер секты, находящийся в США, объявлен вне закона. На Тяньаньмэнь число полицейских в штатском сильно возросло: центральная власть стала критиковать провинции, из которых члены секты приезжали протестовать на главную площадь, так что каждая провинция, соревнуясь с другими в достижении лучших показателей по борьбе с Фалуньгун, откомандировала на площадь Ворота небесного спокойствия собственных переодетых полицейских. Злые языки утверждали, что они ходят по площади и прислушиваются, не говорят ли на их провинциальном диалекте: если нет, теряют интерес и идут к следующей группе. К слову сказать, межпровинциальная и межрайонная конкуренция – могучий стимул развития и экономики, и всего остального. Скажем, в каждой провинции (а их 33, включая 4 города центрального подчинения, Гонконг и Макао), есть по несколько полномасштабных телеканалов, которые можно смотреть и в других провинциях наряду с десятком центральных, так что большинство китайцев может выбирать из нескольких десятков телеканалов даже без кабеля и спутниковых антенн (в Пекине телеканалов более полусотни, в том числе и на английском, кантонском – из Гонконга, монгольском – из Внутренней Монголии, и т. д.).

Между тем, меры против Фалуньгун были строгими только на первый взгляд. На самом деле для властей вся история стала удобным и бесспорным предлогом для демонстрации своей решимости и способности эффективно контролировать ситуацию. И, слава богу, что для этого пришлось разгонять не студентов, борющихся за демократию, а приверженцев невежественной секты, провозгласившей врачевание противоестественным. Так в СССР компартия регулярно выводила народ на субботники, от которых экономического проку было маловато, но которые

показывали и самой партии, и армии, и органам, и народу, что в случае необходимости КПСС может вывести на улицы миллионы. Так человек поднимает по утрам пудовую гирию, доказывая себе и остальным, что он все еще в форме. Правительствам тоже положено поддерживать свой авторитет и показывать, что они могут «ловить мышей»: хорошо, если для этого надо не воевать в Чечне, а только арестовать нескольких членов противоправной секты...

Справедливости ради, надо сказать, что китайское руководство не ограничивается только показательной демонстрацией своих возможностей. Одно из действительных, а не показательных достижений последних лет – поворот вспять тенденции к отставанию роста госдоходов от роста ВВП. Это снижение прекратилось в 1995г., когда доля всех государственных доходов в ВВП составила всего только 12% против более 30% накануне реформ. К 1999г. эта доля возросла до 16%, причем баланс несколько изменился в пользу центрального правительства – прежняя тенденция к повышению доли провинциальных и местных бюджетов была приостановлена. Несколько выросли и социальные расходы, рост которых прежде отставал от роста экономики: их доля в ВВП снизилась с 4-5% в начале 80-х годов до 3% в 1995г., а сейчас вновь возросла до 4,4%. Это все равно очень мало в сравнении с другими странами, ведь в эти 4% входят и образование и здравоохранение и культура, но тенденция все же обнадеживает.

Принятая недавно программа развития западных провинций, которые традиционно были самыми бедными и которые в период реформ еще больше отстали от рванувших вперед приморских провинций по ВВП на душу населения, предусматривает огромные капиталовложения в их экономику, главным образом в развитие транспортной инфраструктуры. Одних автодорог на китайском Западе в 2002г. должно быть построено 40 тысяч км, в то время как во всей России строится в последние годы 5-6 тысяч км. Центральное правительство в Китае пока что имеет достаточно власти чтобы перераспределять доходы с Востока на Запад и в действительности их перераспределяет. Именно государство играет роль мотора экономического развития Запада. Госрасходы провинциальных правительств в

западных регионах намного выше, чем в приморских провинциях: в Тибете – 50% ВВП, в Чинхае, Нинься-Хуэйском автономном районе, Юньнани – 20% и более при среднекитайском уровне в 10%. Социальные расходы всех 10 западных провинций выше, чем на Востоке, а в Тибете (13% ВВП) в 4 раза выше среднекитайского уровня.

Кстати, и политика в отношении национальных меньшинств довольно либеральна (китайцы-ханьцы составляют 92% населения страны, некитайцев – более 100 миллионов; крупнейшие, более 4 млн. человек, из 55 этнических групп: чжуаны, хуэй, маньчжуры, мяо, уйгуры, монголы, тибетцы). Есть образование, пресса и телевидение на разных языках. Политика «один ребенок в семье» проводится в основном на провинциальном уровне, так что санкции за неадекватное планирование семьи рознятся от провинции к провинции, но нацменьшинства, как правило, из этой политики исключены. Сепаратистские настроения есть только в Синьцзян-уйгурском автономном районе и в Сицзане (Тибете), но они не особенно распространены. Уйгуры в Синьцзян-уйгурском районе составляют теперь менее половины всего населения (7 из 18 миллионов человек); несколько сот тысяч живут в соседних Кыргызстане и Казахстане с родственными тюркскими языками, причем Китай зорко следит, чтобы сепаратисты не получали поддержки из-за границы. После 11 сентября 2001г. Китай заявил, что уйгурские националисты имели связи с Бин Ладеном, но особых доказательств так и не представил.

Тибет населен в основном тибетцами (более 90% 2,5 миллионного населения); хотя он и находится в составе Китая более 1000 лет, сепаратизм здесь имеет глубокие корни в основном, видимо, из-за ламаизма (разновидность будизма) и Далай-ламы, духовного и светского лидера Тибета, возглавляющего после 1959г. тибетское правительство в изгнании в Индии и почитаемого всеми приверженцами ламаизма – от монголов до калмыков. Далай-лама получил Нобелевскую премию мира, много путешествует и традиционно считается защитником идеи тибетской автономии, которая была грубо поправа коммунистическим Китаем.

Менее известно то, что в Китае знает каждый школьник: до 1959г. в Тибете существовала кастовая система и крепостное право (с продажей людей и прочими феодальными «прелестями»), так как при китайских императорах Тибет пользовался практически полной автономией во внутренних делах. Даже коммунистическое правительство Китая первые 10 лет после революции не вмешивалось в социальное устройство архаичного тибетского общества, так что во вторую половину XX века Тибет вступил как последний заповедник крепостного права на планете: 90% населения – крепостные крестьяне, 5% - домашние крепостные слуги, остальные 5% буддистские монахи и земельная аристократия. Так, Регент Дагжаг, глава местного тибетского правительства до 1959г. при нынешнем, 14-ом, Далай-ламе, владел 100 гектарами земли и 80 крепостными.

Восстание 1959г. в Тибете началось под лозунгом независимости (автономии-то у Тибета было и при коммунистах больше, чем достаточно) и фактически не оставило центральному правительству в Пекине выбора. Подавление восстания Народно-освободительной армией Китая было уничтожением последнего оплота сепаратизма, а заодно и крепостничества, примерно как война Севера и Юга в США за сто лет до этого. Далай-лама, между прочим, бежавший в Индию вместе с землевладельцами и крепостниками, до 1964г. вообще ничего не говорил о демократии, то есть, получается, боролся за восстановление крепостничества в Тибете. Китайское же правительство после 1959г. и крепостное право в Тибете отменило, и земельную реформу провело, и школьную систему, которой раньше вообще не было, создало, и инвестиции направляет, так что Далай-лама, в Тибете не столь популярен, как в мире.

Правительство, кроме того, борется и с коррупцией – в его составе действует специальный Антикоррупционный комитет – и с другими правонарушениями. Индекс неподкупности в Китае вырос с 2,4 в 1996г. до 3,5 в 2001г. – теперь Китай находится уже не в конце списка из почти 100 стран, а в середине, на 57-ом месте, рядом в Аргентиной, Египтом, Турцией, Латвией и Таиландом. Преступность в Китае, как уже говорилось, выросла за период реформ, и значительно. Все зависит от

точки отсчета, разумеется: в Китае преступность уже находится на европейском уровне, то есть вдвое выше японского, который и является стандартом в Восточной Азии.

В Китае расстреливают ежегодно по приговорам суда более 1000 человек – больше, чем во всех других странах вместе взятых в абсолютном выражении и гораздо больше, чем в других странах по отношению к численности населения. Причем расстреливают часто за такие преступления, экономические, например, за которые в других странах смертной казни не полагается. По данным организации «Международная амнистия» (“Amnesty International”), в 1990-99гг. в Китае было вынесено 27599 смертных приговоров и 18194 из них были приведены в исполнение. В брежневском СССР расстреливали около 700 человек ежегодно, в современной России смертная казнь не отменена, но и не практикуется, в США приводилось в исполнение 150-200 смертных приговоров в 30-е годы XX века и около 50-100 – в последние 5 лет. В Китае же в 1998г. казнено 1769 человек, в 1999г. – 1263 и в 2000г. – 1077. Казни – узаконенные убийства – составляют примерно 5% от общего числа убийств (преступных и законных). С 1997г. в Китае вынесение смертных приговоров в отношении несовершеннолетних запрещено, а расстрелы стали заменять инъекциями «сладкой смерти».

Говорят, суровость наказания не панацея и не ведет к снижению преступности, главное – неотвратимость наказания, но и она, похоже, в Китае пока что на месте. Еще до передачи Аомыня (Макао), бывшей португальской колонии, Китаю уровень преступности, в том числе и убийств, там пошел на убыль, так как оттуда уехали преступные кланы, контролировавшие игорный бизнес. Они не боялись португальских колониальных властей, но слишком хорошо знали, что при коммунистическом режиме им вольготной жизни не будет. Согласитесь, это довольно высокая оценка, выставленная правоохрнительным органам КНР самим преступным миром, – при всех коррупционных скандалах в самом Китае Компартия все еще сохраняет репутацию организации, с которой криминальному миру лучше не сталкиваться.

Китайская печать полна сообщений о расследованиях коррупционных дел и о строгих наказаниях, часто расстрелах, взяточников. В этом, кстати сказать, еще одно отличие нынешнего Китая от брежневско-андроповского СССР, где казнокрады из высших сфер, если и наказывались, то тихо, так чтобы «не дискредитировать» власть. В Китае, наоборот, впечатление такое, что власть использует любую возможность продемонстрировать, что она борется с коррупцией, пытаясь таким образом завоевать доверие сограждан. Часто в регионах о приговорах суда объявляют на народных собраниях, показывая жителям преступников, в том числе и приговоренных к смертной казни; репортажи об этих собраниях транслируют по телевидению.

Во внешней политике Китай до последнего времени следовал заветам Дэна – не связываться в международные конфликты без крайней необходимости до тех пор, пока Китай не окрепнет экономически, сосредоточить все силы на внутреннем развитии, пока нет непосредственной угрозы национальному суверенитету. Уже давно являясь одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности, Китай всегда фиксирует свою позицию по международным вопросам, но дальше заявлений не идет, если только дело не касается его ближайших соседей. Китай сознательно не стремится стать членом «семерки»/ «восьмерки» развитых стран, куда так стремилась Россия, хотя оснований для этого у Китая не меньше, если судить по экономическому и военному потенциалу, чем у Англии, Франции, Германии, Японии, Италии и Канады. Китай в принципе мог бы предложить посредничество в разрешении конфликта в Косово (и даже предложить послать туда пару миллионов миротворцев вместе с Россией, которых Милошевич бы с удовольствием принял), но не сделал этого.

Китайская внешняя политика, по крайней мере до последнего времени, была по сути региональной и ничем не напоминала политику сверхдержавы, которой Китай неотвратимо становится. Именно поэтому проблема Тайваня занимала и занимает в китайской внешней политике такой высокий удельный вес. Все страны делятся

Китаем на признающие и не признающие Тайвань. Большинство уже не признает, но около 20 небольших государств (Гренада, Панама, Доминиканская республика, Сальвадор, Македония) все еще признают (ЮАР была последней крупной страной, отказавшейся от признания Тайваня в 1997г.). Тайвань предлагает материальную помощь тем странам, которые сохраняют с ним дипломатические отношения, в Пекине же эти страны скрупулезно вносятся в «черный список», их позиция по другим международным вопросам имеет для Китая менее важное значение. Китай добился согласия Всемирной торговой организации, что она не примет в свои члены Тайвань раньше Китая, так что Тайваню, уже завершившему переговоры о членстве в 1996г., пришлось ждать 5 лет пока его в конце 2001г. не приняли вместе с Китаем как «отдельную таможенную территорию».

Зацикленность китайской внешней политики на Тайване поражает. В марте 2000г., когда Гоминьдан, правивший на Тайване полвека и никогда не отделявший себя от континентального Китая, проиграл выборы, уступив власть Демократической прогрессивной партии (Миңцзиньдан), ратующей за независимый Тайвань, китайское руководство выступило с жестким заявлением, которое можно было понять и так, что в случае провозглашения Тайванем независимости Китай начнет войну. «Зачем вам захватывать Тайвань? – спрашивал я . – Ведь все равно вы в скором времени объединитесь мирным путем – и вас, и у них рыночная экономика, Тайвань недавно перешел к демократии, и когда этой демократии в континентальном Китае станет чуть побольше, ни одна партия на Тайване противиться естественной идее объединения не сможет. Так было в Германии, так будет с Тайванем и с Кореей. – Вы не понимаете, – отвечали мне. – Если Тайвань провозгласит независимость, никакое китайское правительство, не сможет удержаться у власти, если не начнет войны». – Трудно, конечно, в это поверить, но так говорят многие.

Тайвань для китайцев не просто неотъемлемая часть национальной территории, а остров, контролируемый врагом, который украл сокровища, являющиеся национальным достоянием, и до 1987г. (только тогда на Тайване было отменено военное положение, введенное в 1949г.) гноил коммунистов в тюрьмах. До самого

последнего времени именно Тайвань отказывался развивать с Китаем экономические, политические, культурные, спортивные и прочие гуманитарные связи, тогда как континентальное правительство старалось их всячески поощрять. Только сейчас Тайвань начинает открывать двери для прямой торговли и капиталобмена с континентом под давлением экономической необходимости: уж слишком быстро развивается китайский бизнес, чтобы его можно было и дальше игнорировать. Тайвань – одна из двух стран в мире, с которой континентальный Китай согласен терпеть большой и устойчивый торговый дефицит (другая, между прочим, Россия). В 2002 году Китай превратился в главного торгового партнера Тайваня, вытеснив с этого места США; идея строительства моста или туннеля через тайваньский пролив теперь обсуждается вполне серьезно.

По коммунистической версии новейшей китайской истории, Гоминьдан бойкотировал совместную с Компартией борьбу с японской интервенцией в 1931-45гг., воюя с коммунистами вместо того, чтобы воевать с японцами. Гоминьдан, правда, обвиняет в этом же коммунистов; об этом же пишет в своих дневниках и Петр Владимиров – фактический посол СССР при Компартии Китая, базировавшейся в Яньани во время войны (формально он был представителем Коминтерна и военным корреспондентом ТАСС; дипотношения существовали тогда только с гоминьдановским правительством, которое Компартия поддерживала). Однако непреложный исторический факт состоит в том, что Чан Кайши обязан коммунистам своим положением, а, возможно, и жизнью: во время так называемого сианьского инцидента в декабре 1936г. Чан Кайши был арестован своими же генералами, недовольными его нежеланием сотрудничать с Компартией в антияпонской войне; он был освобожден только по настоянию коммунистов, пославших Чжоу Эньлая в Сиань, чтобы примирить Чан Кайши с его же генералами; дело закончилось тогда подписанием сианьского протокола, призывавшего воевать с японцами, а не между собой. А потом этот самый Чан Кайши, вместо того, чтобы покориться воле революционного народа, предательски украл национальные сокровища – вывез золотой запас и художественные ценности на остров, так что несколько поколений континентальных китайцев их в глаза не видели... В общем,

что и говорить, внутренние конфликты всегда более жестоки и бескомпромиссны, чем внешние, и раны от них заживают дольше.

Так или иначе, в мировую политику Китай понемногу втягивается, может быть, и помимо воли руководства. В дискуссиях о том, как Китай должен был поступить после гибели китайских граждан в Белграде во время натовских бомбардировок в 1999г. и после инцидента с американским самолетом-шпионом в 2001г., все чаще вспоминают Мао, при котором страна была менее богатой и сильной, но все равно не боялась «бумажных тигров» мирового империализма. Во время недавних валютных кризисов Китай фактически впервые после Мао проявил себя ответственным лидером в Восточной Азии, да и во всей мировой экономике. Во имя азиатской солидарности он «держал удар», как никакая другая страна, и сильно помог бывшим вассальным/союзным государствам: решение Китая не девальвировать юань на деле означало, что он взял на себя часть трудностей соседей, чтобы избежать волны конкурентных девальваций и еще большей дестабилизации; кроме того, Китай выделил 1 миллиард долларов кредитов в стабилизационный фонд для стран ЮВА и обязался поддерживать своими резервами валюту к тому времени уже китайского Гонконга. Китайскую ответственную позицию высоко оценили не только в Азии, но и в США и Европе.

Куда смотрит восточная голова российского орла

«У российского орла две головы, – говорил бывший российский президент Борис Ельцин, отвечая на вопрос о про-европейской или про-азиатской ориентации России. – Одна смотрит на Запад, другая на Восток». – Смотреть-то, может быть, и смотрит, да много ли видит?

Почему вы так хотите быть европейской страной? – спрашивали меня в Азии. – Зачем России надо обязательно быть в составе «семерки» («восьмерки»)? Ведь вы же развивающаяся страна, как и мы. – Я не знал, что ответить. Я думал, что Россия не Европа только до тех пор, пока не побывал в Азии – оттуда уж точно видно, что Россия часть Европы. Дистанция между российской жизнью и европейской кажется мизерной при сравнении Китая с Европой, будь то Голландия или Россия. К счастью или к сожалению? На нашем Дальнем Востоке китайцев – легальных и нелегальных иммигрантов – всего от силы 250 тысяч, менее 5% населения (это высшая оценка, другие говорят, что не более 50 тысяч), но сколько уже разговоров о «желтой опасности» и «ползучей экспансии»!

Для Китая – Россия не только бывший друг. Россия – поработитель и захватчик, участник многочисленных разделов Китая в XIX веке, навязывавший стране кабальные договоры. Россия – одна из 8 империалистических держав, войска которых вторглись в Китай сто лет назад. «Ты должен был бы видеть, как мы вошли в город, когда выиграли первое сражение, – писал немецкий солдат домой после того как западный десант, высадившийся в Тяньцзине, вступил в Пекин 14 августа 1900г. – Перебиты были все, кого мы только встретили на пути: мужчины, женщины, дети. О, как кричали женщины! Но приказ императора гласит: не давать пощады!» Это был приказ императора Германии Вильгельма II, в котором именно так и говорилось: «Пощады не давать, пленных не брать,...чтобы и через 1000 лет ни один китаец никогда более не осмелился даже косо взглянуть на немца». Именно так – не просто взглянуть, а «даже косо взглянуть», и всего только 100 лет назад. Интервенты разворовали и уничтожили бесценную дворцовую библиотеку, где хранились

редчайшие старинные рукописи и книги. Из Пекина шли эшелоны поездов с золотом и жемчугом, слоновой костью и фарфором.

Российские войска, занявшие тогда Маньчжурию, зверствовали не меньше. «Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, – они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей, – писал тогда современник (Ленин). – И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев».

С чем у нас ассоциируется Европа? Раньше говорили «европейская цивилизация» и «европейское образование», теперь – «европейские ценности», «два авиабилета в одну из европейских столиц», евросервис, набор еврокосметики, евроремонт с установкой евросантехники. А Азия? Совсем другой набор устойчивых словосочетаний: азиатское коварство, азиатская хитрость, азиатская жестокость, «азиатщина»... Ничего благосклоннее «азиатской экзотики», пожалуй, и не найти. Стереотипы человеческого сознания живучи, они так укореняются, что остаются даже тогда, когда исчезает само явление, которое они отражали.

Между тем, отношение китайцев к русским, похоже, более благожелательное, чем наше к ним. В глазах китайцев русские – большие дети, которые только с виду грозные, но обмануть которых не составляет труда, и которые, может быть, и выглядят круто, но торговаться не умеют. Русских ценят за невраждебность и щедрость, за открытость и готовность поговорить по душам – я бы даже сказал, что в этом смысле мы с китайцами очень похожи и сильно отличаемся от закрытых японцев. Старшее поколение знает и любит советские песни и фильмы, особенно «Летят журавли». «Советский Союз – наш старший брат» – этот лозунг 50-х годов тоже никогда не забудут те, кому за 50. Русскими восхищаются за то, что выиграли войну, что осваивали космос, что делали ракеты и противостояли могущественной Америке. Но русским также и сочувствуют, что они такие большие, но к жизни не

приспособленные, что в бизнесе они не слишком предприимчивые, что у них теперь мало денег, так что даже проститутки из России едут на заработки в Китай. Только 18-26% китайцев, живущих в Москве, Хабаровске и Владивостоке и опрошенных в 1998-99 гг., сказали, что были бы против брака их близких родственников с россиянами. Однако на аналогичный вопрос (относительно брака с китайцами) отрицательно ответили 44-64% россиян. Вот такие мы «купертые»...

Служащий пекинской туристической фирмы, в которую зашел справиться о маршрутах и ценах, приветливо заулыбался – «а, русские, бывшие друзья». – Затем порылся в бумагах и сообщил, что на меня распространяется правило о наценке для иностранцев; будет не намного, но все-таки дороже, чем для китайских граждан; деньги же пойдут не фирме, а в виде пошлины в госказну. – «Не понимаю, почему с вас берут больше, ведь вы же такая же развивающаяся страна, как и мы», – извиняющимся тоном произнес он. Я на минуту почувствовал себя неудобно: сам знаю, что развивающаяся, но принимать от китайцев скидку на бедность как-то неловко. А с другой стороны, меня все-таки считают за равного, за своего, даже за друга, хоть и бывшего. С американца, европейца или японца эту наценку взяли бы, не моргнув глазом, и, скорее всего, не только в пользу государства.

Город Забайкальск Читинской области, в 40 км от того места, где встречаются границы Китая, России и Монголии, последняя станция до пересечения китайской границы по транссибирской магистрали в то время, когда она проходила по территории Китая (КВЖД – Китайско-восточная железная дорога), 11 тысяч человек населения, из них, возможно, 10% китайцы. На строительстве транссиба, кстати сказать, и китайской его части, и российского обходного пути, работали в основном китайские рабочие. По завершению строительства обходной ветки транссиба по российской территории в 1916г. значение Забайкальска сильно упало. В основном там жили военные, но после развала СССР и военное присутствие снизилось.

«Для жителей Забайкальска рай начинается через 50 м после пересечения границы, за брошенными русскими танками и заборами с ржавой колючей проволокой. Здесь

китайцы построили сияющий центр свободной торговли, маленький город, состоящий из отелей, офисов транспортных фирм, магазинов оптовой торговли и пагод. На горизонте, в 10 минутах езды по свежеложенному асфальту китайской автострады, виден город Маньчжоули. Китайская версия Забайкальска всего 10 лет назад, теперь это место, где разворачивается российско-китайская торговля – лес небоскребов и кафе, «где даже дворники имеют сотовые телефоны», как сказал с завистью один русский». Это цитата из статьи в «Нью-Йорк таймс», я сам этого не видел, но легко могу представить.

Китайско-российское экономическое сотрудничество идет довольно вяло – то есть, для России объемы экспорта довольно значительные (сырье и вооружения, в основном самолеты СУ-30МК), а для Китая в общем малозаметные. В 2000г. наш товарооборот составил 8 млрд. долл., в 2001г. ожидается 10 млрд. долл., однако китайская торговля с США – 115 млрд., с Японией – 84 млрд., а всего – около 500 млрд. долл. плюс более 200 млрд. у Гонконга и почти 300 млрд. у Тайваня (складывать последние цифры, правда, нельзя, так как во многом это перепродажа китайских товаров).

Есть, правда, еще и челночная торговля, которая, конечно, не полностью учитывается в официальной статистике: в Пекине есть целый район – Ябао лу – несколько кварталов в восточной части города, сразу за вторым кольцом, где в магазинах с русскими названиями и объявлениями отовариваются наши челноки. Район этот было захирел сразу после августовского кризиса 1998г., когда из-за девальвации рубля импорт стал слишком дорогим, но теперь там снова идет относительно бойкая торговля.

Есть также и «крупные» перспективные проекты: строительство нефтепровода Ангарск – Дацин (или Ангарск – Находка) протяженностью 2400 км и стоимостью 1,7 млрд. долл. – соглашение о разработке технико-экономического обоснования на этот нефтепровод было подписано в сентябре 2001г.; строительство газопровода от Ковыктинского месторождения в Иркутской области, на которое еще пока даже

нет технико-экономического обоснования; видимо, будут и новые контракты на поставку вооружений. Однако существенно приблизить российско-китайскую торговлю к китайско-американскому или китайско-японскому уровню эти проекты не смогут.

По нефтепроводу даже после 2010г., когда он заработает на полную мощность, будет перекачиваться 30 млн. т нефти ежегодно (это порядка 3 млрд. долл.), а все потребности Китая в импорте газа после 2010г. оцениваются в 20-30 млрд. кубометров в год (2-3 млрд. долл.), так что даже если Россия будет удовлетворять их полностью, торгового бума не получится. Для сравнения: государственная китайская нефтегазовая компания «Петро-Чайна» начала сейчас строительство газопровода стоимостью 14 миллиардов долларов и протяженностью 4000 км из Синьцзяна в Шанхай и восточные приморские провинции. Газопровод должен быть готов к 2005г., объем разведанных запасов газа в Китае – 3 триллиона кубов в Синьцзяне и близлежащей Таримской впадине и еще 1 триллион на континентальном шельфе, объем потребления в 2010г. оценивается в 90-100 млрд. кубов, так что Китай в принципе мог бы самообеспечиваться газом несколько десятков лет, российский газ ему не особенно нужен. Тем более, что с 70-х годов Китай лидирует в производстве биогаза, синтетических нефтепродуктов из сланцев и генераторного газа из угля. Как считают эксперты, труба из Ковыкты, как и обсуждающиеся проекты строительства газопроводов из Казахстана и Туркменистана к синьцзян-шанхайской магистрали, нужна Китаю не столько для немедленного удовлетворения импортных потребностей в газе, сколько для стратегического привязывания этих источников топлива к своему рынку и для обеспечения транзита этого газа в Корею и Японию через свою территорию.

То же с вооружениями – контракт 1999г. на продажу 50 истребителей СУ-30МК, который называли сделкой века, имел общую стоимость всего 2 млрд. долл. (в расчете на несколько лет), да к тому же теперь Китай производит эти машины самостоятельно – по российской лицензии. Так что в ближайшей перспективе,

похоже, весь наш товарооборот для Китая будет меньше, чем одни только ежегодные приросты торговли с США и Японией.

И тем не менее Китай принимает Россию более серьезно, чем Россия Китай. В китайской внешней политике Россия бесспорно занимает большее место, чем Китай в российской внешней политике. В китайском МИДе формально 10 послов имеют ранг заместителя министра (в США, России, Японии, Англии, Франции, Германии, при ООН в Нью-Йорке и при международных организациях в Женеве; такой же ранг имеет и посол в Северной Корее, потому что об этом просит сама Северная Корея); неформально же пост посла в России считается, похоже, самым важным после поста посла в США. И это при том, что доля России в китайской внешней торговле составляет всего 2%. В российском же МИДе, видимо, назначение в любую из стран «семерки» важнее, чем назначение в Китай, хотя мы соседи и наш товарооборот составляет 5% всего российского внешнеторгового оборота и существенно уступает только нашей торговле с Германией и США (сразу после этих двух стран идут несколько с примерно одинаковым товарооборотом – Украина, Беларусь, Италия, Нидерланды, Китай).

Среди региональных исследовательских институтов Китайской Академии Общественных Наук есть Институт Восточной Европы, России и Средней Азии (бывший Институт мировой соцсистемы). Он имеет больше сотрудников, чем любой другой – порядка 100 против 30 в Институтах Японии и Северной Америки. У нас, между прочим, все наоборот: Институт Дальнего Востока Российской Академии наук, занимающийся Китаем, хоть и сопоставим по численности с Институтом США и Канады и Институтом Европы, по статусу явно им уступает. Почему мы так мало интересуемся страной-соседом, которая на наших глазах становится сверхдержавой?

Территория Китая составляет более половины российской, а если исключить районы с экстремальными климатическими условиями, то Китай вообще окажется больше России; население Китая в 9 раз больше. У России самая длинная граница с Казахстаном, а у Китая – с Россией, 3645 км, на 265 км длиннее, чем с Индией.

Разница в экономическом потенциале уже сейчас огромна и продолжает возрастать – ВВП России в 2000г. составил в лучшем случае около 20% китайского (а в 1990г. был примерно равен китайскому), российский экспорт в два с лишним раза меньше, несырьевой экспорт – почти в 10 раз меньше. Россия, конечно, сверхдержава, и не только бывшая, если судить по числу боеголовок на стратегических ракетах. Но через 10-20 лет военный потенциал России будет примерно такой же, что и у Китая – наш-то снижается, потому что денег нет его поддерживать, а китайский растет.

Так почему же тогда Россия смотрит на Китай свысока и не уделяет ему того внимания, которое он уделяет ей? Дело, очевидно, в уже упоминавшихся стереотипах, в нежелании быть «азиатами», в отождествлении цивилизации с Европой. Особенно боятся про-восточной ориентации наши демократы, Китай не нравится им потому, что он авторитарно-коммунистический; сотрудничать с ним и изучать его опыт считается поэтому чем-то постыдным. Кстати сказать, все демократы, будь то Союз правых сил или «Яблоко», известны в Китае прежде всего и главным образом как противники российско-китайского сближения, все другие пункты их политической платформы китайцы считают тонкостями и не очень ими интересуются; существенная для нас разница между Гайдаром и Явлинским в Китае полностью затмевается их про-европейской позицией.

Но ведь все страны были когда-то авторитарными, государство возникло раньше, чем демократия, и отнюдь не в форме парламентской республики; демократии не рождаются, к демократии приходят в результате исторической эволюции/революции, приходят разными путями и с разными издержками. Как уже говорилось, Китай ввел демократические выборы на низовом уровне более 10 лет назад и вводит их в высших эшелонах власти. Через 10-20 лет, а то и раньше, Китай станет не менее демократическим, чем Россия, и тогда можно будет провести более корректное сопоставление, сравнение по гамбургскому счету – уровень экономического развития выше российского вдвое, продолжительность жизни выше (уже сейчас выше на 5 лет), число стратегических носителей и ядерных боеголовок (если для вас это важно) одинаково, а число жизней, потерянных при переходе к демократии, на

несколько порядков меньше. Что же мы ответим тогда детям и внукам, которые спросят: почему же *мы* не пошли по китайскому пути?

Мораль

Рискуя расстроить читателя, должен признаться, что четкого вывода из всего написанного у меня нет. Капельки воды не складываются пока ни в море, ни в реку, ни в другой иероглиф со знакомым смыслом. Есть ощущение важности происходящего на наших глазах, есть чувство загадки, которую еще никто не разгадал, но картинки пока нет, только отдельные капли. «Цан хай и су», - говорят китайцы об ограниченности знания, а по-русски – «одна капля безбрежного моря»: и в печатном тексте, и в устной речи перевод с китайского на западные языки всегда получается вдвое длиннее оригинала.

В саду камней Рёандзи в древней японской столице Киото один из 13 камней всегда остается скрытым, заслоненным другими, с какого бы места вы ни смотрели. Так Владимир Цветов писал когда-то о Японии («Тринадцатый камень сада Рёандзи») – что-то всегда ускользает от внимания наблюдателя, можно увидеть многое, почти все, но никогда не все полностью. Наверное, так же и с Китаем, может быть – и с любой другой страной.

Есть ощущение, что Китай, да и вся Восточная Азия, базирующаяся в основном на китайской культуре, знает что-то такое, что неведомо европейской цивилизации. Статистический анализ быстрого экономического роста позволяет выделить многие факторы, объясняющие, почему ни Латинская Америка, ни Ближний Восток, ни Южная Азия, ни Африка не смогли в последние годы поспеть за восточноазиатскими «драконами» и «тиграми». Большие вложения в человеческий капитал, более сильные институты, более осторожная макроэкономическая политика (низкая инфляция), большая открытость экономики, и т. д. Однако, во-первых, всегда остается необъясненный остаток: даже если учесть все факторы, Восточная Азия в последние десятилетия все равно росла быстрее – то ли потому, что там много китайцев, то ли из-за того, что она между Америкой и Западной Азией, в общем мы толком не знаем, почему. А, во-вторых, объяснить, как это Восточной Азии удалось поддерживать и сильные институты, и правильную макроэкономическую и

промышленную политику, тогда как другим развивающимся странам это не слишком удастся, тоже совсем не просто.

В социальной сфере, в том числе и в экономике, жизнеспособными и перспективными часто становятся такие формы, которые раньше, казалось, выброшены на обочину истории. В том, что раньше представлялось смешным, устаревшим, отжившим, патриархальным и даже варварским, неожиданно открывается «второе дыхание». Сколько книг было написано про «японское чудо» в 70-х! Пожизненный найм, круговая порука, тесные отношения банков с промышленностью и госчиновников с бизнесом – во всем этом видели тогда секрет японского процветания. А сегодня не меньшее количество исследований усматривают в тех же самых патерналистских неформальных отношениях причины кризиса в Японии и других странах Восточной Азии.

Когда части 8-ой Народно-Революционной Армии, оттесняя в 1949г. гоминьдановцев на Тайвань, подошли к Гонконгу, им ничего не мешало взять его, что называется, с марша, он не мог оказать им никакого военного сопротивления. Незадолго до этого Мао не послушал Сталина, настойчиво советовавшего ему не двигать войска на юг, не пересекать Янцзы и оставить в покое гоминьдановское правительство в Нанкине. Кто знает, если бы Мао внял тогда советским предложениям, Китай до сих пор был бы разделен на две части, как Корея. Однако, подойдя к Сянгану, Мао неожиданно остановился. Говорят, он решил тогда оставить Гонконг Британии, просто чтобы посмотреть, что у них получится. Видимо, он искренне надеялся, что свободный Китай докажет свое преимущество в экономическом соревновании с колониальным анклавом империализма.

Получилось с точностью до наоборот: Гонконг быстро стал самым богатым азиатским городом, превзойдя даже Англию по уровню жизни. Однако в решении Мао, согласитесь, были и калибр, и воображение, и стратегическая дальновидность. Три десятилетия Гонконг был живым укором экономической политике КПК, но даже в самые голодные годы «большого скачка» туда шли эшелоны с продовольствием из

Гуандуна в строгом соответствии с подписанными контрактами. В конце концов, не в последнюю очередь благодаря Гонконгу, оставленному в роли «контрольного участка», на котором результаты оказались лучшими, чем на «опытном», в Китае начались реформы Дэн Сяопина в 1978г. Да и философия этих реформ была схожей: экспериментировать, «чувствовать камни под ногами при переходе реки». Сам же автор самых крупных в истории человечества экспериментов в области социальной инженерии был крайне скромно в окончательном подведении итогов. Говорят, когда Мао спросили об исторической роли Великой французской революции XVIII века, он ответил: «пока что слишком рано судить...»

Сказать, что у китайцев терпимость к другим формам общественной жизни – в крови и что они всегда оставляют «контрольный участок» было бы преувеличением. В китайской пяти тысячелетней истории было все – и императоры, сжигавшие книги и казнившие ученых, чтобы начать историю с чистого листа, и борьба с воробьями, приведшая к повсеместному распространению гусениц и насекомых... Но, может быть, именно так и вырабатывается иммунитет к радикальным преобразованиям, к разрушению старого мира «до основания, а затем». Народы, как и люди, мудреют с опытом, а опыт приходит с возрастом. Китайская цивилизация, как уже говорилось, единственная из древнейших, которая существует и по сей день, сохраняя никогда не прерывавшуюся преемственность; остальные сгинули под нашествиями завоевателей, в лучшем случае передав им свои культурные достижения, а в худшем – вообще без следа, так что изобретенные ими «велосипеды» пришлось открывать заново.

Защитники окружающей среды считают несчастьем исчезновение редкого вида растений или животных – есть понимание того, что у исчезнувшей навсегда букашки могли быть такие уникальные гены, которые сегодня никому даром не нужны, а в будущем могут спасти человечество. Лингвисты и культурологи бьют тревогу, когда исчезает целый народ со своим языком и культурой, как, скажем, айны на Хоккайдо, в Японии, язык которых – один из трех-четырех в мире, не укладывающийся ни в какие языковые группы и семьи. У экономистов и политологов такого почтения к

общественным формам нет, хотя их знания о своем предмете исчерпывающими не назовешь даже с натяжкой.

Мы не знаем пока что наверняка, почему Восточная Азия росла быстрее всех в послевоенный период; не знаем, почему китайские коллективно-муниципальные предприятия (TVE – township and village enterprises) с самыми неясными правами собственности в мире увеличивали объем производства в 80-90-е годы на 20% в год; не знаем, что лучше – англо-американская система контроля и финансирования корпораций (основанная на рынке акций) или же германо-японская (основанная на банках и других финансовых институтах); не знаем, наверняка, какие именно отрасли государство должно поддерживать и должно ли вообще; в общем – много чего не знаем. А если не знаем, то можно и нужно спорить до хрипоты, но не стоит спешить с оргвыводами, не надо с порога отвергать китайский опыт, который был у нас когда-то так популярен. Нетерпение ума – плохой советчик, чем больше узнаешь о Китае, тем больше хочется узнать.

Секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не поняв, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли. Может быть, именно беспрецедентная преемственность китайской традиции, сохранившая «неэффективные» иероглифы, которые в свою очередь позволили уберечь ассоциативность мышления и культуры, способствовала формированию знаменитой китайской приспособляемости, которая так пригодилась при ускорении экономического развития.

И, наконец, самое последнее – всякая культура многослойна и сложна для понимания с наскока, но китайская с ее преемственностью в пять тысячелетий, наверное, особенно. наших китаистов в среде экономистов и политологов, похоже, сейчас незаслуженно забыли, а между тем квалификация их была на мировом уровне даже тогда, когда экономисты писали диссертации типа «Кейнсианство – лженаучная доктрина поджигателей войны» (была и такая в 50-е годы). Сейчас китаеведы

обижены и сердиты, наверное, не без основания, что их труды мало кто читает и понимает в наш «железный век». Илья Смирнов, специалист по древней китайской поэзии, был сильно обескуражен моим прозаическим «пересказом, а не переводом», как он выразился, стихотворения Ли Бо, отплывавшего из Байди по Янцзы в IX веке. Любезно сделав по моей просьбе свой литературный перевод, он настоял, чтобы я поместил его комментарий не только к стихотворению, но и ко всей брошюре, что я с удовольствием и делаю – другая точка зрения всегда полезна.

Главная мысль его комментария к самому стихотворению (в разделе про Янцзы и Три ущелья), если помните, была такой: оценить богатство смысла и образа, аллюзий и намеков может только тот, кто знаком с предшествующей китайской литературой, а взгляд того, кто не знаком, неизбежно остается крайне поверхностным. «Примерно так же и по сей день устроена вся китайская культура, – продолжает он, – она предлагает неопытному соблазнительные обманки, подменяющие подлинное проникновение в ее суть. Мне представляется, что автор настоящей книги почти всякий раз, когда уходит в сторону от предмета своего профессионального знания – экономики и берется рассуждать о китайской культуре, оказывается в плену подобных обманок, и ни в коем случае мое мимолетное в этой книге участие не следует воспринимать как согласие со сказанным в ней о культуре Китая – словесности, истории, верованиях, обычаях. Просто таким увидел Китай наш заинтересованный соотечественник, ученый экономист, о сюжетах своей науки привыкший, видимо, судить с большей ответственностью. Надеюсь, что те читатели, которых эта книга повлечет к старой китайской культуре, дадут себе труд отыскать на российском книжном рынке работы специалистов в этой области – Россия во все времена рождала выдающихся китаеведов поистине мирового уровня, и замечательные исследования о Китае у нас вовсе не редкость».

Так что не надо слепо доверять всему написанному про китайскую культуру. Специалисты думают иначе, а Вам, дорогой читатель, предстоит разбираться самому. «Великий квадрат не имеет углов» – говорил Лао-цзы. Понятно? Нет? Мне тоже не очень. Поезжайте, пожалуйста, в Китай, почитайте про китайскую историю и

культуру: ставлю десять против одного, что вам захочется выучить китайский. Ну, по крайней мере, научить своих детей или внуков. Послушайте еще раз, неужели Вам не нравится?

Рассветной порою город Байди
в пестроцветии облаков;
В Цзинлин, до которого тысяча ли,
в единый день возвращусь.
По берегам обезьяны кричат –
их крик еще не затих,
А легкий челнок уже миновал
горных вершин череду.

ОБ АВТОРЕ

Владимир Викторович Попов – заведующий сектором в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (<http://www.gsib.ru/wrk/ekonom.html>), профессор Российской экономической школы в Москве (<http://www.nes.ru/public-presentations/CVs/Popov-bio.htm>) и Карлтонского университета в Оттаве (http://www.carleton.ca/npsia/new_npsia/npsia_faculty/popov_2001.html). Окончил экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова в 1976г., имеет степени кандидата экономических наук (1980г.) и доктора экономических наук (1990г.) от Института США и Канады АН СССР. В 1996-98гг. был со-директором проекта «Стратегия перехода к рынку: альтернативы и результаты» в Мировом Институте исследований экономического развития в Хельсинки (WIDER/UNU). В 1990-2002гг. преподавал в Академии народного хозяйства, Академии внешней торговли и Российской экономической школе в Москве; в Куинзском, Торонтском и Карлтонском университетах в Канаде; в университете Кайзерслаутерна в Германии; в Хельсинской школе экономики в Финляндии; занимался исследовательской работой в Италии, США, Финляндии, Швеции, Японии.

Вместе с Н.П. Шмелевым опубликовал книгу «*На переломе: экономическая перестройка в СССР*», М., Издательство АПН, 1989г., изданную также на английском (“*The Turning Point: Revitalizing the Soviet Economy*”, Doubleday, New York, 1990) и корейском.

Недавняя книга, написанная в соавторстве с М. Монтесом (“*The Asian Crisis Turns Global*”, Institute of Southeast Asian Studies, Singapore, 1999 (<http://202.0.149.14/best.html>), вышла также и в дополненном русском издании («*Азиатский вирус*» или «*голландская болезнь*». *Теория и история валютных кризисов*). М., Издательство «Дело», 1999).

Последняя книга – “*Transition and Institutions: The Experience of Late Reformers*”. G. A. Cornia and V. Popov, Eds., Oxford University Press, 2001

(<http://www.wider.unu.edu/publications/publications.htm> и <http://www.oup.co.uk/isbn/0-19-924218-6>).

В числе последних работ:

- Reform Strategies and Economic Performance: The Russian Far East as Compared to Other Regions. – *Comparative Economic Studies*, Vol. 43, No. 4, Winter 2001, pp.33-66.
- Бюджетный федерализм в России: Роль политических факторов в формировании финансовых потоков между центром и регионами (<http://www.nes.ru/public-presentations/Papers/Popov-rus.htm>).
- Трехглавая гидра безденежья (в со-авторстве с С. Гуриевым), *Эксперт*, 5 марта 2001г. Полная версия статьи – на сайте РЭШ (<http://www.nes.ru/~sguriev/nemonetar.doc>). Сокращенный английский вариант: The Rise and Fall of the Non-monetary Economy in Russia: Puzzles Multiply Faster Than Resolved. Review of D. Woodruff's book "Money Unmade. Barter and the Fate of Russian Capitalism". – *Journal of Policy Analysis and Management*, Vol. 20, No. 2, Spring 2001, pp.376-9.
- Exchange Rate Policy After the Currency Crisis: Walking the Tightrope. – *PONARS Policy Memo No. 174*, Nov. 2000 (<http://www.fas.harvard.edu/~ponars/POLICY%20MEMOS/Popov174.html>).
- Circumstances versus Policy Choices: Why Has Economic Performance of FSU States Been So Poor? Paper prepared for the conference "Ten Years since the Collapse of the Soviet Union: Comparative Lessons and Perspectives", Princeton University, October 13-14, 2000 (<http://www.wws.princeton.edu/~cis/POPOV.PDF>).
- Reform Strategies and Economic Performance of Russia's Regions. – *World Development*, Vol. 29, No 5, 2001, pp. 865-86. Сокращенный вариант на русском: *Мировая экономика и международные отношения*, № 9, 2000г.; *НГ – Политэкономика*, 12 сентября, 2000г. (http://politeconomy.ng.ru/research/2000-09-12/7_reform.html).
- Framework Paper on the Political Economy of Growth in Transition Countries. Co-authored with M. Castanheira. EERC working paper. See: http://www.gdnet.org/pdf/425_Casta-Popov.pdf and http://www.eerc.ru/activ/projects/GRP/GRP_regional_papers.htm.
- Political Economy of Growth in Russia.– In: *Labour Relations in Development*. Ed. by A. F. Jilberto and M. Riethof. Routledge, 2002. Сокращенный английский вариант: <http://www.fas.harvard.edu/~ponars/POLICY%20MEMOS/Popov129.html>. Сокращенный

вариант на русском: Факторы экономического роста или почему Россия не станет «азиатским тигром». – *НГ – Политэкономика*, 23 мая 2000г.

(http://politeconomy.ng.ru/research/2000-05-23/7_russian_tiger.html)

- Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the Magnitude of the Transformational Recession). – *Comparative Economic Studies*, Vol. 42, Spring, 2000, No. 1, pp. 1-57. Сокращенный вариант на русском: *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*, No. 1 (30), 2000, с. 66-72 (<http://www.mpsf.org/kpvo/kpvo.html>).

- The Currency Crisis in Russia in a Wider Context. - *C.D. Howe Institute Commentary*, No. 138, March 2000 (<http://www.cdhowe.org/PDF/popov.pdf>). See also: Russia's Financial Collapse. – *NIRA Review*, Vol. 6, No. 6, Winter 1999 (<http://www.nira.go.jp/publ/review/99winter/popov.html>); Currency Crises in Russia and in Southeast Asia. Paper prepared for the conference “Transition and Reforms in Korea and Russia: A Comparative Perspective” Seoul, Nov. 23-24, 2000 (http://www.tongilnet.net/forum3/speech_2-1.html).

- Investment, Restructuring and Performance in Transition Economies. - *Post-Communist Economies*, 1999, Vol. 11, No.4, pp. 445-62.

- Уроки валютных кризисов в России и других странах . – *Вопросы экономики*, №. 6, 1999г., с. 100-122.

- Валютные курсы в развивающихся и переходных экономиках. – *ЭКО*, №.5, 1999г., с. 40-52.

- The Financial System in Russia as Compared to Other Transition Economies: The Anglo-American versus the German-Japanese Model. - *Comparative Economic Studies*, Vol. 41, No. 1, 1999, pp.1-42 (<http://www.econ.cbs.dk/institutes/cees/workshop/pdf/Popov.pdf>). Сокращенный вариант на русском: Конструктор для финансиста. – *Эксперт*, №. 38, 10 октября 1999г. (<http://novosti.online.ru/issue/expert/99/38/expert02.htm>).

- Will Russia Achieve Fast Economic Growth? - *Communist Economies and Economic Transformation*, Vol. 10, No. 4, 1998, pp.421-49.

- Investment in Transition Economies: Factors of Change and Implications for Performance. - *Journal of East-West Business*, Vol. 4, No. 1/2 (1998), pp. 47-98

(<http://www.wider.unu.edu/publications/publications.htm>).

- Transition and Long Term Growth: Conventional versus Non-Conventional Determinants. - *Most - Most*, Vol. 8, No. 1, 1998, pp.7-32. Co-authored with G.A. Cornia.
- Investment Behavior, Population Structure and Long Term Growth in Eastern Europe and Russia. - *Most - Most*, Vol. 8, No. 1, 1998, pp. 83-107. Co-authored with G.A. Cornia, J. Honkkila, R. Paniccia (<http://www.wider.unu.edu/publications/publications.htm>).
- Сильные институты важнее скорости реформ. – *Вопросы экономики*, №.8, 1998г., с. 56-70. Сокращенный английский вариант: Institutions Count More Than Liberalization Speed. - *Transition. The Newsletter About Reforming Economies*, October 1998 (<http://worldbank.org/html/prddr/trans/oct98/popov.htm>).
- Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики. – *Вопросы экономики*, №.7, 1998г., с. 42-64. Сокращенный вариант: Шокотерапия против градуализма: конец дискуссии. – *Эксперт*, 21 сентября 1998г. (<http://novosti.online.ru/issue/expert/98/35/pereh.htm>).
- Уроки валютного и биржевого кризиса в Юго-Восточной Азии. – *Вопросы экономики*, 1997г., №12, с. 94-106.

Pages – 159
Paragraphs – 449
Lines – 4653
Words – 43 182
Characters – 262 631
Characters with spaces –306 878